И.И. Смирнов

ТРОПЫ ИСТОРИИ
Криптоаналитика глубинной власти

ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

И.И. Смирнов

ТРОПЫ ИСТОРИИ
Криптоаналитика глубинной власти

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2020

УДК [323:338.23](091)
ББК 66.3(0),4+65.03(0)6
С50

Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2020. 473 с.

Smirnov I.I. Paths of History. The Cryptoanalysis of Deep Power. Moscow: KMK Scientific Press. 2020. 473 p.

Книга посвящена ответу на три ключевых вопроса: что, когда и почему пошло не так, в силу каких причин и обстоятельств прогрессивная динамика общественного развития сменилась на рубеже 1960–70-х гг. на деструктивную траекторию? На основании перекрестного анализа малодоступных источников западных и российских архивов, мемуарной литературы и собственных воспоминаний, автор предлагает свою версию глубинных процессов последней четверти XX века, которые в итоге привели к надвигающемуся системному, политическому, экономическому, культурному, экологическому и технологическому кризисам.

The aim of the book is to answer three key questions: what, when and why went wrong, due to what reasons and circumstances the progressive dynamics of social development gave way in the late 1960s – early 1970s to a destructive trajectory? On the basis of a cross analysis of not readily available sources in Western and Russian archives, memoir literature and his own recollections the author offers his version of the deep processes in the last quarter of the twentieth century which ultimately led to the impending system, political, economic, cultural, ecological and technological crises.

ISBN 978-5-907213-75-3

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю

Настоящая книга написана в редком для русскоязычной литературы жанре воображаемой криптоаналитики. Последнее нуждается в пояснении и объяснении.

Как известно, история, и не только российская, столь же многовариантна, вероятностна и неопределенна, как и будущее. Расследования прошлого столь же трудны, как предсказания грядущего. Особенно когда дело касается не внешних, доступных всем, последовательностей, а глубинной истории с ее процессами, ситуациями и событиями.

Криптоистория имеет дело с такими экстравагантными и причудливыми акторами, как организации-оборотни, лишь отчасти распознаваемые гетерархии, сети, мутирующие в иерархии и наоборот.

Согласно сложившейся в разведывательных службах традиции, криптоаналитика обычно имеет дело с расследованиями отношений в полностью скрытых от внешнего наблюдателя, придонных слоях наднациональных, транснациональных и вненациональных элит и других организованностей.

Непредсказуемость истории в значительной степени связана с ее предметом. Ответственный расследователь прошлого, так же как прогнозист будущего, имеет дело с объектами, фактами, сведениями и выносимыми на их счет суждениями.

Главный порок большинства нынешних работ, в том числе по отечественной истории, сопряжен с попыткой их авторов выдать суждения за объекты, факты и свидетельства. Автор постарался тщательнейшим образом разделить между собой объекты, в качестве которых могут выступать банковские проводки, свидетельства о рождении, сохранившиеся письма и т.п.; факты — письменные утверждения о тех или иных событиях, например, о рождениях, смертях, банкротствах, свадьбах и т.п., имеющие перекрестное подтверждение; и, соответственно, сведения, в качестве которых используются наиболее достоверная, ответственная мемуарная литература, собственные впечатления автора о тех или иных событиях или записи в наиболее респектабельных, преимущественно платных, базах данных. Все остальное — не более чем суждения. Они вполне на месте в публицистических работах, но суждения необходимо безжалостно выжигать каленым железом из криптоаналитических работ.

Работа разведчика, криптоаналитика или расследователя в конечном счете сводится к построению на основе заслуживающей доверие информации модели того или иного процесса, ситуации, события. Любая же модель — не есть что-то, существующее в природе само по себе. Модель, и в этом необходимо признаться честно, это всегда плод воображения в отношении тех или иных объектов, фактов и сведений. Ответственный криптоаналитик отличается от популярного публициста тем, что честно, открыто и ответственно признается, что оперирует моделью, а не описывает непосредственно тот или иной процесс, имевший место в прошлом. Прошлое всегда остается лишь в памяти, а поэтому имеет прямое отношение к миру психическому, а не физическому, к идеальному, а не материальному.

Воображаемый характер криптоаналитики не означает, что она построена на фантазиях относительно сферических коней в вакууме. Отнюдь нет. Первая задача криптоаналитика — это разделить информацию на объекты, факты, сведения и суждения, постараться, по возможности, избавиться от последних. Что касается первых, то зачастую для читателя полезно указать при помощи ссылок на наименование источника информации. Однако нужно честно признаться читателю, что изобилие сносок совсем не свидетельствует об уровне, добросовестности и квалификации автора. Зачастую, это — обманки. Читатели в массе рассматривают ссылки как подтверждение истинности. Однако это совсем не так. Ссылка может быть указателем на важное обстоятельство, а может быть средством манипулирования читателем.

Поскольку криптоаналитика носит принципиально модельный характер, она в обязательном порядке базируется на одной из трех фундаментальных человеческих способностей — воображении (другие два — это память и способность осуществлять выбор). Чем глубже слои истории, чем тщательнее укрыты события и ситуации, тем большую роль в работе играет мощное, но обязательно ответственное воображение, оперирующее с прошедшими тщательную проверку знаниями в различных их формах. Каждый серьезный автор криптоаналитических текстов должен заранее предупредить читателя об изложенных выше обстоятельствах, а в остальном, желательно, не стрелять в пианистов, они играют, как умеют.

Глава 1
Аурелио Печчеи

1

Двое из четырёх героев этой работы — Аурелио Печчеи и Александр Кинг — были любителями и даже знатоками классической японской живописи. Большинство школ монохромной японской живописи черпает своё вдохновение в дзен-буддизме. Более того, многие из основоположников школ дзен-буддизма, настоятелей монастырей и отшельников сами были известными художниками.

Один из наиболее популярных коанов дзен — это история о хлопке одной ладонью. Послушники обязаны уметь слышать хлопок одной ладонью. У этого коана, как и у любого другого, имеется много слоёв смысла, способов толкования. Притом, если строго следовать дзенской традиции, ни одно из них не является правильным. Для западного ума, не искушённого в изощрённых мыслетехниках и духовных практиках, европейские исследователи дзен- (или чань-) буддизма предложили следующее понимание. Хлопок одной ладонью — это метафора способности увидеть незримое, открыть скрываемое, услышать неслышимое. С этих позиций весьма интересно исследовать «Человеческие качества»[1] — автобиографическую книгу А. Печчеи.

А. Печчеи родился в семье, относящейся к нижней части итальянского среднего класса. Мать, как водилось в те времена в Италии, не работала. Отец, чьи предки были родом из Венгрии, был высокообразованным человеком и трудился на ниве просвещения. Он активно участвовал в рабочем движении индустриальной столицы Италии — города Турина и был одним из первых итальянских социалистов. О детстве А. Печчеи пишет довольно скупо. А с описания университетских времён начинаются загадки биографии А. Печчеи. Вот, например, он пишет: «В ранние годы моего ревностного студенчества мне удалось побывать за пределами фашистской Италии. В поисках пищи для ума я провёл шесть чрезвычайно полезных для меня счастливых месяцев в Париже, деля время между занятиями в Сорбонне и встречами с политическими эмигрантами разных национальностей… Заинтересовавшись опытом Великой Октябрьской революции, я научился довольно бегло говорить по-русски и побывал в Советском Союзе. Ленинская новая экономическая политика была темой моей дипломной работы при окончании экономического университета. Это было в 1930 г., и тема эта не могла не звучать как определён-

[1] Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

ный вызов режиму. Я глубоко восхищался работами Маркса, хотя и не считаю себя ни марксистом, ни последователем какой-либо другой идеологии… Незадолго до окончания Университета мне, благодаря знанию русского языка, удалось получить постоянную работу в фирме "Фиат", уже тогда имевшей довольно значительные деловые связи с Советским Союзом».

На первый взгляд это — достаточно традиционный фрагмент, свойственный всем автобиографическим книгам, где последовательно повествуется о далеко ушедших, но по-прежнему памятных юношеских годах. Однако, когда читаешь этот текст внимательным глазом, что-то в нём не складывается. Если говорить конкретно, то смущает время. Родился Печчеи в 1908 г. Окончил университет в 1930 г. Т.е. на время обучения у него пришлось чуть менее пяти лет. Это в общем-то соответствует сроку обучения в университетах в Италии того времени. Однако сюда как-то не вписываются счастливые полгода в Сорбонне и месяцы, проведённые в Советском Союзе. К тому же автор подчёркивает не слишком большой достаток своей семьи и отмечает, что он был вынужден подрабатывать даже в старших классах школы, а не то что в университете. Отсюда становится не вполне понятным, на какие деньги он отправился учиться в Сорбонну, жил в Париже и как оказался в Советском Союзе, не будучи не то что коммунистом, но даже марксистом.

Разгадку можно найти в лекциях профессора Грегорианского университета в Риме, члена Римского клуба с 1975 года и члена совета директоров World Future Society Элеоноры Барбье Мазини[2]. В книге указано, что Печчеи поступил в Туринский университет на экономический факультет в 1926 г. Окончил Университет в 1930 г., защитив магистерскую диссертацию на тему: «Новая экономическая политика в СССР и внешняя торговля». В 1930 г., получив стипендию, отправился в Сорбонну, где после полугодового дополнительного обучения опять же по стипендии продолжил стажировку в СССР.

Такие же сведения содержатся и в книге «Крестоносцы для будущего: портрет Аурелио Печчеи», написанной его помощником Гюнтером Паули в последние годы жизни и изданной вскоре после смерти Печчеи в 1987 г.[3] К слову сказать, в настоящее время Гюнтер Паули является одним из самых известных предпринимателей и экономических мыслителей в мире, автором оригинальной и эффективной концепции «синей экономики», которая и в идеологическом, и в деловом плане противостоит движению «зелёных». Помимо этого, в книге Паули указаны ещё два важных, разъясняющих суть дела обстоятельства. В книге указывается, что Печчеи с первых дней работы в «Фиате», где он оказался на последнем курсе Университета, был принят не в канцелярию или в какой-то отдел, связанный с текущей бумажной работой, а, как указано у автора, в отдел специальных проектов «Фиата». Это же подтверждает и Д. Гвишиани[4].

Сам Печчеи о работе в спецотделе не вспоминает: «На первых порах я занимался делопроизводством, вёл деловую переписку, сам печатал на машинке, неплохо стенографировал служебные переговоры. Однако безликая анонимная рабо-

[2] http://rivistaeco.it/rie/wp-content/uploads/2009/05/eleonora_barbieri_masini__eredit_di_aurelio_peccei.pdf

[3] Pauli, Gunter A. Crusaders for the Future: A Portrait of Aurelio Peccei, Founder of the Club of Rome. Oxford: Pergamon Press, 1987.

[4] Гвишиани Д. Мосты в будущее. М.: URSS, 2010.

та в большом многолюдном учреждении не очень соответствовала моему характеру, моим склонностям. В мечтах меня манили куда более широкие горизонты. Я начал подыскивать себе другую работу». Работа в специальном подразделении никак не может быть отнесена к бумажной и безликой, а идея о том, что молодой юнец из малообеспеченной семьи, только что взятый в крупнейшую компанию Италии, может находиться в позиции, когда он сам подыскивает работу в компании, кажется не только невероятной, но и, прямо говоря, неправдивой.

Не так всё однозначно и с темой диплома. Очевидно, что знанием русского языка А. Печчеи обязан не поездке в Советский Союз, куда он к моменту защиты диплома ещё просто не доехал, а своему отцу — социалисту, участнику рабочего движения в Турине. Здесь надо сказать несколько слов в пояснение. Венгерская диаспора всегда отличалась сплочённостью и взаимоподдержкой. Вслед за Октябрьской революцией революция произошла и в Венгрии. Причём не просто произошла, но и победила. Венгерское государство рабочих и крестьян под руководством Бела Куна просуществовало всего несколько месяцев, а потом, так и не дождавшись конницы Будённого, окружённое врагами, пало. Часть его руководителей и активных партийцев бежала в Советский Союз, а другая часть — в Европу, в том числе в Италию. Надо учитывать, что ядро руководства венгерской революции составляли либо коминтерновцы, либо, в гораздо большем числе, бывшие солдаты и младшие офицеры, по национальности венгры, призванные в австро-венгерскую армию и пробывшие несколько лет в российском плену во время Первой мировой войны. Многие из них в силу жизненной необходимости научились хорошо говорить по-русски, и, оказавшись в Италии, скорее всего, обучили способного к языкам юношу сложному русскому языку.

Диплом Печчеи в противоположность его словам отнюдь не выглядел вызовом фашистскому режиму Муссолини. Если принять во внимание, что в последний год учёбы молодой человек работал в подразделении специальных проектов «Фиата», то не будет большой натяжкой предположить, что тему диплома знатоку русского языка подсказали «старшие товарищи» — руководители спецотдела.

Как это ни покажется сегодня удивительным, фашистская Италия была одним из крупнейших внешнеторговых партнёров Советского Союза на протяжении 1920–1930-х годов. Вот что можно узнать из истории советской дипломатии: «7 февраля 1924 года в Риме Муссолини (он был ещё и министром иностранных дел) подписал вместе с полпредом СССР Н.И. Иорданским договор "О торговле и мореплавании между СССР и Италией". Этот договор аннулировал соглашение 1921 года. Италия юридически признавала Советский Союз и устанавливала с ним нормальные дипломатические и консульские отношения.

Заключение этого договора Италией шло вразрез с решением западных стран на Генуэзской конференции не устанавливать дипломатических отношений с Советской Россией до тех пор, пока советское правительство официально не признает долгов царского и Временного правительств. Но итальянское правительство пошло на этот шаг, чтобы в обмен на признание де-юре получить от Советского Союза особые экономические льготы. Поскольку Италия не желала до определённого момента раскрывать факт нарушения генуэзского решения, переговоры до 1923 г. велись секретно и затянулись до того, что первой о дипломатическом признании

СССР 2 февраля 1924 г. заявила Англия. Уже в 1927 г. в Милане было открыто отделение советского Нефтесиндиката. В 1927/1928 финансовом году Италия стала самым крупным потребителем советской нефти. Ей было поставлено 494 тысячи тонн. На втором месте была Англия — 387 тыс. т, за ней — Франция (355 тыс. т) и на 4-м месте — Германия (344 тыс. т).

Объём импорта из Италии увеличивался гораздо медленнее, чем объём советского экспорта в эту страну. В соответствии с общей импортной политикой, проводившейся в Советской России в годы индустриализации, удельный вес машин и оборудования в общем импорте из Италии неуклонно возрастал и в 1929 г. составил более 40%. Другими крупными статьями советского импорта из Италии были сера, ткани, фрукты и химические товары. В Италии для СССР была построена серия грузопассажирских судов.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., вызвал резкое падение промышленного производства в Италии, привёл к сокращению её внешней торговли. В этих условиях повышение заинтересованности Италии в торговле с СССР выразилось в том, что 2 августа 1930 г. итальянское правительство заключило с СССР кредитное соглашение, в силу которого итальянские экспортёры получали правительственные гарантии своих кредитов по продажам в СССР в размере 75% общей суммы годового экспорта в 200 млн. лир. Со своей стороны, СССР соглашался разместить заказы на итальянские промышленные товары в период с 1 июля 1930 г. по 30 июня 1931 г. на сумму 200 млн. лир при наличии приемлемых коммерческих и технических условий.

Предоставление итальянским правительством гарантий экспортных кредитов по сделкам с советскими организациями привели в 1930–1932 гг. к значительному увеличению объёма импорта машин и оборудования из Италии, причём их удельный вес в импорте возрос до 90%.

К началу 1930-х годов товарооборот между странами достиг максимального уровня в довоенный период. Экспорт в Италию составил более 5% всего советского экспорта, импорт из Италии — 2,7–2,8% объёма советского импорта. По данным итальянской статистики, удельный вес СССР во внешней торговле Италии достиг в 1931 году 3,8% (в импорте — 4,8 и в экспорте –2,7%)»[5].

Тема диплома юного А. Печчеи — «НЭП и внешняя торговля СССР», несмотря на развернувшуюся к тому времени индустриализацию и похороны новой экономической политики в СССР, была абсолютно логична. В конце 1920-х и большую часть 1930-х годов внешнеэкономический оборот регулировали законодательные нормативные документы, принятые именно в годы НЭПа. Поэтому диплом являл собой не фронду против режима фашистского диктатора, а диктовался производственной необходимостью компании-работодателя.Точно такой же необходимостью диктовались и стипендии, выданные для полугодового обучения в Сорбонне, а затем ориентировочно годового пребывания в СССР.

Если с СССР всё понятно, то Сорбонну следует объяснить. Сам Печчеи совершенно искренне указал, что там он активно общался с политэмигрантами. Рассматривая пребывание в Сорбонне в контексте работы на «Фиате», темы диплома и

[5] История дипломатии. Т.III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). М.–Л.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1945.

последующей стажировки в СССР, логично предположить, что в Сорбонне параллельно обучению А. Печчеи приобретал новые полезные связи среди коминтерновцев и сочувствующих им людей. Именно они составляли в то время подавляющую часть политэмигрантов в Европе, практически независимо от их конкретной политической ориентации. Дальше биография Печчеи превращается в настоящий триллер, заставляющий вспомнить горькую судьбу Льва Абалкина из романа братьев Стругацких «Жук в муравейнике». В романе человек, обладающий знаниями и специально подготовленный для одной работы, посылается в совершенно другое место, абсолютно ему противопоказанное.

Прежде чем перейти к последующим приключениям А. Печчеи, буквально несколько слов о том, чем являлось подразделение специальных проектов «Фиата». В нынешнее время есть такое словосочетание, как конкурентная разведка, которое является калькой с английского competitive intelligence. Термин придумали американцы в 1980-е годы. Естественно, в 1920-е о нём никто не помышлял. Тем более что, как явствует из книги Эмона Джаверса[6], в те годы подобные подразделения в крупных европейских и британских компаниях занимались не столько промышленным шпионажем в отношении конкурентов, сколько взаимодействием с государственными разведслужбами и военными, политиками и «серыми кардиналами» стран, которые были интересны корпорациям. Логично было бы предположить, что после завершения долгого обучения и стажировки молодой работник специального подразделения будет направлен в СССР.

В те годы у Страны Советов с «Фиатом» было много совместных дел. Сейчас как-то подзабылось, что первый советский автомобиль — грузовик АМО Ф-15 выпускался по чертежам и с использованием комплектующих «Фиата». С него и начался славный московский автозавод ЗИЛ, который ныне закончил своё существование в профильном виде также, как и подавляющая часть всей московской индустрии. Но грузовиками отнюдь не исчерпывались дела «Фиата». В перерыве между мировыми войнами «Фиат» помимо автомобилей выпускал железнодорожный транспорт, машиностроительное оборудование, строил суда, производил самолёты и изготовлял множество отдельных видов комплектующих. Например, как раз в начале 1930-х годов «Фиат» выступал как главный технический советник строительства и оснащения Первого московского шарикоподшипникового завода. Вполне логично было бы ожидать, что подающий надежды специалист со знанием редкого в Италии русского языка будет направлен в страну, к которой он и был подготовлен и где он уже успел постажироваться, приспособиться к жизни, завести знакомых и т.п. Однако всё вышло иначе.

Вернёмся к книге Печчеи: «И наконец, — пишет он, — мне удалось добиться назначения в Китай, где я оставался до середины 1938 года. К тому времени я женился. Это произошло в 1933 году… Жена приехала ко мне в Китай спустя несколько месяцев». Далее из книги можно выяснить, что сначала чета Печчеи оказалась в Шанхае, а затем перебралась в один из районов города Уси — «Нанчань, где итальянские компании строили тогда авиационный завод». Далее из текста выясняется, что молодому командированному пришлось «эвакуировать в более безо-

[6] Javers E. Broker, Trader, Lawyer, Spy: The Secret World of Corporate Espionage. N.Y.: HarperBusiness, 2011.

пасные внутренние районы страны, а потом в Гонконг сотню перепуганных, плачущих женщин и детей (среди которых была и моя собственная жена), так как на меня было возложено руководство этими работами». Эвакуацию пришлось осуществлять в результате начала японского военного вторжения в Китай и массированных бомбардировок Уси — города, где было локализовано строительство.

Если ограничиться воспоминаниями Печчеи и не обращаться к другим источникам, возникает сюрреалистическая картина. Непонятно, как, зачем и почему отправленный в Китай, при этом чудом попавший на «Фиат» молодой антифашист оказывается руководителем итальянского инженерно-технического персонала, строившего в Китае собственный авиационный завод. Однако, если учесть, что Печчеи являлся работником специального подразделения, всё становится на свои места. Тем не менее, загадка остаётся: правда, зачем «Фиату» было отправлять специалиста по СССР в Китай. Сразу оговорюсь, что в отличие от сформулированных выше соображений, базирующихся на строго документальной основе, изложенное ниже представляет собой гипотезу.

2

Настало время внимательно посмотреть на геополитическую ситуацию 1920-х годов в Европе. Здесь имелось, как минимум, две страны, волею судеб, просто обречённых на сотрудничество в военной, экономической и разведывательной сферах. Речь идёт о Германии и СССР. Германия в результате Версальского договора фактически не имела возможности содержать сколько-нибудь современную армию. Немецкие заводы были лишены права производить новые образцы высокотехнологичного вооружения той эпохи: танки, самолёты, бронетранспортёры, современные виды артиллерии и т.п. К тому же Германия находилась под фантастическим финансовым прессом, связанным с выплатой военных репараций.

В свою очередь СССР, хотя в 1920-е годы и восстановил торгово-экономические отношения со всеми европейскими странами, подвергался жёстким санкциям и ограничениям. Ему по сути было отказано вплоть до начала индустриализации в передаче современных, в том числе военных, технологий. В стране хронически не хватало валюты. В результате сложилось тесное советско-германское сотрудничество, где ключевую роль играли военные, администраторы и разведчики двух стран. Сама по себе эта крайне интересная тема выходит за пределы данной работы, тем более что по ней имеется несколько хорошо документированных, глубоких исследований[7].

Необходимо отметить, что советско-германское сотрудничество в 1920-е – начале 1930-х годов пережило два чётко выраженных этапа. На первом этапе, идеологами которого были знаменитый немецкий генерал фон Зект и легендарный советский командарм М. Фрунзе, упор делался на строительство в СССР больших военных заводов на концессионной основе. В результате целого ряда перипетий, связанных в том числе со смертью М. Фрунзе, авантюризма немецкого военного руководства и деловой недобросовестности советской стороны, этот этап закончился неудачей. Советский Союз получил хорошо оснащённые, но не до конца доведённые до эксплуатации заводы, а немецкие компании-участники «Юнкерс» и «Штольтенберг» были доведены до банкротства. Тем не менее, в силу объективных потребностей под нажимом всё того же фон Зекта и высших советских военных сотрудничество было продолжено, но уже на новой основе. Вместо концессий «основной акцент с производства вооружений и боеприпасов был перенесён на проведение испытаний различных видов оружия (авиация, ОВ, танки), подготовку кадров в наиболее перспективных родах войск — танковых и авиации, взаимное участие на манёврах армий обеих стран, а также обмен разведданными. При этом сохранялись и наименее затратные совместные работы в военной промышленности (передача патентов, опытное производство, а позднее и создание совместных конструкторских бюро)»[8].

В рамках нового этапа партнёрства и Германия, и Советский Союз нуждались в третьем партнёре, который мог бы превращать германские научные достижения, инженерные расчёты и конструкторские чертежи в конечную продукцию в металле. А СССР нуждался в отлаженных технологиях поставки немецких образцов для их переноса на советские оборонные заводы. В числе таких партнёров заметное место занимал многоотраслевой концерн «Фиат». Во-первых, как уже отмечалось выше, он производил практически всё — от самолётов до подшипников. Во-вторых, это была семейная фирма, где всё решала не толпа акционеров, а конкретный владелец, который самолично мог быстро принять любое решение. Наконец, у семьи Аньелли были тесные отношения и с германскими промышленниками, особенно из Швабии и Баварии, где и располагалась в основном немецкая военная индустрия.

Поскольку и Германия, и Россия нуждались в дополнительном притоке валюты, то, естественно, стояла задача коммерциализировать в различных регионах мира, прежде всего в зонах военных конфликтов, их совместные разработки. И здесь мы соприкасаемся с одним из наиболее поразительных и успешных проектов в истории советской разведки. К тому же он, вероятно, имел прямое отношение и к герою производимого исторического расследования Аурелио Печчеи. Дополнительный интерес к этому проекту подогревается тем обстоятельством, что он до сих пор, в отличие от подавляющей части советских разведывательных операций 1920–1930-х годов остаётся, по сути, полностью неизвестным не только любителям исторической литературы, но и профессионалам-историкам. Как это ни парадоксально, до сих пор ни в России, ни даже за рубежом не вышло ни одной работы, посвящённой мобилизационной сети коммерческих предприятий Разведупра Красной Армии.

Известные на сегодняшний день крохи сведений о мобилизационной сети коммерческих предприятий (МСКП) находятся в основном в архиве секретных служб периода между Первой и Второй мировыми войнами в Чикагском университете имени Игнатиуса Лойолы штата Айова, в архиве РГАСПИ[9] (в 2019 г. все материалы по ГРУ в архиве вновь засекретили) и др., в неопубликованных воспоминани-

[7] Байков А. Военно-промышленное сотрудничество СССР и Германии — кто ковал советский меч? М.: Яуза, Эксмо, 2008; Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М.: Сов. Россия, 1992; Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.

[8] Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. М.: Олма-Пресс, 2001.

[9] РГАСПИ, ф. 3670, к.3, д. 89.

ях старших офицеров ГРУ, хранящихся в Фонде ветеранов советской военной разведки, а также оцифрованном архиве общенациональных газет Европы и Америки за первую половину XX в., в библиотеке Конгресса США.

На сегодняшний день достоверно известно следующее. В 1922 г. Реввоенсовет советской республики при непосредственном участии главы ВЧК Ф. Дзержинского по инициативе Я. Берзина и Я. Петерса создал МСКП, в которую наряду с уже существовавшими акционерными обществами «Амторг» и «Аркос» вошло вновь организованное в Германии акционерное общество «Воствааг». Указанные общества имели свои штаб-квартиры соответственно в Нью-Йорке, Лондоне и Берлине, а также множество филиалов во всём мире.

В отличие от «Амторга», постоянно находившегося в центре внимания газет тогдашнего времени, и «Аркоса», ставшего детонатором резкого ухудшения советско-британских экономических и дипломатических отношений в 1927 г., «Воствааг», являвшийся центром и несущей конструкцией сети, никогда на протяжении своего более чем 15-летнего существования не привлекал ни малейшего внимания. Кроме руководителя Разведупра Я. Берзина и Я. Петерса и нескольких человек из высшего советского руководства о нём никому ничего не было известно.

Особенно активная работа «Востваага» развернулась с 1927 г., когда его руководителем стал советский представитель в консекционных проектах фон Зекта, блестяще знавший языки, а также глубоко разбиравшийся в перипетиях и хитросплетениях мирового бизнеса и финансов Стефан Мрочковский. В 1928 г. он был назначен руководителем всей МСКП. К началу 1930-х годов «Воствааг», помимо Германии, действовал во Франции, Италии, Соединённых Штатах, странах Ближнего Востока, Монголии и Китае. Филиалы и дочерние фирмы «Востваага» функционировали в Нью-Йорке, Париже, Турине, Улан-Баторе, Кантоне, Нанкине, Тяньцзине, Уси и других городах. Подавляющая часть сотрудников «Востваага» были гражданами соответствующих стран, имевшими высокий уровень деловой и профессиональной квалификации и безупречную политическую репутацию. В Германии подавляющая часть работников «Востваага» была членами нацистской партии, а в Италии — фашистской партии. Практически никто, за исключением узкого круга руководства компании, не догадывался о подлинных задачах «Востваага».

По своему характеру «Воствааг» был торговой компанией. В основном она производила закупки тех или иных товаров в Европе, а основным рынком сбыта был Китай. Чтобы представить себе масштаб бизнеса «Востваага» приведём только один факт. Достоверно известно, что к концу 1929 г. собственный оборотный капитал «Востваага» составлял 3 млн. 100 тыс. долларов США. Сегодня по паритету покупательной способности доллара по данным Федеральной Резервной системы США это составило бы примерно 50 млн. долларов. Однако эта оценка даже приблизительно не точна, поскольку индекс покупательной способности доллара формируется за счёт потребительских товаров и услуг. «Воствааг» же имел дело не с товарами для населения, а, как это принято сегодня называть у экономистов, с инвестиционными товарами. По ним официальных индексов паритета покупательной способности доллара не существует. Однако экспертные оценки позволяют увеличить отмеченную выше сумму в 3–8 раз. 200–400 млн. долларов собственного капитала для торговой компании тех времен — это не просто большая, а огромная сумма, позволявшая привлекать во много раз большие кредитные линии. (Чтобы понять покупательную способность доллара тех времён отметим, что новый, только что появившийся в небе Испании лучший истребитель в мире того времени Мессершмидт-109 стоил в полном комплекте с вооружение 34 тыс. долларов.) В ту эпоху соотношение между собственным капиталом и кредитными линиями было примерно 1:7. То есть компания могла постоянно проводить торговые сделки на сумму до 1,5–2 млрд. долларов.

В неопубликованных до сих пор воспоминаниях Натальи Звонарёвой, секретаря начальника Разведупра написано: «Я. Берзина окружали талантливые помощники и сотрудники. К каждому из них он относился по-отцовски внимательно и строго. Особенно бережно он относился к С.И. Мрочковскому — выдающемуся разведчику-нелегалу. Когда поступало сообщение о его приезде в Москву (примерно раз в год), Берзин вызывал меня и предупреждал: “Проследи, чтобы лишние люди не встречались с ним. В комнату, где он будет работать, пропускать только сотрудников, с которыми он связан по службе…”. Стефан Иосифович, приезжая рано утром, неизменно говорил мне: “Наташа, милая, здравствуйте”, — и проходил в комнату секретариата, в которой стояло два сейфа с его документами. Высокий, худощавый, с откинутыми назад прямыми волосами, в прекрасно сидящем на нём костюме, он выглядел истинным западным коммерсантом. Поздно вечером он обычно заходил в кабинет Павла Ивановича, где они ещё долго обсуждали служебные проблемы или просто беседовали. Мрочковский добывал ценнейшую информацию и снабжал управление крупными суммами валюты. Как-то, проводив его, Павел Иванович сказал: “Ты не представляешь, Наташа, какую помощь оказывает нам Стефан Иосифович. Не знаю, как бы мы обходились без него…”».

Воспоминания Звонарёвой подтверждаются сохранившимся в архиве документом — аттестацией на Стефана Мрочковского, датированная 1934–1935 гг. Её собственноручно написал начальник Разведупра Красной Армии Берзин:

«Мрочковский Стефан Иосифович — весьма способный, преданный делу работник-коммунист. Обладал солидной общей подготовкой (юрист-экономист) и большим опытом практической работы, он свои знания и опыт умеет прекрасно применять на деле. В течение ряда лет руководил крупным участком разведки, показал незаурядные способности организатора и администратора и добился крупных успехов.

Характер твёрдый, решительный, волевые качества хорошо развиты, хорошо разбирается в людях, умеет ими управлять и подчинять их своей воле. У подчинённых пользуется большим авторитетом и уважением. Быстро ориентируется в сложной обстановке и находит правильное решение. В трудных условиях проявляет большую выдержку, в то же время весьма осторожен, гибок и изворотлив.

Политическое развитие и подготовка прекрасные (старый партиец-подпольщик). От генеральной линии партии не отходил.

В личной жизни очень скромен, в общественной — хороший товарищ.

Общий вывод:

Занимаемой должности вполне соответствует. По своей подготовке, знаниям и способностям может руководить и более крупным участком работы. Может также быть использован на крупной работе по военно-хозяйственной линии».

Обобщая имеющиеся, но пока не введённые в общий оборот источники, с уверенностью можно говорить об основных направлениях деятельности МСКПв целом и системы «Воствага» в частности. К ним относятся:

во-первых, формирование нелегальной разведывательной сети в Европе, Америке и Китае из числа представителей научно-технических, деловых, военных и политических кругов;

во-вторых, получение от агентурной сети разведывательной информации, прежде всего, научно-технического, военного и в определённой степени политического характера. Из имеющихся в архивах сведений можно сделать однозначный вывод о том, что разведывательная сеть не представляла в Москву добытые ею в какой-то мере случайные материалы, как это имеет место в работе большинства агентурных сетей. Сеть «Воствага» действовала что называется — по заказу. В этом состояла её уникальность в истории разведки. То есть в Москве в соответствии с потребностями армии и промышленности формулировался заказ на конкретные изделия, технологические процессы, образцы вооружения, те или иные политические документы, а сеть добывала их и переправляла в Разведупр;

в-третьих, формирование сетей влияния и межэлитных взаимодействий, включающих создание интерфейса между руководством Разведупра и деловой, военной, разведывательной и в определённой степени политической верхушкой европейских стран, США и Китая. При этом в Европе упор делался на Германию, Францию и до известной степени Италию;

в-четвёртых, обеспечение не только самоокупаемости сети и безусловного эффективного выполнения поставленных перед ней задач, но и мобилизация дополнительных ресурсов для нужд Наркомата обороны и развития военно-промышленного комплекса. Ежегодно сеть перечисляла в сегодняшнем исчислении как минимум десятки миллионов долларов свободных наличных денег.

Кроме того, есть серьёзные основания полагать, что «Воствагъ» выполнял функции головной структуры по ведению экономической войны с Западом, совмещённой с продлённой в будущее компрометацией крупных западных финансистов, представителей торгового капитала и правоохранителей.

В связи с этим хотелось бы отметить следующее. В конце 1960-х годов в Соединённых Штатах была введена в оборот часть архивов ФБР, касающаяся второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Наибольший интерес вызвали дела из этих архивов, которые касались так называемой темы «об уникальном фальшивомонетчестве». В материалах было отмечено, что ФБР подозревал Советский Союз в масштабной операции по забросу на мировые и американский рынок фальшивых долларов и фунтов в самом начале Великой депрессии, в конце 1920-х – начале 1930-х годов. При этом особо отмечалось, что стопроцентных доказательств причастности Советского Союза получить так и не удалось. Из рассекреченных материалов явствовало, что значительная часть фальшивых долларов и фунтов поступала либо из Китая, либо из уважаемых европейских финансовых институтов. Особо было отмечено, что никогда — ни до, ни после — такого совершенства фальшивой валюты достигнуто не было. В материалах было высказано предположение, что обнаружена была лишь малая часть от общего количества вброшенных на рынок финансовых средств. Следует подчеркнуть, что обнаружение фальшивой валюты

происходило либо в результате агентурной работы, либо технических ошибок в печати денежных знаков. Дополнительно отмечалось, что на судебных процессах обвиняемые лица, несмотря на вынесенные многолетние приговоры, виновными себя не признали и не дали никакой информации об источниках денег[10].

Об этом же рассказывается в главе «Как Сталин подделал доллары» книги «Я был агентом Сталина» Вальтера Кривицкого. Кривицкий был резидентом-нелегалом советской разведки в странах Западной Европы, стал невозвращенцем и покончил жизнь самоубийством в 1941 г. Беспристрастный анализ книги показывает две её черты. Подавляющая часть фактов, сообщённых В. Кривицким, впоследствии была подтверждена документами, извлечёнными в конце 1980-х – начале 1990-х годов из Отдела специального хранения государственных и ведомственных архивов СССР. При этом сами по себе факты автором книги компоновались весьма произвольным образом и весьма тенденциозно истолковывались за счёт полного игнорирования контекста событий того времени и логики действий государственных руководителей СССР.

В упомянутой главе книги есть важные строки, корреспондирующиеся с материалами из архивов ФБР: «Фамилия Альфреда была Тильден. Он принадлежал к выходцам из Латвии в нашем управлении, во главе которого стоял генерал Ян Берзин.

– Вы ничего не понимаете, — сказал он. — Это же настоящие деньги. Они не имеют ничего общего с обычными поддельными дензнаками, они всё равно что настоящие. Я достал ту самую бумагу, на которой печатают деньги в США. Вся разница в том, что работа выполнена на наших печатных станках, а не на станках в Вашингтоне.

Берзин стал мне вновь объяснять, что весь план был разработан для Китая, где крупномасштабные операции такого рода возможны, но что он не подходил для Запада»[11].

В приведённом отрывке важно выделить несколько моментов. Во-первых, Я. Берзин был прямым руководителем С. Мрочковского, которому поручал особо конфиденциальные задания. Во-вторых, Альфред Тильден никогда не состоял в штате «Воствага», но по архивным документам упоминался в нескольких его сделках. В-третьих, ключевым моментом является тот факт, что для ведения финансовой войны Советский Союз использовал не поддельную, искусственно изготовленную бумагу, а настоящий материал, на котором печатались доллары, и возможно фунты. Таким материалом могли располагать лишь доверенные учреждения Федеральной резервной системы США, над которыми был установлен хозяевами системы жесточайший контроль. Более того, судя по воспоминаниям, мало того, что бумага была аутентичной, аутентичными были и клише. Достать клише можно было только через те же источники, что и бумагу, т.е. через ответственных работников, либо, возможно, хозяева ФРС в силу тех или иных причин обеспечивали МСКП оригинальной гербовой бумагой и клише для печатания долларов — на бесхозных

[10] The Use and Counterfeiting of United States Currency. Final report to the Congress by the Secretary of the Treasury in consultation with the Advanced Counterfeits Deterrence Steering Committee, September 2006. https://www.federalreserve.gov/boarddocs/rptcongress/counterfeit/default.htm#toc8.2
Krammer A. Russian Counterfeit Dollars: A Case of Early Soviet Espionage // Slavic Review. 30, no. 4 (1971). P.762–773. http://www.jstor.org/stable/2493847?seq=1#page_scan_tab_contents

[11] Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: Современник, 1996.

складах таких бумаги и клише просто не бывает. В этом смысле Альфред Тильден был совершенно прав, когда отмечал, что это — настоящие деньги. Обнаружения же происходили из-за небрежности, когда из набора клише выбирались клише старого образца, либо неправильно выбиралась логика печати номеров банкнот. Следует особо подчеркнуть, что подобные операции финансовой войны проходили в период резкого ухудшения советско-британских отношений, а также до того, как Советский Союз и Соединённые Штаты установили нормальные дипломатические и взаимовыгодные экономические отношения при президенте Ф.Д. Рузвельте. В то время действовал принцип «на войне как на войне».

Коротко о последующей судьбе выдающегося советского разведчика, талантливого предпринимателя и серьёзного учёного-химика Стефана Мрочковского. После прихода к власти Гитлера, чета Мрочковских переехала в Париж, куда был перемещён центр сети «Воствага». В Париже к работе активно привлекались не только французы, но и мигранты из Германии и Италии. Сеть продолжала функционировать, выполнять все свои задачи в полном объёме. В 1939 г. С. Мрочковского арестовали и посадили в концлагерь. Однако в 1940 г. его выпустили. Впоследствии по возвращении в Советский Союз этот факт был поставлен ему в вину. Между тем вполне очевидно, что, выполняя функции, перечисленные выше, Мрочковский несомненно имел не только серьёзные связи в германском генералитете, но и знакомства (назовём это так) с людьми, для которых арест Мрочковского грозил крахом карьеры, а то и кое-чем похуже.

В 1940 г. Мрочковские уехали в Соединённые Штаты. Перед отъездом Мрочковский ликвидировал все фирмы МСКП и перевёл в СССР все находящиеся на счетах остатки финансовых средств. Нельзя не отметить, что указанный приказ поступил ещё до ареста С. Мрочковского и носил совершенно беспрецедентный по своей бессмысленности характер. Своими руками высшее советское руководство уничтожило разветвлённую, не имеющую аналогов в истории разведки многофункциональную сеть. Как бы там ни было, в Вашингтоне С. Мрочковского посещает начальник Разведуправления генерал-лейтенант Филипп Голиков. Он трижды встречается с Мрочковским на квартире у исполняющего обязанности военного атташе, полковника И. Сароева. Окончательное закрытие МСКП подтверждается шифрограммой Голикова высшему руководству. В разгар катастрофических событий на фронте 31 августа 1941 г. он отправляет шифрограмму, которая сохранилась в архивах: «Я велел Томсону (псевдоним Мрочковского) дело кончать». В архивах не имеется документов, которые обосновывали бы это решение. В соответствии с указаниями центра в ноябре 1942 г. С. Мрочковский через Ближний Восток вернулся в СССР. Весной 1943 г. в Советский Союз прибыла его семья. Однако к этому времени Стефан Мрочковский уже находился в следственном изоляторе Лубянки.

В своей книге военный юрист и известный историк В. Звягинцев, проанализировав материалы, выяснил, что послужило основой обвинений корпусного комиссара Стефана Иосифовича Мрочковского, который оказался на Лубянке 18 января 1943 г. Он выяснил, что «показания о его шпионской деятельности в пользу немецкой и французской разведок были выбиты ещё до войны у осуждённых к расстрелу руководителей Разведупра Красной Армии Берзина, Никонова, бывшего заместителя начальника Третьего отдела ГУГБ НКВД СССР Валика, бывшего руководителя

отделения фирмы "Воствага" в Монголии Дайн Лундера и других. Суть обвинений сводилась к тому, что Мрочковский расшифровал сеть наших коммерческих предприятий за границей перед иностранными разведчиками, а возглавляемая им фирма "Воствага" оказалась "засорена шпионами". Обвинение было основано на предположениях и бездоказательных общих фразах. В обвинительном заключении, например, отмечалось, что бывшие руководители разведывательного управления активно использовали руководимую Мрочковским сеть коммерческих предприятий в своих вражеских целях, что Мрочковского, арестованного в 1939 г. в Париже, выпустили из концлагеря при обстоятельствах, вызывающих подозрение и т.п.»[12].

Как пишет тот же Вячеслав Звягинцев, «...несколько недель интенсивных допросов, а затем, когда даже для следователей становилась очевидной беспочвенность обвинений, об арестованных напрочь забывали. Для них начиналась пытка ожиданием предстоящего суда, растягивающаяся на годы. Арестованные находились в полной изоляции, не зная, когда состоится и состоится ли вообще суд. Они не знали, что происходит на войне, живы ли их близкие. О судьбе арестованных родственникам тоже ничего не сообщалось»[13]. Мрочковский не признал ни одного предъявленного ему обвинения. Несмотря на все виды давления, он не сломался. В результате советский разведчик и западный миллионер просидел в подвалах Лубянки в ожидании суда 9 лет. 26 августа 1952 г. состоялся суд, где кроме обвинения в шпионской деятельности С. Мрочковскому вменили в вину антисоветскую агитацию и пропаганду. Суд, естественно, признал Мрочковского виновным и приговорил к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Через год после смерти И. Сталина С. Мрочковский по инициативе Л. Берии был освобождён, приговор в его отношении отменён, дело прекращено, и он вышел на свободу. Однако вскоре после освобождения Мрочковский тяжело заболел и больше не вставал с постели. В 1964 г., через 11 лет после освобождения к чете Мрочковских пришёл один из руководителей ГРУ, принёс извинения и, как он написал в пока не опубликованных воспоминаниях, ему «стыдно за то, что за все годы после освобождения никто из службы не пришёл к выдающемуся разведчику и не поинтересовался его делами и здоровьем. Вскоре после этого визита Мрочковский умер».

3

Обогащённые знаниями о МСКП и советско-германско-итальянском сотрудничестве в 1920-е – начале 1930-х годов вернёмся к Аурелио Печчеи, прибывшему на новое место своей работы — в Китай. В его автобиографической книге мы читаем: «Я прожил два года в центральных районах, в городе Наньчане, где итальянские компании строили тогда авиационный завод». Определённые сложности для исследователя составляет нахождение месторасположения завода. Дело в том, что города Наньчаня в Китае нет. Лишь вооружившись китайскими словарями и картами, удаётся установить, что речь идёт о городе Уси, где Наньчань — один из девя-

[12] Звягинцев В. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: Терра-Книжный клуб, 2006.

[13] Звягинцев В. Ук. соч.

ти районов. Уси с 1920-х годов вплоть до настоящего времени остаётся центром китайского машиностроения, в том числе местом локации предприятий военной промышленности.

Второе, более удивительное открытие состоит в том, что итальянские компании никогда не строили в Китае вообще и в Уси, в частности, авиационного завода. Хотя авиационный завод там действительно строился. Головными подрядчиками выступали не итальянцы, а немцы, которые привлекали к этой работе европейские компании, включая такого гиганта, как «Фиат», а также небольшие европейские фирмы. Это, безусловно, весьма принципиальное различие. Чтобы оценить важность этой, казалось бы, второстепенной детали, необходимо более подробно разобраться, по чьей инициативе велось строительство авиационного завода в Уси.

В апреле 1934 г. в Китай по личному приглашению Чан Кайши приехал фон Зект. Он был легендарной личностью, его называли главным солдатом и военно-политическим теоретиком Германии. В 1920-е годы фон Зект был командующим рейсхвером. Наученный уроками Первой мировой войны, фон Зект был убеждённым сторонником тесного германо-советского сотрудничества. Он не уставал повторять: «Если Германия начнёт войну против России, то она будет вести безнадёжную войну». Эта оценка командующего рейхсвера исходила из трезвого анализа естественных, людских и социальных ресурсов Советской Республики. «Россия имеет за собой будущее. Она не может погибнуть», — таков был вывод фон Зекта.

В другом своём документе — письме на имя правительства от 15 июля 1922 г. — фон Зект обращал внимание на рост и укрепление авторитета Советского государства: «Видел ли мир большую катастрофу, чем испытала Россия в последней войне? И как быстро поднялось Советское правительство в своей внутренней и внешней политике! И разве первое проявление немецкой политической активности не заключалось в подписании договора в Рапалло, что привело к росту немецкого авторитета?». Эти мысли не оставляли фон Зекта долгие годы. Уже выйдя в отставку, он писал в книге «Германия между Востоком и Западом» (1932–1933) о том, что торговые отношения с Советским Союзом означают для Германии работу для тысяч безработных и сырьё. Он призывал не распространять враждебное отношение к коммунистической идеологии на «возможности сотрудничества в экономической области[14]. Слова у генерала не расходились с делами. Именно фон Зект был основоположником советско-германского концессионного сотрудничества в военно-промышленной области, а затем научно-технологического, и кадрового Рейхсвера, и Красной Армии. В рамках этого сотрудничества и родился «Воствага» и в целом МСКП. С. Мрочковский хорошо знал фон Зекта и многократно встречался с ним.

Прибыв в Китай и ознакомившись с состоянием дел в армии, фон Зект порекомендовал Чан Кайши осуществить ускоренную программу строительства военных предприятий, производящих танки, самолёты, стрелковое оружие, артиллерию, амуницию. Чан Кайши полностью одобрил этот план и в том же 1934 г. под воздействием фон Зекта между Чан Кайши и главой частной компании HAPRO Г. Клейном был подписан «Договор по обмену китайских сырья и сельхозпродукции на германскую промышленную и другую продукцию». Важнейшее место в договоре

[14] Цит. по: Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.

занимало оснащение имевшихся отсталых военных заводов в долине реки Янцзы, включая авиационный завод в Уси[15].

С немецкой дотошностью в архивах сохранены не только тексты договора, но и приложения к нему. В них действительно указывался «Фиат», как участник строительства, а также большое число европейских фирм, ответственных за бартерные сделки. Согласно договору, Китай расплачивался не валютой, которой у него просто не было, а собственными товарами. Часть из них в Германию поступала напрямую, а другая реализовывалась в третьих странах, откуда валюта перечислялась уже в Германию. Фон Зект и Чан Кайши впервые разработали торгово-финансовый механизм так называемого военно-финансового бартера, который вот уже скоро сто лет как активно используется в сфере торговли вооружением.

К сожалению, не сохранился, или, по крайней мере, в настоящий момент недоступен перечень не филиалов, а многочисленных дочерних фирм «Воствага». Но поражает следующее. Список товаров, поставляемых из Китая в третьи страны по бартеру, для продажи их там за валюту в значительной мере текстуально совпадает с китайской экспортно-импортной номенклатурой «Воствага». С учётом того, что инициатором контракта был фон Сект, завод строился в регионе, где у «Воствага» был филиал, а продукция, которой расплачивался Китай, была очень близка к товарной номенклатуре «Воствага», то с весьма высокой степенью вероятности можно предположить, что «Воствагу» был теневым участником германо-китайской сделки с итальянским участием.

Нельзя также забывать, что И.В. Сталин в Китае активно поддерживал одновременно и Чан Кайши, и Мао Цзэдуна, которые жёстко соперничали между собой. Более того, усилия советской дипломатии, разведки, а также Коминтерна были направлены на то, чтобы сплотить эти две силы перед лицом японского агрессора. Сталин имел огромные рычаги влияния на Чан Кайши, включая даже такой экзотический, как жену сына Чан Кайши — Цзян Цзинго, в последующем президента Тайваня, — Фаину Вахриеву. Они поженились в начале 1935 г.

Показательно, что, когда в августе 1937 г. японцы осуществили крупномасштабное вторжение в Китай и бомбили Нанкин, Шанхай и Уси, китайское небо защищали советские летчики на самолетах И-15, в которых была и лепта конструкторов «Фиата». Парадоксально, но факт: хотя Германия поддержала вторжение Японии, советские пилоты защищали немецкий и итальянский персонал от японцев — немецких союзников. К моменту вторжения японцев фон Зект уже покинул Китай, оставив вместо себя своего соратника и близкого друга, генерала Александра фон Фалькенхаузена. Последний часто бывал на заводе, контролируя ход работ. Генерал категорически отказался поддержать агрессию Японии против Китая и политику Гитлера. По этой причине в 1937 г. он был вызван в Германию и ему угрожали арестом его самого и его семьи. Характерно, что в дальнейшем он был возвращён на службу, служил на Западном фронте, а затем после покушения на Гитлера был заключён в концлагерь. Фон Фалькенхаузен выжил, вернулся к частной жизни и в 1951 г. был награждён Чан Кайши за ценные советы и помощь Китаю чеком на 1 млн. долларов.

[15] Germany and Republican China. Stanford University Press, 1984.

Фон Зект и фон Фалькенхаузен, а также другие немецкие военные, курировавшие строительство завода, принадлежали к старой германской, прежде всего прусской, родовой аристократии. Знакомство с ними в дальнейшем сыграло немалую роль в жизни А. Печчеи. В серьёзных расследованиях действует принцип: множество взаимоперекрещивающихся косвенных свидетельств о чем-либо считается более надёжным доказательством события, характеристики, связей и т.п., чем даже прямое свидетельство или достоверный единичный факт. Следуя этому принципу, можно сказать, что в самом начале своей деловой карьеры А. Печчеи смог занять позицию интерлокера. Этот термин практически отсутствует в русскоязычной литературе, хотя активно используется за рубежом. В переводе он означает человека, который не только является связным между различными группами, но и в каком-то смысле координирует и даже активно влияет на взаимодействие между группами.

В связи с этим нужно сделать пояснение. В данном случае совершенно не имеется в виду, что А. Печчеи входил в агентурную сеть Разведупра. Отнюдь нет. Будучи работником специального подразделения «Фиата», а, соответственно, приближённым к руководству корпорации, он взаимодействовал с советской разведкой и конкретно с МСКП как партнёр в рамках программы налаживания межэлитных взаимодействий и различного рода обменов. По всей вероятности, в такой же роли он выступал по отношению к антигитлеровски настроенной части родовой германской аристократии, традиционно занимавшей серьёзные позиции в военной и разведывательной сферах, а также промышленности Германии. Обращает на себя внимание тот пассаж в книге Печчеи, где речь идёт о Британской империи. Подытоживая впечатления от года жизни в Гонконге, куда он прибыл после успешно проведённой эвакуации женщин и детей итальянского персонала строящегося авиазавода в Уси, А. Печчеи пишет: «Не тратя лишних усилий и не делая лишних движений, Британская империя через посредство исключительно дееспособного корпуса гражданских служащих, эффективно поддерживаемых в случае необходимости Королевским флотом и несколькими батальонами сухопутных войск, умудрялась с лёгкостью править огромными территориями, поддерживая там необходимый порядок и следя за соблюдением коммерческих интересов Британской короны». Несомненно, месяцы, проведённые в Гонконге, позволили Печчеи установить новые связи в британском истеблишменте (город в те времена представлял собой военный, торгово-экономический, административный и финансовый форпост Британии в Азии, в городе концентрировалась британская колониальная, прежде всего, военная, административная и экономическая элита, контролировавшая ключевые посты в важнейших учреждениях и институтах города).

А. Печчеи не пишет о том, чем он занимался после возвращения в конце 1938 г. в Италию. В его книге можно найти только скупые строки: «Когда я возвратился в Европу, уже надвигалась Вторая мировая война, и я сразу же примкнул к антифашистскому фронту, а потом — к движению Сопротивления». Несомненно, так оно и было, но чтобы заниматься такого рода деятельностью в Италии, необходимо было где-то работать. Из книги его биографа Гюнтера Паули можно выяснить, что по возвращении в Италию Печчеи вновь стал работать в отделе специальных проектов «Фиата». Иначе быть и не могло, поскольку по совокупности А. Печчеи не только выполнил, но и, видимо, перевыполнил поставленные перед ним задачи.

Возникает закономерный вопрос: а как же можно было заниматься антифашистской деятельностью и при этом оставаться доверенным лицом семьи и работником специального подразделения? Чтобы ответить на него, следует чуть глубже погрузиться в итальянскую специфику того времени, связанную со взаимоотношениями крупного бизнеса, а конкретно «Фиата», с режимом Бенито Муссолини.

С одной стороны, Б. Муссолини предоставил «Фиату» огромные военные заказы. Фашистским режимом была создана уникальная финансовая система, стимулирующая промышленность. Суть её состояла в следующем. Крупные частные итальянские банки, в капитал которых вошло корпоративное государство, выдавали промышленности займы на пополнение оборотных средств сроком на один – два года, а вновь созданные специальные государственные структуры кредитовали инвестиционные проекты и перевооружение, выдавая займы под низкие проценты сроком на 10–20 лет. В значительной части эта система была сохранена в Италии и после краха фашистского режима и, пережив несколько метаморфоз, существует и по настоящее время. Наряду с этим Муссолини осуществил мощнейшую программу строительства шоссейных дорог по всей Италии и ввёл специальную программу сверхнизкопроцентного долгосрочного кредитования для покупки рядовыми итальянцами так называемых народных автомобилей, которые производил «Фиат»[16]. Вообще надо сказать, что разрекламированные социально-экономические достижения Гитлера в значительной мере являются жалким плагиатом гораздо более продуманной и целостной системы Дуче[17].

С другой стороны, Муссолини, как никто другой, постоянно вмешивался не только в стратегическое, но и в оперативное управление крупными концернами, включая «Фиат», принудительно формировал номенклатуру выпускаемой ими продукции и, наконец, заставил «Фиат» отказаться от многих зарубежных проектов и инвестиций. И это при том, что «Фиат» под руководством Джованни Аньелли превращался в 1930-е годы в первую промышленную транснациональную корпорацию.

Имелось и ещё одно важное, особенно в контексте будущего А. Печчеи, обстоятельство. Несмотря на заключение Латеранских соглашений, у Папского престола были весьма натянутые отношения с Муссолини. Значительная часть кардиналов были явными или тайными врагами Дуче. Это важно по той причине, что у «Фиата» были крепкие и давние отношения с католической церковью. В акционерном капитале самого «Фиата» католическая церковь если и принимала, то очень небольшое участие. Однако в банках, с которыми всю первую половину века «Фиат» теснейшим образом взаимодействовал и частично владел — Банком Ди Рома и Кредито Итальяно — Ватикан имел не только значительное влияние, но и заметную долю собственности[18].

Семья Аньелли, вот уже 120 лет единолично контролирующая одну из крупнейших корпораций мира, относится к старой гвельфской итальянской аристократии и прослеживает свою родословную с XIV в. из города Равенна. В роду Аньелли было много военных и прелатов различных рангов. Исторически семья поддержива-

[16] Муссолини Б. Третий путь без демократов и коммунистов. М.: Алгоритм, 2012.

[17] Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Рай для немцев. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

[18] Моравский З. Ватикан издали и вблизи. М.: Прогресс, 1981.

ла папский престол даже тогда, когда короли Пьемонта и Сардинии выступали против Рима. Кстати и сам Джованни Аньелли до того, как основал «Фиат», был офицером, а его партнёр, родовитый аристократ, играл заметную роль в итальянской армии. Интересно, что Джованни Аньелли, потомственный итальянский аристократ, быстро подружился с Генри Фордом, типичным селфмейдменом и выходцем из простой семьи. Они с удовольствием делились производственными секретами друг с другом, перенимали друг у друга самые передовые методы организации производства, а также методы социальной политики. В одной из немногих книг, посвящённых истории «Фиата» и семьи Аньелли[19], описываются дружеские беседы Генри Форда и Джованни Аньелли, где они решительно противопоставляют себя как промышленников финансистам-банкирам, полагая, что цель последних — это поглотить их предприятия и установить власть над миром. Также Дж. Аньелли и Г. Форда сближало, мягко говоря, неоднозначное отношение к лицам еврейского происхождения.

По ходу войны руководители «Фиата», будучи мудрыми, осведомлёнными людьми всё более чётко понимали, что её итоги для Италии, а значит и для «Фиата» будут катастрофическими. Фактически в 1942 г. «Фиат», как и другие крупные концерны, оказался перед угрозой полной остановки производства из-за отсутствия экспортного топлива и сырья. С учётом этих сложных обстоятельств Джованни Аньелли и его консильери, которого он готовил в преемники, профессор Витторио Валетта, что называется, играли в две руки. С одной стороны, они продолжали тесно сотрудничать с Муссолини, с другой — мягко говоря, не препятствовали деятельности А. Печчеи и других своих работников, вовлечённых в антифашистское движение.

В 1942 г. А. Печчеи, совместно с Феруччи Парри, а также Бруно Пинчерле, Джузеппе Ромита — в будущем руководителями и членами кабинета министров Италии, возродили движение «Справедливость и свобода». Первый раз это движение возникло в 1930 г. в Париже под руководством Карло Росселли. Там с участниками движения активно общался юный Печчеи во время своего пребывания в Сорбонне. Вслед за его отъездом движение было разгромлено, а его руководитель Карло Росселли убит. В возрождённое движение вошли в основном инженеры, техническая и гуманитарная интеллигенция, мелкие торговцы и деятели искусств. Это движение было далеко от коммунизма и носило скорее социал-демократический характер. Главным же требованием движения было не только свержение Муссолини, но и превращение Италии из монархии в республику, т.е. низложение Савойской династии. Ячейки движения базировались на промышленном севере. Самые мощные подразделения «Справедливости и свободы» имелись в Турине на заводах «Фиата».

По своей численности отряды «Справедливости и свободы» занимали второе место после коммунистов и намного превышали боевые подразделения социалистов и иных противников режима Муссолини. В условиях активной борьбы с фашистами и нацистами главным вопросом были не люди и организация, а оснащение оружием, боеприпасами, современными средствами связи и т.п. Всего этого хронически не хватало. В немалой степени это было связано с позицией британцев. В ходе Второй мировой войны Черчилль настаивал на первоочередном вторжении в Италию, а не на открытии второго фронта во Франции. Одновременно именно британские части вели активные операции в Средиземном море и в Северной Африке. Соответственно, именно британцы взяли на себя поддержку групп сопротивления в Италии. Однако, в отличие от Франции и в какой-то мере Польши, руководящие органы итальянского сопротивления находились не в Лондоне, а на территории Италии. В результате британцы тормозили акции по поддержке отрядов сопротивления, причём не только коммунистов, но и движения «Справедливость и свобода».

[19] Bossi S., Spadolini G. Trent'anni di corse. Storia della Fiat. Roma: Editoriale Il Borgo, 1966.

Здесь историческое расследование сталкивается с очередной загадкой Аурелио Печчеи. Лидером движения «Справедливость и свобода» был Феруччи Парри, в последующем премьер первого после освобождения правительства Италии. Он до своей смерти в конце 1960-х годов имел репутацию кристально честного человека и символа Сопротивления. В своих письмах, изданных в 1962 г. в Милане[20], Ф. Парри пишет: «Первые контакты “Справедливость и свобода” в моём лице установила с представителями союзников в Швейцарии ещё в сентябре 1943 года». Между тем А. Печчеи пишет: «Однажды в 1942 году я дерзко воспользовался… возможностью и вместе с одним из моих друзей пробрался в расположенный в Берне центр американских разведывательных служб в Европе. Там мы заявили решительный протест командованию союзников и потребовали от них немедленных поставок снаряжения для наших боевых групп, действовавших в горных районах… Может быть, как раз благодаря дерзости миссия наша оказалась, в конечном счёте, успешной, ибо после этого не только значительно увеличилась помощь союзников боевым отрядам организации “Справедливость и свобода”, но и нам с другом удалось уцелеть и не угодить в тюрьму». Возникает когнитивный диссонанс. Как два человека, имеющих безупречную репутацию, принципиально расходятся относительно важнейшего эпизода в истории движения итальянского сопротивления?

Разгадка заключена в личности того, с кем контактировали в Швейцарии А. Печчеи и Ф. Парри. Не так давно были опубликованы материалы[21], позволяющие сделать однозначный вывод о том, что А. Печчеи называет точные даты. В книге содержится один из докладов Даллеса за конец 1942 г., где он упоминает о молодых энергичных итальянцах, которые рассказали ему о текущем состоянии партизанских действий против режима Муссолини и немцев. По результатам встречи он принял решение рекомендовать американской стороне оказать им максимальную и быструю поддержку. В то же время в книге имеются документы, подтверждающие более позднюю встречу А. Даллеса и Ф. Парри.

Чтобы понять, в чём дело, нужно внимательно ознакомиться с личностью Аллена Ф. Даллеса, его биографией и ролью, которую он играл в Швейцарии. Семья Даллесов относится к своеобразной американской аристократии. Многие поколения семьи особенно преуспели на дипломатической и иной государственной службе. Старший брат Аллена Даллеса Джон Фостер Даллес после войны был госсекретарём, а сам Даллес вместе с Уильямом Донованом стал сначала создателем, а начиная с 1953 по 1961 г. — директором ЦРУ. Для исследования принципиально важно, что братья Даллесы занимали ответственные посты в одной из старейших и влиятельнейших международных адвокатских фирм Sullivan & Cromwell. Если Ал-

[20] Letter de I.Mc. Caffery a F.Parri – R. Secchia, F. Frassati, Lrga. Milano, 1962.

[21] Petersen N.H. From Hitler's Doorstep: The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Penn State University Press, 2008.

лен Даллес в фирме занимался прежде всего лоббистскими функциями, то его старший брат входил в руководство.

Известные расследователи С. Данстейн и Д. Уильямс так описывают прибытие и первые дни Донована в Швейцарии: «Первоначально "Дикий Билл" Донован рекомендовал Даллесу отправиться в Лондон для координации взаимодействия Управления стратегических служб (прообраз ЦРУ. — *И.С.*) и британской разведки. Даллес запротестовал и взамен предложил создать отделение специальной разведки УСС в Швейцарии. Он руководствовался различными побуждениями. Разумеется, он хорошо знал эту страну и её столицу и вполне сносно говорил по-немецки. Но и на уровне личных предпочтений бонвивана, ценившего изысканную пищу, вина и общество прекрасных дам, Берн привлекал Даллеса гораздо больше, чем разрушенный бомбами Лондон. Кроме того, в оккупированной Европе Швейцария являлась центром нелегальных деловых и банковских операций. Как успешный юрист фирмы Sullivan & Cromwell Даллес был отлично подготовлен для отслеживания подобной деятельности, в интересах как правительства США, так и своих корпоративных клиентов. Но прежде всего Берн был идеальным местом для шпионажа…»[22]. В данной цитате и содержится разгадка. Она связана с особым отношением любого юриста к своим ценным корпоративным клиентам. В единственной фундаментальной истории адвокатской фирмы[23] можно прочитать о том, что одним из главных клиентов фирмы был Генри Форд. Когда Джованни Аньелли построил в Соединённых Штатах несколько своих предприятий, то Форд рекомендовал ему именно Sullivan & Cromwell, которые и сталиюристами итальянского концерна на американской земле.

Отсюда становится понятным, что А. Печчеи прибыл буквально в первые дни пребывания в Швейцарии Аллена Даллеса в качестве резидента американских разведывательных служб, но не как один из лидеров «Справедливости и свободы», а как доверенное лицо семьи Аньелли. Естественно, что такой корпоративный статус гарантировал Печчеи безусловный приём и максимум внимания со стороны Аллена Даллеса. Вряд ли бы такая встреча произошла в столь сжатые сроки, если бы А. Печчеи действовал по мандату не уважаемого корпоративного клиента, а от имени одной не очень известной на тот момент американцам организации сопротивления. Тем более встреча не состоялась бы в первые дни существования американской резидентуры в г. Берн. Проведя секретную встречу, опять же по понятным причинам, Печчеи не мог раскрывать еёдетали и своим товарищам по руководству «Справедливости и свободы». Однако, так или иначе, благодаря помощи, пришедшей словно ниоткуда, «Справедливость и свобода» из небольшой локальной структуры превратилась во влиятельную вооружённую силу, вторую по масштабу после коммунистических отрядов, действующую не только в Турине, но и по всему северу и центру Италии.

В самом конце войны и в первые послевоенные месяцы произошли события, которые круто изменили положение Печчеи в компании «Фиат». До них он был ценимым, быстрорастущим по карьерной лестнице сотрудником подразделения специальных проектов компании. После же этих событий Печчеи превратился в полноправного члена семьи Аньелли. В итальянские аристократические семьи мож-

[22] Данстен С., Уильямс Д. Серый волк. Бегство Адольфа Гитлера. М.: Добрая книга, 2012.

[23] Dean A.H. William Nelson Cromwell 1854–1948: An American Pioneer in Corporation, Comparative and International Law. N.Y.: Ad Press, 1957.

но войти не только по праву рождения, но и по причине чрезвычайных заслуг перед старшими членами фамилии, безусловной преданности и самоотверженности. Именно таким образом А. Печчеи и стал полноправным членом одной из старейших гвельфских семей.

Итальянский бизнес имеет характерную черту, заметно отличающую его от компаний других стран мира. Она проявилась уже в XIX в. и продолжает накладывать свой отпечаток на структуры принятия решений и отношений внутри крупнейших компаний и небольших предприятий по сегодняшний день. В Италии как нигде велика роль семейных компаний. Забегая немного вперед, отметим, что «Фиат» до сих пор производит 3% ВВП Италии. Под семейным контролем продолжают находиться более 60% итальянских компаний, котирующихся на бирже. Крупные семейные компании отличают от других несколько характерных черт:

во-первых, в семейных компаниях гораздо в большей степени, чем в обычных акционерных предприятиях, соединены права собственности, владения и повседневного управления;

во-вторых, для таких компаний свойственно наличие долговременной стратегии и её последовательное осуществление. Это связано с тем, что передача активов происходит из поколения в поколение, члены семьи являются не только владельцами, но и обязательно представлены среди топ-менеджмента, а соответственно, одно поколение заботится о деловых перспективах следующего;

в-третьих, такие компании характеризуются высокой адаптивностью к изменяющейся ситуации. Сосредоточение в одних руках функций владения и управления существенно облегчает принятие решений и позволяет эффективно преодолевать бюрократические препоны, свойственные любой крупной акционерной компании;

в-четвёртых, в наиболее эффективных семейных компаниях отлажен механизм принятия в члены семьи особо доверенных лиц из топ-менеджмента или руководителей функциональных подразделений.

Включение в члены семьи означает не только полноправное участие в принятии решений, допуск к подавляющему большинству, а иногда и всем секретам компании, наделение члена семьи не только управленческими функциями и собственностью, но и отношение к чужому по крови человеку как к близкому родственнику, полноправному члену семьи. В связи с этим до эпохи финансиализации, когда всё стали решать денежные ресурсы, которые семейным компаниям аккумулировать труднее, чем обычным акционерным структурам, именно такие компании не только показывали высокую эффективность и устойчивость, но и в Италии, частично в Германии, Нидерландах, и в меньшей степени в Великобритании и Франции, являлись столпами, своего рода несущими конструкциями национальных экономик[24].

Путь Печчеи в члены семьи Аньелли открыли события, развернувшиеся вокруг «Фиата» и его руководства с участием Комитета национального освобождения и военного правительства Италии, которое учредили союзники. А. Печчеи пишет: «Ещё шла война, когда Комитет национального освобождения назначил меня одним из комиссаров компании "Фиат"… Моей первой задачей была организация работ по восстановлению разрушенного промышленного оборудования и возобнов-

[24] The Crisis of Global Capitalism: Pope Benedict XVIs Social Encyclical and the Future of Political Economy / Ed. by A.Eu. Pabst. OR: Wipf & Stock Pub., 2011.

ление производственной деятельности… Союзники учредили тем временем в Италии военное правительство».

В первые месяцы после войны в Германии и в Италии шли процессы, связанные с люстрацией топ-менеджмента промышленных предприятий, сотрудничавших с нацистами и фашистами. Из многочисленных источников хорошо известно, что и в Германии, и в Италии практически весь крупный бизнес так или иначе сотрудничал с нацистским и фашистским режимами. При этом, правда, в реальной истории, в отличие от пропаганды, сотрудничество, а в Германии прямая организация прихода Гитлера к власти сопровождались серьёзными разногласиями, противоречиями, спорами и даже участием в антигитлеровском движении в Германии и в антифашистском и особенно антинацистском движении в Италии.

Военная администрация союзников в Германии и Италии состояла из представителей США, Великобритании и Франции. При этом ситуации в Германии и Италии существенно различались. Это проявлялось и в отношении судьбы предприятий как материально-технических комплексов, и при решении вопросов о собственности и управлении заводами. В Италии американские представители, с одной стороны, и британские и французские — с другой, занимали в большинстве случаев диаметрально противоположные позиции. В полной мере это проявилось в случае с «Фиатом». Американцы исходили из необходимости разделения военного и гражданского производства компании с частичной ликвидацией первого и безусловным сохранением второго. Они также исходили из принципа незыблемости частной собственности и выступали за сохранение за семьёй Аньелли и мелкими собственниками всего капитала. Они были достаточно индифферентно настроены по отношению к топ-менеджменту. Британцы и французы предлагали применить к «Фиату» такие же нормы, как к IG Farben или концерну «Юнкерс». То есть попросту ликвидировать «Фиат» как производственно-технологический комплекс, часть оборудования уничтожить, а часть — вывезти в Британию и во Францию в счёт репараций. Владельцев «Фиата» предлагалось наказать и лишить собственности, а главных руководителей заключить в тюрьму[25].

Различие в позициях было обусловлено отнюдь не последовательным антифашизмом британцев и французов и отсутствием такового у американцев. Здесь действовал универсальный принцип — «просто бизнес и ничего личного». Американские автомобильные корпорации и машиностроительные предприятия не видели в «Фиате» конкурента. Они производили автомобили и типы машиностроительной продукции совершенно иных классов. Что же до британского и французского бизнеса, который в результате Второй мировой войны, в отличие от американцев не заработал, а потерпел серьёзные убытки, то он рассматривал «Фиат» как опасного конкурента, которого следовало уничтожить. И здесь, несомненно, опять пригодились старые связи семьи Аньелли с Sullivan & Cromwell, выходцы из которого заняли серьёзные посты в госдепартаменте и разведке. Немалую роль, видимо, сыграло также много давшее обоим знакомство А. Печчеи с А. Даллесом.

А. Печчеи описал всё это предельно лаконично: «Мне позвонил представитель союзников и, поблагодарив меня за прекрасное исполнение возложенных обязан-

[25] Bossi S., Spadolini G. Op. cit.

ностей на "Фиате", объявил, что во мне более не нуждаются и я должен отстраниться от дел. При этом он добавил, что я могу сам выписать себе чек на сумму, в которую оцениваю свои исключительные услуги. Никогда прежде я не слышал такого чисто американского выражения». Мнение американцев решительно возобладало, и «Фиат», как производственную структуру было решено сохранить, за исключением военного производства. Однако оставалась ещё одна проблема. Комитет национального освобождения не хотел восстановления старой администрации на «Фиате». Между тем, это был ключевой вопрос. Проблема состояла в том, что Джованни Аньелли, понимая, что к нему могут быть серьёзные претензии в связи с сотрудничеством с Муссолини и предвидя неизбежный проигрыш войны, ещё в 1942 г. сложил свои полномочия в пользу полноправного члена семьи, профессора Витторио Валетта. Однако претензии после войны были предъявлены именно профессору.

После смерти Джованни Аньелли в 1945 г. главой семьи стал его внук Джанни Аньелли. Ему на тот момент было всего 24 года. Прервав обучение в Туринском университете, он отправился воевать танкистом в составе войск Муссолини сначала в Северную Африку, а потом в СССР. Получив на Восточном фронте ранение, он вернулся на родину. Несмотря на то, что в последующем Джанни Аньелли был признан одним из самых выдающихся менеджеров второй половины XX в., на тот момент он, по его словам, был совершенно не готов принять на себя управление компанией, поскольку не имел ни малейшего опыта. В этих условиях удаление Валетты с «Фиата» по сути означало переход контроля над заводами от семьи Аньелли в другие руки.

В течение второй половины 1945 – начала 1946 г. шли упорные переговоры между Комитетом национального спасения, а затем правительством Италии — с одной стороны, и представителями семьи Аньелли, которую формально представлял Джанни Аньелли. Решающую роль в этих переговорах сыграл А. Печчеи. Дело в том, что значительную часть правительства составляли либо его соратники по вооруженной борьбе, либо люди, которых он очень хорошо знал. В результате несмотря на сопротивление многих итальянских деловых кругов, очень влиятельной коммунистической партии Италии, британской разведки, сильно представленной на Апеннинах, Печчеи при поддержке некоммунистических левых, христианских демократов, связанных с Ватиканом и американской военной администрацией, удалось вернуть профессора Витторио Валетта на пост первого руководителя компании и предоставить ему карт-бланш по формированию топ-менеджмента и проведению корпоративной политики.

После завершения борьбы за «Фиат» А. Печчеи, как полномочный представитель правительства, а фактически лицо, представляющее «Фиат» и в значительной степени интересы Ватикана, возглавил работу по созданию национальной авиационной компании АлИталия, которая по сей день остается одним из крупнейших европейских авиаперевозчиков. В этой работе он тесно взаимодействовал с интеллектуальным партнером Джованни Аньелли, известным экономистом, к тому времени главой Центрального банка Италии Луиджи Эйнауди[26]. Самолеты вновь образованной компании передавались за бесценок американцами. Поскольку план Маршалла к тому моменту ещё не был запущен, Центральному банку было необходимо приду-

[26] Agnelli G., Castronovo V. La FIAT dal 1899 al 1945. Torino: Einaudi, 1977.

мать необычные финансовые инструменты для проведения этой операции. Важность же этого знакомства состояла и в том, что буквально на следующий год Л. Эйнауди стал одним из основателей знаменитого общества «МонтПелерин», которому предстояло сыграть большую роль и в мировом развитии, и в судьбе нашей страны.

Попутно хотелось бы отметить ещё одно ранее неакцентированное обстоятельство. Подавляющая часть персонажей, сыгравших большую роль в жизни Печчеи, получили иезуитское образование. В частности, колледжи и школы иезуитов окончили Джованни Аньелли, Джанни Виторио Валетта и Луиджи Эйнауди. Печчеи учился в школе, которой покровительствовали иезуиты. Печчеи и Джанни Аньелли окончили Туринский университет. Племянник Аллена Даллеса был католическим кардиналом, который курировал все иезуитские университеты в США. Туринский университет был светским учебным заведением, и более столетия находился на государственном обеспечении. Правящая до 1945 г. в Италии Савойская династия ранее властвовала в королевстве Пьемонт и Савойя, столицей которого как раз и был Турин. Университет долгие годы спонсировался и опекался Савойской династией. На протяжении всей своей истории она находилась в крайне напряженных отношениях с папским престолом, и поэтому Ордену иезуитов было важно укрепить влияние Ватикана в Савойе, а потом и в Италии в целом. Кузницей же кадров для итальянской элиты как раз и был Туринский университет. В нём особенно сильны были кафедры, связанные с административным управлением, правом, экономикой и инженерными специальностями. В результате, хотя университет был светским и финансировался королевской властью, иезуиты со свойственным им умением обходить запреты и преграды, рекрутировали основную часть профессорско-преподавательского состава и формировали программы. Соответственно, многие выпускники университета, особенно наиболее талантливые, подпадали под негласную опеку иезуитов и всю жизнь взаимодействовали с Ватиканом, даже в тех случаях, когда по убеждениям были далеки от традиционного католицизма[27].

4

После войны «Фиат», которому удалось выстоять в немалой степени благодаря стараниям А. Печчеи, считался вместе с американской резидентурой, Ватиканом и контролируемым христианскими демократами правительством четвертым столпом власти. В 1948 г. в Италии совместными усилиями крупного промышленного капитала, американской администрации и Ватикана удалось отстранить от власти левое правительство, находившееся под значительным влиянием коммунистической партии, и привести к власти христианских демократов. Им предстояло править долгие десятилетия. Вместе с коммунистами с первых ролей ушли и многие левоцентристы, представители других партий, в большинстве — друзья А. Печчеи. В Италии понадобились новые лица. А. Печчеи отправился покорять Латинскую Америку. Аньелли поставил ему задачу превратить «Фиат» в крупнейшую автомобильную компанию Латинской Америки. Плацдармом для завоевания была выбрана Аргентина. Выбор страны диктовался целым рядом обстоятельств. Прежде всего, треть населения Аргентины, второй после Бразилии по численности страны Латинской Америки, составляют итальянцы. Отличительной особенностью итальянской диаспоры во всём мире является её сплочённость, сохранение национальной идентичности и тесная связь не только с метрополией, но и с отдельными регионами, например, Савойей, Сицилией и др.

[27] Prucha F.P. Brokers of Culture: Italian Jesuits in the American West, 1848–1919 // The Catholic Historical Review. Stanford, CA: Stanford University Press. 2010.

Наряду с этим в Аргентине традиционно была сильна католическая церковь. К слову, нынешний папа Франциск — первый иезуит на папском престоле, всю жизнь жил и служил католической церкви именно в Аргентине. У «Фиата» же, как отмечалось выше, сложились устойчивые, в том числе взаимовыгодные, банковско-финансовые отношения с Ватиканом. Они ещё более упрочились с падением режима Муссолини. Однако этих двух обстоятельств, умноженных на административные таланты и неуёмную энергию Печчеи, было недостаточно для успешной реализации столь амбициозной миссии. Существовали дополнительные факторы, благоприятствовавшие миссии.

В Латинской Америке, в том числе в Аргентине, исторически было сильно влияние США. Особенно оно возросло после завершения Второй мировой войны. Без крепких связей с высшим американским истеблишментом успешно решить задачи реализации крупных инвестиционных проектов в Латинской Америке было просто невозможно. У «Фиата» было, по меньшей мере, два канала в высшие деловые круги Америки. Во-первых, юридическая компания «Фиата» Sullivan & Cromwell не просто обслуживала крупнейшие американские корпорации, но была сильнейшим лоббистом и поставщиком кадров в администрацию Гарри Трумэна. Достаточно сказать, что старший брат Аллена Даллеса Джон Фостер Даллес, так же, как и младший брат, работавший в этой фирме, стал госсекретарём Соединенных Штатов и по сути формировал всю внешнюю политику. Здесь лишний раз А. Печчеи пригодились знакомства и связи с Алленом Даллесом, стремительно выдвигавшемся на первые роли в американском разведывательном сообществе.

Во-вторых, Джованни Аньелли поддерживал на протяжении всей жизни дружеские отношения с Генри Фордом. «Форд» так же, как и «Фиат», хотя и в меньшей степени, являлся семейной компанией. Наследники Генри Форда продолжали поддерживать связи с семьёй Аньелли. «Форд» не рассматривал Латинскую Америку как сколько-нибудь перспективный рынок. Он делал американские машины для Америки — большие и дорогие. При этом у «Форда» были свои мощные связи и в дипломатической, и в военной, и в разведывательной элитах Америки. Соответственно, Печчеи в своей деятельности в Аргентине, а в последующем и в других странах Латинской Америки постоянно чувствовал за собой спину не только «Фиата», Италии и папского престола, но и Америки, включая не только корпорации, но и разведку, и дипкорпус. Этому в значительной степени способствовала семья Даллесов и корпорация «Форд».

Наконец, есть ещё одно весьма деликатное обстоятельство, которое напрочь игнорируется всеми книгами, посвящёнными истории «Фиата», включая его деятельность в Латинской Америке. Естественно, оно полностью отсутствует в книгах Печчеи, а также в работах его биографов и друзей, как например, Д. Гвишиани. Речь идёт вот о чём. В качестве плацдарма была выбрана именно Аргентина. Этот

выбор был обусловлен ещё и тем, что здесь третьей по численности национальной диаспорой были немцы. В связи с этим Аргентина стала одним из основных центров переброски финансовых средств и эвакуации научно-технического, военного и интеллектуального потенциала нацистской Германии. Наиболее полная информация на этот счёт содержится в книге Дж. Фаррелла «Нацистский интернационал»[28].

Не будет преувеличением сказать, что в 1940–1950-е годы ни один крупный проект в Аргентине не мог быть реализован без негласной поддержки нацистов, создавших целые колонии на территории страны. И без того немалое влияние беглых нацистов, ставших добропорядочными городскими буржуа и латифундистами, превратилось в преобладающее с приходом к власти в 1948 г. Хуана Доминго Перона. Вновь избранный президент, который пробыл у власти на протяжении всего срока пребывания А. Печчеи в Аргентине, не скрывал своих пронацистских симпатий. Более того, его доктрина — хустиализм — являлась не чем иным, как калькой с корпоративного государства Муссолини. В этом смысле можно говорить об иронии деловой карьеры Печчеи. Убежденный антифашист и борец с Муссолини выбрал для своей деятельности страну, в которой на протяжении всего времени его работы правил человек, старавшийся реализовать доктрину Муссолини, может быть в более популистском варианте, на латиноамериканской почве.

Особенно сильным влияние немцев было в промышленном центре Аргентине — провинции Кордоба. Именно в ней под руководством Печчеи был в рекордные сроки спроектирован, построен и выведен на проектную мощность крупнейший в Латинской Америке автомобильный завод. Ясно, что Печчеи должен был обладать возможностями как минимум нейтрализовать, а скорее всего заинтересовать бывших нацистов в крупном амбициозном проекте. Это и было тщательно скрываемое обстоятельство. Без заинтересованности подобного рода Х.Д. Перон, несомненно, ставил бы палки в колёса проекту и его бы не удалось столь быстро и эффективно реализовать. Между тем, президент не только не препятствовал, а всячески помогал строительству завода «Фиат» в Кордобе. Более того, хроника того времени сохранила кадры с несколькими визитами Эвиты и Хуана Перон на итальянский завод.

Можно предположить, что Печчеи располагал тремя устойчивыми каналами работы с представителями нацистского интернационала и находившегося под их влиянием Х.Д. Перона. Первый канал, скорее всего, был предоставлен Ватиканом. Ватикан сыграл огромную роль в массовой эвакуации членов нацистской партии и СС, а также капиталов в Латинскую Америку[29].

Второй канал А. Печчеи мог получить от А. Даллеса. Канал связан не с тем, что Управление Стратегических Служб, а затем ЦРУ, которое Даллес возглавил в 1953 г., наследовали значительную часть нацистской агентуры по всему миру и аппарата нацистской внешней разведки во главе с генералом Геленом. Представляется, что Печчеи могли быть предоставлены более ценные связи. Известно, что Даллесы и до и после войны поддерживали тесные отношения с бароном Куртом фон Шрёдером. Он был владельцем банка J.H. Stein. В Третьем рейхе Шредер был из-

[28] Фаррелл Дж. Нацистский интернационал. Послевоенный план нацистов по контролю над миром. М.: ЭКСМО, 2011.

[29] Steinacher G. Nazis on the Run: How Hitler's Henchmen Fled Justice. Oxford: Oxford University Press, 2012; Goni U. The Real Odessa: How Peron Brought the Nazi War Criminals to Argentina. L.: Granta, 2003.

вестен как личный банкир Гитлера. При этом он представлял в Германии 30 компаний, включая пять американских, в том числе ITTи Ford. Кроме того, он поддерживал тесные отношения с Рокфеллерами и входил в совет директоров банка банков — Банка международных расчётов в Цюрихе. После войны барон фон Шрёдер по сути избежал какого-либо наказания, а большая часть его клиентов из числа офицеров СС оказалась в Аргентине и зажила новой жизнью[30]. К. фон Шрёдера связывали к началу 1950-х годов более чем десятилетние деловые, а отчасти и политические отношения с семьёй Даллесов, сформировавшиеся в основном благодаря связям банковских кругов Германии с фирмой Sullivan & Cromwell. Вполне логично предположить, что этот канал сыграл свою роль.

В пользу данной гипотезы говорит тот факт, что в книгах по истории компании «Фиат», на которые даны ссылки ранее, подчеркивается, что в быстром пуске и эффективной работе автомобильного завода «Фиат» в Кордобе большую роль сыграла дружная работа интернационального коллектива топ-менеджеров, инженеров и техников из аргентинцев, итальянцев и немцев. Кстати попутно надо отметить, что в США не только Даллесы, но и другие вовлеченные в большую политику семьи теснейшим образом сотрудничали с нацистской Германией, фашистской Италией и сделали на этом серьёзные деньги. В качестве примеров можно привести отца президента Джона Кеннеди Джозефа и отца и деда двух президентов США Джорджей Бушей Прескотта Буша.

Наконец — третий канал — можно предположить, что не прошли даром и немецкие связи самого Аурелио Печчеи, наработанные в Китае. Многие из офицеров, работавших в то время в германско-китайской миссии, затем до последних дней служили в Вермахте, а часть из них оказались в Аргентине и даже опубликовали воспоминания о своей жизни.

Таким образом, Аурелио Печчеи как никто другой обладал уникальной комбинацией разнообразных связей, лоббистских возможностей и административных дарований. В совокупности они позволили не только запустить крупнейший автомобильный завод в Кордобе, но и заложить строительную площадку ещё более крупного завода в Бразилии, развернуть сбытовую сеть автомобилей «Фиат» по всей Латинской Америке, и открыть сеть филиалов других предприятий группы «Фиат». В течение 1950-х годов «Фиат» превратился в крупнейшую европейскую компанию в Южной Америке. Параллельно с этим Печчеи наработал собственные личные связи с ключевыми фигурами в политических, деловых и военных ругах таких ведущих стран Латинской Америки как Бразилия, Аргентина, Чили, Перу, Венесуэла и Колумбия.

В 1957 г. Печчеи возвращается в Италию. В своей книге он пишет: «Несколько представителей правительственных кругов, видных промышленников и финансистов предложили мне основать и возглавить инициативную группу, которая бы, обобщив итальянский опыт в области развития, могла в дальнейшем использовать его для помощи развивающимся странам, в особенности тем, которые расположены в Средиземноморье. Все предпринятые к тому времени попытки создать нечто в этом роде закончились неудачно.

[30] Дакстен С., Уильямс Д. Ук. соч.

Я был абсолютно убежден, что для достижения этой похвальной, благородной цели необходимо, прежде всего, заложить прочные, солидные основы, обеспечить надежную стартовую площадку. И начать нужно с создания уже зарекомендовавшей себя в нынешней международной практике консультативной группы, которая бы состояла из опытных инженеров и экономистов, и была уполномочена в тех случаях, когда это окажется необходимым или целесообразным принимать непосредственное участие в осуществлении тех или иных проектов… Мои предложения были приняты и в соответствии с ними родилась новая консультативная фирма «Италконсалт», в которой принял участие ряд промышленных и финансовых групп Италии… «Италконсалт» действовал, начиная с 1957 г. более чем в 50 странах мира и стала одной из самых крупных и активных консультативных компаний… Я дал согласие возглавить её в качестве управляющего, наделенного всей полнотой власти, оговорив при этом право сохранить за собой все посты и связи с «Фиатом».

Ключевую роль в возвращении Печчеи в Европу и создании «Италконсалта» сыграл Джанни Аньелли. К тому времени он возглавлял семью Аньелли. В «Фиате» по-прежнему первым лицом оставался Витторио Валетта. Аньелли же постепенно брал на себя руководство неавтомобильной частью бизнеса «Фиата», а параллельно расширял круг тесных дружественных связей с политической, деловой, военной элитой мира. Надо сказать, что Д. Аньелли был не только одним из самых сильных управленцев второй половины XX века, проницательных, умных людей Италии, но и героем светских хроник, любовных историй и газетных репортажей. Чтобы нынешний читатель понял типаж Джанни Аньелли, можно привести мнение, бытующее в современных итальянских СМИ. Всем известного Сильвио Берлускони в Италии называют кто маленьким Джанни Аньелли, кто карикатурой на него. К числу даже не знакомых, а друзей Джанни Аньелли принадлежали такие известные и разные люди, как Джон и Роберт Кеннеди, Шарль Де Голль, князь Монако Ренье, Дэвид Рокфеллер, крупнейший германский промышленник Отто фон Амеронген и принц Бернхард, кстати, инициатор создания Бильдербергского клуба[31].

Прежде чем возвратиться к деятельности «Италконсалта» — несколько слов о принце Бернхарде, одном из инициаторов Бильдербергского клуба. Что до клуба, то речь о нем пойдет дальше, а пока — о принце, тем более что он сыграл достаточно большую роль в создании консорциума ADELA. Относительно принца существует множество мифов, часть которых создана им самим. Как следствие, неточно расставленные акценты в понимании личности оборачиваются серьёзными искажениями в понимании реальных целей деятельности различного рода организаций, куда он входил. Даже наиболее глубокие, проницательные историки пишут относительно Бернхарда: «Считают, с принца срисовал Джеймса Бонда его приятель, писатель-разведчик Ян Флеминг. Бернхард работал в разведке германского химического концерна IG Farben, по модели которой потом создавали спецслужбы Третьего рейха. Бернгард служил и в СС. Женился на принцессе Нидерландов Юлиане, будущей королеве. Во время Второй мировой выполнял деликатные поручения. В частности, несколько раз от имени Третьего рейха пытался навести мосты между гитлеровским режимом и британским истеблишментом».

[31] Friedman A. Agnelli, Fiat and the Network of Italian Power. N.Y.: Dutton Adult, 1989.

До последнего времени информацию о Бернхарде ЦуЛиппе-Бестерфельде черпали из различного рода слухов, а также его официальной биографии, опубликованной при его жизни[32]. Однако не так давно известный голландский историк-расследователь Аннет Ван Дер Зул опубликовала книгу «Тайная история Бернхарда»[33]. Как дотошный расследователь историк длительное время провела в архивах и пользовалась, что называется, первичной документацией. В соответствии со стандартами нормальной науки и личной порядочностью Зейл изложила в своей книге результаты изысканий, которые частично бросали тень, а частично, наоборот, вызывали симпатии к покойному принцу.

Как известно, в одном из последних интервью Бернхард, который никогда не отрицал, что короткое время сочувствовал режиму Адольфа Гитлера, сказал: «Могу поклясться на Библии, я никогда не был нацистом». В своей книге историк пишет, что, возможно, принц имел в виду духовную, а не фактическую сторону дела. Факты же говорят о другом. Ей удалось найти в архивах университета Гумбольдта в Берлине номер членского билета принца Бернхарда в НСДАП. Согласно этому документу, он вступил в партию в 1932 г. и пребывал там до окончания университета в 1934 г. Кроме того, она выяснила, что членом СС, согласно тем же обнаруженным документам, он никогда не был, но входил в отряды штурмовиков, приписанных к университету. Вполне очевидно, что между СС и штурмовиками имеется большая разница как по выполняемым функциям, так и по их исторической судьбе.

Что касается карьеры Бернхарда в IG Farben, то историк опять же развенчала слухи и мифы. В парижском филиале консорциума, куда после окончания университета отправился принц, он, в отличие от А. Печчеи, не имел никакого отношения ни к разведке, ни к спецпроектам. Он там работал в отделе внутренней логистики и департаменте продаж. Таким же мифическим оказалась разведывательная деятельность и посредничество между Третьим рейхом и Великобританией в годы Второй мировой войны. Применительно к этому периоду реальный Бернхард оказался гораздо более симпатичным, чем порожденный историческими слухами и мифами персонаж. В самом начале войны Бернхард создал из королевской гвардии, занимавшейся защитой семьи, отряд, который короткое время под его руководством участвовал в военных действиях против нацистов, вторгшихся в Голландию. Затем по требованию королевы Вильгельмины он вместе со всей королевской семьёй эвакуировался в Великобританию, где возглавлял голландскую военную миссию при Объединенном командовании союзников. Более того, неоднократно в ходе войны, будучи опытным пилотом-любителем, он в качестве члена экипажа участвовал в полноценных боевых действиях — бомбил немецкие города.

Возвращаясь к «Италконсалту», нельзя не сказать, что идеи Печчеи намного опередили своё время и до сих пор в каком-то смысле являются ещё не освоенной бизнес-технологией. По сути «Италконсалт» являлся представителем сначала итальянских, а потом ряда зарубежных крупнейших компаний. В этом качестве компания выходила на ключевые фигуры и группы в деловых, административных и политических кругах многих (как следует из воспоминаний — пятидесяти) стран мира. С ними она прорабатывала сферы наиболее эффективных в дело-

[32] Hatch A.H.R.H. Prince Bernhard of the Netherlands; an authorized biography. Subject: Bernhard Leopold, consort of Juliana, Queen of the Netherlands. London: Harrap, 1962.

[33] Zijl, van der A. Bernhard. Een verborgen geschiedenis. Amsterdam: Queridos, 2010.

вом плане — с одной стороны, и необходимых этим кругам — с другой стороны, направлений деятельности. При этом для повышения политической устойчивости и бизнес-привлекательности выбирались, как правило, проекты, которые имели явный и очевидный для населения страны социальный результат. Затем под эгидой компании разрабатывался инвестиционный проект. А на заключительной стадии соответствующие компании из числа учредителей «Италконсалта» реализовывали этот проект, получая экономические дивиденды, политическое признание и наращивая социальный капитал. В настоящее время учеником и секретарем А. Печчеи в последние годы его жизни, а ныне одним из самых успешных предпринимателей в мире Гюнтером Паули традиции «Италконсалта» были трансформированы в новое бизнес-направление под названием «синяя экономика»[34].

Сегодня по компаниям из стран Западной Европы доступны разнообразные сведения, как правило, начиная с послевоенного периода, а Великобритании — с начала века. Достаточно обратиться, например, к базе Lexis Nexis, чтобы выяснить учредителей любой официально зарегистрированной компании и их изменения за период её существования. Не составляет исключения и «Италконсалт». Исходно учредителями компании стали концерны «Фиат», «Пирелли», конгломерат «Ассенурацо чентрале», ведущие банки и оба главных государственных инвестиционных института. Не менее интересно, что затем в число учредителей «Италконсалта» вошли компании, принадлежащие богатейшим семьям Италии, включая Бенеттонов, Моратти, Геруццо, Бенедетти, Гаронна и Ферраро. Ещё в течение 3–5 лет в состав учредителей вошли компании, принадлежащие богатейшим семьям Испании, а именно Ортега, Рива и Алавесам, а в 1964 г. присоединилась компания Фольксваген, контролируемая опять же семьёй Пёч-Порше.

В итоге можно сделать вывод о том, что под крышей «Италконсалта» была сформирована мощнейшая лоббистско-инвестиционная структура, принадлежащая богатейшим европейским семьям исключительно из католических стран — Италии и Испании. Казалось бы, исключением является концерн Фольксваген, который расположил свои заводы на северо-западе Германии в традиционно протестантском районе. Однако нетрудно установить, что Пёч тоже придерживаются католического вероисповедания, также, как и другая ветвь семьи — Порше.

Несмотря на всю удивительность создания такой координационной и инвестиционной группы, включающей в себя компании, принадлежащие богатейшим семьям, данное образование, тем не менее, глубоко укоренено в традиции итальянского и шире — латинского — бизнеса. Как показали последние работы, ставшие результатом исследования огромных массивов статистической информации относительно владельцев, топ-менеджмента, хозяйственных связей между компаниями в различных странах, проведённого с использованием изощренного математического аппарата, Италия обладает наибольшим уровнем связанности бизнеса. В переводе с математического на общечеловеческий, это означает, что именно в Италии различные группы, семьи наиболее тесным образом связаны между собой[35]. Несколько меньшая связанность характерна для Испании и Англии, затем идут Голландия и Шотландия. Наименьшей связанностью обладают семейные группы из Франции, Северной Германии и Скандинавии.

[34] Pauli G. Blue Economy: 10 Years, 100 Innovations, 100 Million Jobs. Brooklyn, N.Y.: Paradigm Pubns, 2010.

[35] Piccardia C., Calatronia L., Bertoni F. Communities in Italian corporate networks. Milano: Physica A, 2010. http://home.deib.polimi.it/dercole/csr/Piccardi_2010.pdf

Об эффективности деятельности «Италконсалта», а соответственно — о кооперации усилий богатейших деловых католических семей Европы, свидетельствуют данные, опубликованные 29.05.2012 г. в газете FT в статье «Top 100 family businesses in Europe». В ней, помимо прочего, приведена уникальная таблица о состояниях и контроле над компаниями применительно к 100 богатейшим европейским бизнес-семьям. Подавляющая часть учредителей «Италконсалта», спустя 50 лет после начала его работы, продолжает входить в список топ-100, а семьи Печи-Порше и Аньелли занимают соответственно первое и второе места в списке.

Неоспоримые достижения А.Печчеи в Латинской Америке и успехи руководимого им «Италконсалта» в странах Средиземноморья побудили в начале 1960-х годов обратиться к нему американцев. В Латинской Америке в первые годы президентства Д. Кеннеди Америка испытывала колоссальные сложности и проблемы. К историческому недоверию и даже нелюбви к американцам со стороны латиноамериканцев в это время прибавился фактор Кубы. Куба в первые годы своего существования являлась, несомненно, источником надежды, вдохновения и примером для всей Латинской Америки. Причём, как сегодня уже ясно, это относилось не только к обездоленным латиноамериканцам, квалифицированному рабочему классу, инженерно-техническим работникам и всегда оппозиционной интеллигенции, но и к значительной части деловых, правящих и даже военных кругов. Надо иметь в виду, что помимо несомненных успехов кубинской революции и, как теперь принято говорить, неимоверной притягательности её бренда для латиноамериканской элиты значение имел персональный состав руководителей-революционеров. И Ф. Кастро, и Че Гевара были выходцы из верхних слоёв общества. Их родители входили в элиту своих стран, а сами они имели большие разветвленные связи на континенте. К тому же семья Кастро на протяжении XIX и XX вв. имела особые отношения с Ватиканом. Символично, что первая и пока единственная встреча папы Римского и патриарха Всея Руси Кирилла прошла в 2016 г. именно на Кубе.

Особенно обострились отношения Латинской Америки и США после провала авантюры с высадкой отрядов кубинских эмигрантов в заливе Кочинос, после чего А. Даллес был вынужден уйти в отставку с поста директора ЦРУ. Несмотря на всю озабоченность разворачивавшимся ракетным кризисом, который чуть не поставил мир на грань Третьей мировой войны, администрация Кеннеди и прежде всего её наиболее талантливые мыслители-организаторы, включая Макджорджа Банди, Роберта Кеннеди и Дина Раска, искали пути быстрой и эффективной контригры против СССР и Кубы в «мягком подбрюшье» Соединенных Штатов — Латинской Америке. Эти идеи в итоге приобрели организационную форму, объявленную президентом Кеннеди как «Союз ради прогресса». Этот союз должен был стимулировать экономические и социальные реформы в Латинской Америке, направленные на модернизацию экономики и ослабление социального недовольства. Соответственно, имелось в виду снизить социальную напряженность в обществе и блокировать воздействие революционной Кубы и опосредованно — Советского Союза. Однако советники Кеннеди были реалистами, и отдавали себе отчет в том, что любая прави-

тельственная программа неизбежно связана с преодолением огромного числа бюрократических сложностей и вряд ли заработает быстро. В этих условиях Банди, который был специальным советником президента по национальной безопасности, решил заручиться поддержкой Конгресса, и обратился к влиятельным сенаторам от демократов и республиканцев, — Хуберту Хамфри и Джекобу Джавитсу.

Хамфри был едва ли не ключевым лицом в аппарате демократической партии, который не слишком любил Кеннеди, но подчинялся партийной и государственной дисциплине. Нелюбовь была связана с тем, что он сам был кандидатом в президенты в 1960 г., но его достаточно бесцеремонно убрал с дороги клан Кеннеди. Впоследствии Хамфри был вице-президентом у Л. Джонсона, проиграл президентские выборы Р. Никсону и до последних дней оставался одной из наиболее влиятельных фигур в демократической партии. В 1970-е годы М. Банди и Х. Хамфри сыграют очень большую роль в создании Международного института системного анализа в Вене, о котором вместе с Римским клубом речь впереди.

Что же касается Джавитса, то помимо того, что он был влиятельным сенатором-республиканцем и мог организовать на поддержку инициативы Джона Кеннеди в Конгрессе своих коллег-республиканцев. Сенатор лично хорошо относился к Джону Кеннеди и к тому же долгие годы дружил с семьёй Рокфеллеров, особенно с Уинтропом и Джоном Третьим.

Как вспоминает Хамфри[36], он высказал сомнения в возможности реализовать инициативу «Союза ради прогресса» чисто бюрократическими методами без поддержки бизнеса. Он также вызвался переговорить со своим хорошим знакомым, принцем Бернхардом, который глубоко знал деловых людей по всему миру, умевших работать в рамках государственных программ. Надо отметить, что Х. Хамфри в качестве одного из ключевых американских политиков несколько раз приглашался на заседания Бильдербергского клуба лично принцем Бернхардом.

В своей автобиографической книге А. Печчеи пишет: «Два прогрессивных американских сенатора Джекоб Джавитс и Хуберт Хамфри спросили меня, не соглашусь ли я стать во главе проекта по перестройке частного предпринимательства в Латинской Америке». Понятно, что, соединив воспоминания Хамфри со строками книги Печчеи, можно сделать вывод о том, что с подачи принца Бернхарда и по рекомендации его друга Джанни Аньелли Печчеи оказался в Вашингтоне.

Как мы уже убеждались, правильно отражая суть, А. Печчеи часто сознательно менял акценты. В воспоминаниях он утверждает, что два американских сенатора пригласили его организовать «частную компанию». Конечно, для тогдашних итальянских и тем более советских читателей автобиографии Печчеи в этом, возможно, не было ничего странного. Однако любой человек, хоть мало-мальски знакомый с Америкой, американской политической культурой и юридическими нормами никогда бы не поверил, что два действующих сенатора, да тем более являющиеся ключевыми людьми в своих партиях, обратятся к иностранцу с предложением создать частную компанию.

В реальности дело обстояло совершенно иначе. Джавитс и Хамфри убедили М. Банди и Р. Кеннеди, что чисто государственная инициатива нуждается в бизнес-

[36] Humphrey H. The Man and His Dream 1911–1978. L.: Methuen, 1978.

поддержке. Затем Джавитс, привлеченный в эту компанию в значительной степени благодаря дружбе с Джоном Рокфеллером Третьим, наверняка с ним посоветовался относительно новой идеи, тем более, что у Рокфеллеров в Латинской Америке были большие деловые интересы. Логично предположить, что Рокфеллер, зная негативное отношение к своей фамилии и крупнейшим бизнес-фамилиям США в Латинской Америке наотрез отказался персонально возглавить этот процесс. Но при этом, как политически лояльный участник команды и деловой человек, он, вполне возможно, обратился к своему бизнес-партнёру и личному другу — всё тому же Джанни Аньелли. Тот, понятно, переадресовал эту инициативу к специалисту по Латинской Америке и созданию политико-экономических консорциумов Аурелио Печчеи. Таким образом, Печчеи скорее всего получил не одну, а две рекомендации, и безальтернативно был предложен Хамфри и Джавттсом на пост разработчика проекта.

Об этом пишет и сам А. Печчеи, если уметь читать не только текст, но и понимать контекст: «Проект… вызвал у меня интерес главным образом по двум причинам. Во-первых, он мог стать пробным камнем для оценки наличного, внутреннего частного капитала в Латинской Америке, который мог быть использован для промышленных операций… Во-вторых, не менее соблазнительной казалась мне возможность изменить неконструктивное и недальновидное отношение многих представителей европейских и американских промышленных и финансовых кругов. Громогласно утверждая, что Латинская Америка совершенно необходима Западу, они тем не менее не решались вкладывать в нее свои деньги… По всем этим причинам я принял на себя руководство проектом, который был столь же североамериканским, сколь и латиноамериканским. Вместе с тем, я вовсе не собирался связывать себя с ним на долгие годы. Поэтому было заранее установлено, что мои функции ограничатся разработкой идеи проекта, предварительного общего плана его осуществления и изыскания необходимых для этого финансовых средств. После этого будет назначен директор, который и станет претворять проект в жизнь…

В результате было найдено совершенно новое, удивившее моих американских коллег решение — создать кооперативную инвестиционно-управленческую компанию, в которой были бы объединены корпорации из различных стран (практически полная копия «Италконсалта». — *И.С.*). Главная цель её деятельности заключалась в мобилизации доброй воли, финансовых ресурсов, инженерной культуры, организационных достижений и научно-технического патентного капитала промышленно развитых стран на развитие частного сектора латиноамериканской экономики… Основная новизна компании ADELA состояла в её корпоративной структуре и статусе коллективного предприятия. Её капитал состоял из относительно небольших вкладов множества крупнейших промышленных и финансовых компаний, которые представляли различные сектора экономики и разные страны — главным образом Западную Европу, США, Канаду и Японию, к которым позднее присоединилась и сама Латинская Америка».

Таким образом, Печчеи в рамках поддержки инициативы Кеннеди создал своеобразный всемирный «Италконсалт» с теми же лоббистско-инвестиционными и политико-социальными функциями, ориентированный на реализацию деловых проектов, приносящих наряду с прибылью и ощутимые социальные результаты.

В своих воспоминаниях Дж. Джавитс[37], который очень гордился инвестиционной компанией ADELA, подчёркивал, что за годы своего существования компания реализовала более тысячи инвестиционных проектов с участием и для поддержки частных предприятий в Латинской Америке и Карибском бассейне. Он также отметил, что в последующем клоны ADELAбыли созданы для инвестиций в Африке и Южной Азии. Всего в компании приняли участие 242 банка и компаний, включая все, входящие в список «Форчун 500». Главным консультантом ADELAпо управлению, который реализовал организационные схемы практического воплощения идей А. Печчеи стал Питер Друкер. Как известно, это специалист номер один в менеджменте в течение последних семидесяти лет. За время своего существования ADELAпрофинансировала более тысячи частных компаний самых различных размеров — от маленьких семейных фирм до промышленных гигантов, практически во всех отраслях экономики[38].

В ходе разработки, обсуждения и запуска проекта ADELA А. Печчеи установил или укрепил связи с крупнейшими американскими транснациональными корпорациями, лоббистами, «думающими танками», представителями разведывательного сообщества в Вашингтоне, инвестиционными фондами на Уолл-стрит и в меньшей степени с крупнейшими банками. Из книги, посвящённой деятельности корпорации ADELA, ясно, что главными участниками в ней были инвестиционные, промышленные и торговые структуры. Что же до банков, они с неохотой работали с рисковым и политически неустойчивым регионом Латинской Америки. Поэтому главными финансовыми институтами, с которыми сотрудничала ADELA, были международные некоммерческие банки типа Всемирного банка, Межамериканского банка и проч.[39] Последнее крайне важно для понимания многих последующих идей и практических шагов А. Печчеи, связанных с основанием Римского клуба. По сути клуб задумывался Печчеи и стоящими за ними силами как своего рода площадка для обсуждения конвергенционных проектов и идей представителями элит Запада и Востока, капиталистической и социалистической систем. В связи с этим пришло время обратиться к биографии второй ключевой персоны этого клуба — Александра Кинга.

[37] Javits J.K., Steinberg R. Javits: The Autobiography of a Public Man. Boston: Houghton Mifflin, 1981.

[38] Boyle R., Ross R. Mission Abandoned: How Multinational Corporations Abandoned Their First Attempt to Eliminate Poverty. Why They Should Try Again. Ashland, OH: Robert Ross, 2009.

39Ibid.

Глава 2
Александр Кинг

1

Прежде чем погрузиться в биографию «второго отца» Римского клуба, британца Александра Кинга, нужно кратко охарактеризовать особенности британской мемуарной литературы. Необходимость эта связана с тем, что основными источниками информации о жизни, событиях, знакомствах и занятиях Александра Кинга являются его мемуары «Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека»[40] и мемуары его старшей дочери Джейн[41].

Джейн, по мужу Синклер, до выхода в отставку была успешным карьерным дипломатом, специалистом по Советскому Союзу, известным политическим экспертом. Как можно заключить из её мемуаров, в период долгой работы в Москве в конце 1950-х – 1960-е годы она была также сотрудником МИ-6.

Без понимания отличительных черт британской мемуаристики невозможно провести подлинный расследовательский анализ воспоминаний Кинга. Лучшие образцы британской мемуарной литературы, особенно написанные либо аристократами, либо представителями британского истеблишмента, заметно отличаются от книг в подобном жанре, написанных американскими или советско-российскими авторами. Характерная черта американцев — эгоцентричность, сосредоточение изложения на себе любимых. Немалая часть подобных книг пронизана ключевой чертой американского менталитета — стремлением к рассказу о собственных успехах, свершениях и победах. Что касается советско-российских авторов, то здесь, наряду с присущей всем мемуаристам тягой к нарушению заповеди Станиславского относительно того, что нужно любить не себя в театре, а театр в себе, заметную часть мемуаров занимают различного рода оценочные суждения, переходящие зачастую в запоздалое сведение счётов.

Лучшая часть британских мемуаров совершенно иная. Первый план в них занимает описание внешней канвы жизни. Для неё характерно скрупулёзное внимание к атмосфере времени, к, казалось бы, на первый взгляд, малозначимым событиям и деталям, а также подчёркнутое стремление уйти от вынесения каких-либо

[40] Кинг А. Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека. М.: Институт экономических стратегий, 2012.

[41] Sinclair D. Family memories written in La Negroni. L.: NUP, 2008.

приговоров или воскурения фимиама. Ещё одной отличительной чертой британских мемуаров, написанных представителями истеблишмента, являются многочисленные лакуны и умолчания относительно важнейших событий времени, в котором жил мемуарист. Они могут страницами описывать подробности своих путешествий и при этом совершенно игнорировать то, чем они занимались не в отпуске, а во время работы в тот или иной период своей профессиональной жизни. Однако британцы — такие же люди, как и все. Соответственно, несмотря на воспитуемые со школы сдержанность и закрытость, в мемуарах, тем не менее, проскальзывают намеки, проговорки, знаки, которые при внимательном к ним отношении позволяют извлечь крайне важные для исторического расследования сведения. Именно под этим углом зрения мемуары А. Кинга и его дочери Джейн представляют огромный интерес для понимания того, что в действительности лежало в основе проекта Римского клуба и Международного института прикладных системных исследований в Вене.

Для судьбы, жизненной позиции и стиля мышления Александра Кинга большое значение имела его семья и даже более — его происхождение. Прежде всего хотя Кинг и являлся ярким и заметным представителем высшего британского истеблишмента, и по матери и по отцу был шотландцем. Шотландцы и англичане ментально — это два различных, иногда до противоположности народа с разной историей и разными национальными характерами. Для шотландского менталитета характерно, с одной стороны, стремление поддерживать слабую сторону против сильной, что соответствовало их исторической судьбе, а с другой — стремление к прагматичному улаживанию разнообразных противоречий и конфликтов, умение упорно преодолевать трудности. Последнее было связано с относительной скудностью ресурсов Шотландии, её открытости для морских набегов и сухопутной агрессии. Отсюда — необходимость воспитания изворотливости в сочетании с твёрдостью, прагматичности во взаимодействии с непреклонностью в достижении цели.

Отец Александра Кинга был типичным селфмейдменом. Он родился в бедной семье и своей блистательной карьерой обязан исключительно собственному трудолюбию, осторожности и недюжинным интеллектуальным способностям. В воспоминаниях Кинга отмечается, что в первые оставшиеся в его памяти годы семья жила более чем скудно. Однако уже к моменту завершения обучения в школе всё изменилось. Отцу в короткие сроки удалось пройти путь от посыльного до одного из топ-менеджеров концерна «Нобель», а затем, когда А. Кинг поступил в университет, отец стал одним из руководителей крупнейшего британского военно-химического концерна «Imperial Chemical Industries».

Мать А. Кинга происходила из аристократической семьи Дойлов. Дойлы принадлежали к клану Кинлохов и вели свою родословную от легендарного шотландского короля Брюса. Предки матери Кинга являлись одними из основателей промышленности Глазго, известными промышленниками, судовладельцами и государственными деятелями. Кстати, интересно, что один из предков Кинга создал первое действующее утопическое предприятие в Британии, в котором предприниматель заботился о рабочих, вплоть до предоставления им бесплатных медицинской помощи, образования и т.п. Учеником и наследником этого Дойла стал знаменитый Роберт Оуэн, на которого как на одного из предтеч коммунизма постоянно ссылался Карл Маркс. Несмотря на то, что родители первоначально не одобряли выбор дочери и рассматривали брак как мезальянс, они были крайне внимательны к внуку и проводили с ним много времени. А. Кинг сформировался в большей степени в семье Дойлов, а не Кингов.

Александр Кинг получил редкий в то время в Англии, и не только, опыт жизни и общения в самых разных социальных слоях, что, несомненно, помогло ему в последующей жизни. Поскольку к моменту окончания школы семья переехала в Лондон и жила уже в достатке, то родители без колебаний одобрили выбор сына в пользу научных занятий. После окончания школы А. Кинг поступил не в престижный университет, с которыми связывались военная карьера, государственная служба, работа в Сити, т.е. не Кембридж или Оксфорд, а в Лондонский университет. Он славился Королевским научным колледжем с его самыми сильными в Британии кафедрами физики и химии.

Относительно обучения Кинга в университете отметим только, что в это же время и по той же специализации там обучались граф Солсбери, один из будущих руководителей британской разведки, и Генри Астор, представитель наиболее влиятельной аристократической семьи Великобритании тех лет. Кроме того, свой дипломный проект по химии, т.е. по специализации А. Кинга выполнял барон Виктор Ротшильд, с которым на протяжении большей части своей жизни будет взаимодействовать А. Кинг. После окончания университета Кинг, не слишком озабоченный вопросами текущего пропитания, выбрал не государственную или деловую карьеру, а науку и поступил работать лаборантом, а в последующем — преподавателем химического факультета в ведущем британском научном центре — Имперском колледже. Практически параллельно с началом научной карьеры А. Кинг женится на Саре Томпсон, с которой прожил в браке более 60 лет.

Жена Кинга Салли (Сара) происходила из одного из самых влиятельных богатых и древних шотландских родов — Стивенсонов. Помимо богатства её семья располагала связями практически во всех сферах тогдашнего британского общества. Связями род был обязан в значительной степени женщинам Стивенсонов. У матери Салли было шесть сестёр, а у самой Салли четыре сестры и двое братьев. Хотя сама она всю жизнь не работала и занималась семьёй, а также увлекавшими её музыкой, скульптурой и живописью, её тетушки и сестры были членами парламента от обеих ведущих британских партий, верховными судьями, женами премьер-министров и ведущих британских военачальников.

Сама Салли отлично знала и общалась, по воспоминаниям своей дочери, с такими колоритными женщинами, как Памела Черчилль-Гарриман, урождённая Дигби, известная как «рыжая ведьма», и Клэр Шеридан, племянница Черчилля, скульптор, подруга одного из руководителей советской разведки Я. Петерса, тесно связанная с французской, британской и советской разведками и др. Весьма необычным оказалось место знакомства молодых людей, а именно Мюнхен. А. Кинг отправился в Мюнхен продолжать своё образование после завершения обучения в Лондонском университете. Выбор места дальнейшей учёбы он объясняет так: «Во-первых, Германия тогда как нельзя лучше подходила для проведения научных исследований. Во-вторых, для меня было немаловажным, что неподалёку от Мюнхена находятся Баварские Альпы. И то, что Мюнхен прославлен своей оперой и музыкой…»

Что касается проведения научных исследований, то в этом отношении в Германии тогда безраздельно первенствовали Гёттинген и Берлин.[42] Однако самой Гер-

[42] Motrelli P. History of Chemical Research in Europe 1914–1939. San Francisco, 1963.

мании в ту пору было вообще не до науки и не до культуры. Страну сотрясала невиданная в Европе гиперинфляция и напряжённейшая борьба между сторонниками Веймарской республики, с одной стороны, социал-демократами — с другой, коммунистами — с третьей, и рвущимися к власти нацистами — с четвёртой. Причём Мюнхен как раз и был штаб-квартирой и колыбелью национал-социалистического движения в Германии. Так что вопреки тому, что пишет Кинг, в качестве места углубления научной специализации и приятного времяпрепровождения Германия вообще, и Мюнхен в особенности вряд ли были наилучшим местом Европы на переломе 1920–1930-х годов.

О знакомстве с женой А. Кинг пишет: «Мой шотландский коллега обнаружил исключительно хорошие, по его мнению, курсы разговорного немецкого и предложил мне дополнить свой технический словарь повседневной лексикой. Я согласился и пришёл в лекционный зал вместе со всеми. Рядом со мной сидела юная прелестная девушка с рыжевато-золотистыми волосами. Это и была Салли… Она была спокойной, но уверенной в себе и прекрасно образованной девушкой из хорошей семьи с дипломом музыканта. Она приехала в Германию якобы учить немецкий и слушать музыку. Но в действительности она бежала от жизни на нортумберлендских болотах, где водилась знаменитая собака Баскервилей[43] и было расположено поместье её семьи».

Продолжая обучаться в Мюнхене, вскоре после знакомства Кинг и Салли отправились в весьма экзотическое путешествие в Стамбул. Маршрут путешествия весьма странен, поскольку с 1931 г. у Великобритании были крайне напряжённые отношения с правительством Ататюрка, которое носило ярко выраженный националистический характер и почти поголовно состояло из масонов, относящихся не к британской, а к французской ветви, к так называемой ложе Великий Восток Франции. В итоге молодые люди оказались в числе немногих британцев, посетивших в то время Стамбул без определённой цели и без плотных контактов с турецкими коллегами.

Ещё более удивительным было свадебное путешествие молодой четы. Оно состоялось в 1933 г. вскоре после возвращения из Мюнхена. Молодожёны отправились с туристической поездкой не куда-нибудь, а в Советский Союз. Касаясь причин путешествия, А. Кинг пишет: «Я знал о политической эволюции Советского Союза. Я почитал Маркса немного, но с меня и этого хватило. Однако в начале 1930-х годов, когда всех интересовало, что происходит в этой стране, я лучше других понимал сложившуюся там политическую ситуацию и, безусловно, был захвачен теми событиями».

В Советском Союзе молодая чета две недели провела в Ленинграде. Вот что пишет относительно своей поездки Александр Кинг: «Официальная программа осмотра достопримечательностей заняла у нас немного времени. Мы бродили по городу в течение двух недель, и нам показалось, что Ленинград сохранил все черты Петербурга великих русских Романовых. В действительности, откровенных попыток следить за нашими перемещениями было крайне мало... Отдельной радостью в ленинградской поездке стало общение с людьми. Они приняли нас настолько тепло, насколько это возможно. Общий язык мы нашли без труда. Они не только приглашали нас к себе в гости, но и устраивали нам загородные экскурсии… Несмотря на все трудности, люди, с которыми мы общались, казалось, с оптимизмом и даже эйфорией смотрели в будущее. Они не заводили доктринёрских разговоров, но были преисполнены гордости первопроходцев и словно добровольно терпели все тяготы ради построения лучшего мира. У меня сложилось впечатление — и это самое удивительное впечатление, что у меня осталось — что этот дух был всеобщим, я ощущал его на улицах как нечто религиозное. С тех пор я только однажды вновь встретил это явление — в Израиле в первые дни его существования. Мы с сожалением уезжали из Ленинграда…».

[43] Ошибка А. Кинга: события повести А. Конан Дойла «Собака Баскервилей» разворачиваются не в Нортумберленде — это север Англии, а на дартмурских болотах, на западе, в Девоншире. — *Прим. ред.*

Но на этом, однако, удивительные контакты молодой четы с Советским Союзом не завершились. В 1935 г. пара совершила путешествие в Лапландию. В ходе этого путешествия произошло удивительное событие: «Мы подошли к берегу так близко, как только было возможно, оказавшись вблизи только что обозначенной границы Советского Союза. Далее мы продолжили путь, естественно без виз, по русской территории, пока нам не показалось, что мы видим перед собой дымящиеся трубы Мурманска. После этого мы вернулись в деревушку Виролахти, откуда на лодке доплыли до Пестамо».

Конечно, по фактам туристических путешествий неправильно делать далеко идущие выводы, тем более что бытующий ныне стереотип, что в 1930-е годы СССР был «закрытой страной», опровергается многочисленными фактами. Как это ни покажется удивительным, в 1930-е годы люди, а не организации выписывали иностранные газеты, не обязательно издаваемые коммунистическими партиями, покупали зарубежные книги и слушали радио, выезжали в турпоездки за границу[44]. В свою очередь в СССР приезжали десятки тысяч иностранных специалистов в рамках программы индустриализации страны. Поскольку Советской стране нужна была валюта на индустриализацию, активно развивался туристический бизнес с Западом. В 1935 г. только в Ленинграде побывало 9,5 тыс. иностранных туристов. Из них 26% финнов и 24% немцев. На британцев приходилось при этом менее 5%[45]. Иными словами, за весь год Ленинград посетило около 450 англичан. Причём вполне очевидно, что представители британского истеблишмента, к которому принадлежали молодожёны, были единицы. Поэтому строки воспоминаний А. Кинга о том, что с ними спокойно общались ленинградцы и отсутствовало наблюдение, не могут не удивлять.

Кинги были далеко не самыми знаменитыми представителями британского истеблишмента, посетившими Советскую Россию. Таковых было немало. Возможно, частичная разгадка загадочных путешествий в СССР состоит в особых отношениях части британского истеблишмента с советской элитой. Хорошо известно, что, посетив Советский Союз в те же 1930-е годы, видные деятели Фабианского общества, на котором остановимся позже, Беатриса и Сидней Вебб оставили блистательные отзывы о стране Советов. В 1931 г. отмечать своё 75-летие в Москву приехал знаменитый британский драматург, писатель, лауреат Нобелевской премии и видный деятель Фабианского движения Бернард Шоу. В поездке его, как это ни удивительно, сопровождала знаменитая леди Нэнси Астор, хозяйка салона, вокруг которого груп-

[44] Голубев А.В. Если мир обрушится на нашу Республику. Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Наука, 2008.

[45] Там же.

пировались британские финансисты и политики, открывшие путь к власти национал-социалистической партии Германии Гитлера, а в последующем отстаивавшие необходимость подписания с ним договора о тесном сотрудничестве и мире[46].

Подробный отчёт о поездке Б. Шоу сделал писатель и журналист Генри Дан[47]. В первый же день пребывания в Москве Шоу попросил отвести его в Мавзолей. Ни один иностранец до этого не проводил столько времени у гроба Ленина. Шоу прокомментировал черты, которые он рассматривал: «Чистейший интеллектуал!». На это леди Астор ответила: «Он же не пролетарий, он — аристократ». Шоу тут же возразил: «Вы хотели сказать, интеллектуал, а не аристократ». На что леди Астор ответила: «Это — одно и то же». И на этом спор закончился. От Мавзолея Шоу пожелал пройти в Кремль. Когда ему показали вид из Кремля на Храм Христа Спасителя, который в то время разбирался на части, Шоу воскликнул: «Вы, русские, совершенно непоследовательные революционеры. В Англии Генрих Восьмой и Кромвель в Ирландии сделали гораздо больше, разрушая монастыри и церкви. Вот мы, англичане, действительно, революционеры. А вы — полуреволюционеры».

В последний день перед отъездом Б. Шоу и Н. Астор были приглашены на встречу со Сталиным. Обычно иностранцам Сталин уделял не более 20 минут. Однако на этот раз беседа продолжалась почти два с половиной часа. Уже позднее Б. Шоу рассказывал: «Мы ожидали увидеть русского рабочего, а увидели грузинского джентльмена. Он не только сам был прост, но и сумел сделать так, чтобы и нам было с ним просто. У него хорошее чувство юмора, он вовсе не злой, но и не легковерный». По возвращении домой Шоу попросили коротко изложить его впечатления. Он ответил: «Сталин — гигант, а остальные политики — пигмеи… Россия наводит в стране порядок, а другие страны лишь валяют дурака. Что касается России и Америки, то в обеих странах существует зло, но, если в России оно отступает, то в Америке оно наступает».

Несмотря на тесные контакты британского и советского истеблишмента, советско-британские отношения в конце 1920-х – начале 1930-х годов находились в весьма плачевном состоянии. Их стремительное ухудшение началось в конце 1927 г. после разгрома одной из ключевых компаний мобилизационной сети коммерческих предприятий Разведупра «Аркоса», базировавшегося в Лондоне. После этого на публичном политическом уровне отношения только ухудшались. Этот процесс достиг апогея как раз перед приездом супругов Кинг в Россию в связи с показательным процессом над сотрудниками британской корпорации «Метро-Виккерс». Вот как резюмирует этот процесс автор того времени: «Разгром шайки шпионов и вредителей из “Метро-Виккерс” нанёс английской разведке большой урон. Из состава агентов “Интеллидженс сервис”, орудовавших в СССР, выбыло 27 человек. Немудрено, что вся английская буржуазная печать подняла в связи с этим неистовый вой. Английское правительство стало на путь угроз и нажима по отношению к СССР, стремясь заставить Советское правительство отказаться от суда над уличенными и сознавшимися английскими шпионами. Но Советское правительство не испугалось этих угроз. В апреле 1933 г. английские шпионы предстали перед Особым при-

[46] KershawI. Making Friends with Hitler: Lord Londonderry, the Nazis, and the Road to War. L.: Penguin Books, 2005.

[47] Dana H.W.L. Shaw in Moscow. N.Y.: The American Mercury, 1932.

сутствием Верховного суда СССР и понесли заслуженное наказание».[48] Этот процесс лежал в русле широкомасштабной борьбы с иностранными шпионами и вредительством.

«Товарищ Сталин охарактеризовал вредительство как экономическую интервенцию в народном хозяйстве Советского Союза. Он указывал, что вредительство является неизбежным следствием обострения классовой борьбы внутри СССР, наступательной политики Советской власти в отношении капиталистических элементов города и деревни, сопротивления этих последних политике Советской власти, сложности международного положения.

“...Если активность боевой части вредителей, — говорил товарищ Сталин, — подкреплялась интервенционистскими затеями империалистов капиталистических стран и хлебными затруднениями внутри страны, то колебания другой части старой технической интеллигенции в сторону активных вредителей усиливались модными разговорами троцкистско-меньшевистских болтунов насчёт того, что “из колхозов и совхозов всё равно ничего не выйдет”, “Советская власть всё равно перерождается и должна в скором времени пасть”, “большевики своей политикой сами способствуют интервенции” и т.д. и т.п. В своей исторической речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. товарищ Сталин предупреждал: “...Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение”.

Разгром шайки шпионов и вредителей из “Метро-Виккерс” нанёс английской разведке большой урон. Из состава агентов “Интеллидженс сервис”, орудовавших в СССР, выбыло 27 человек. Немудрено, что вся английская буржуазная печать подняла в связи с этим неистовый вой. Английское правительство стало на путь угроз и нажима по отношению к СССР, стремясь заставить Советское правительство отказаться от суда над уличёнными и сознавшимися английскими шпионами. Но Советское правительство не испугалось этих угроз. В апреле 1933 года английские шпионы предстали перед Особым присутствием Верховного суда СССР и понесли заслуженное наказание»[49].

В дополнение ко всему в 1932–1933 гг. страну постигли неурожаи. А. Кинг пишет: «1933 год стал одним из самых страшных в советской истории — только пушки и никакого масла, всё приносилось в жертву обороне и экономическим задачам; неурожай в Украине и деспотичная политика Сталина вызвали голод и бесчисленные смерти».

С учётом всех изложенных обстоятельств поражает, что Александр Кинг, человек, как явствует из его собственных воспоминаний и воспоминаний дочери, крайне рассудительный, ответственный и серьёзно подходящий к жизни, в 1935 г. спокойно нарушал советскую границу, причём не в одиночку, а с молодой женой, которая только полгода назад родила их первую дочь. Заслуживает внимания и то, что на протяжении всей книги воспоминаний — с первой страницы до последней — А. Кинг называет свою жену Валькирией. Как известно, Валькирии в германо-саксонской мифологии — это бесстрашные девы-воительницы. Естественно, возникает вопрос, чему обязана таким наименованием домохозяйка, мать троих детей,

[48] Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. (Часть первая). М.: Воениздат НКО СССР, 1940.

[49] Там же.

пианистка и скульптор. При этом их старшая дочь Джейн в своих мемуарах отмечает спокойный, мягкий и уравновешенный характер матери.

Возможную подсказку побудительных мотивов путешествий супругов Кинг в Советский Союз и близлежащие страны в период 1933–1938 гг. дают воспоминания их старшей дочери Джейн. В своей книге она упоминает, что, поступив в университет, на первом-втором курсах она сильно сомневалась в выборе будущей профессии и всерьёз подумывала, чтобы стать киноактрисой. Ей случалось частенько прогуливать занятия, проводя время на студии знаменитого британского продюсера Александра Корды[50]. А. Корда, по воспоминаниям Джейн, знал её родителей и особенно был дружен с семьями двух её теток, сестёр Салли Кинг. Намёк состоит в том, что Александр Корда помимо того, что был едва ли не самым знаменитым, успешным кинопродюсером своего времени, вхожим в самые верха британского истеблишмента, являлся ещё участником, фронтменом, а при необходимости и источником легальных выплат для знаменитой организации «Z»[51].

2

Организация «Z» была создана подполковником сэром Клодом Денси, которого многие историки разведки считают создателем самой необычной и одновременно успешной разведывательной сети XX в. Клод Денси не получил сколько-нибудь систематического образования, поскольку был выгнан из элитной школы по подозрению в гомосексуализме. После этого почти 10 лет он героически сражался в Африке, а затем, выйдя в отставку, отправился в США. Ещё во время службы в Африке он подружился с Уинстоном Черчиллем, а попав в Соединённые Штаты, близко сошёлся с одним из наиболее богатых и влиятельных людей в США Томасом Райаном. Про Райана пресса того времени писала, что «его волю в любой момент готовы были выполнить такие люди, как серый кардинал Белого дома, полковник Хауз или руководитель избирательных кампаний президента Вудро Вильсона В. МакКопс»[52]. Согласно единственной объёмной биографии, он был своего рода руководителем службы безопасности и советником по особым поручениям при Томасе Райане. В результате он стал одним из основателей знаменитого гольф-клуба на берегу Гудзона, где вместе с ним в совет директоров вошли Джон Джекоб Астор, Перси и Уильям Рокфеллеры, Корнилиус и Франклин Вандерлипы, Оливер Гарриман, сыгравший огромную роль в советско-американских отношениях, и другие столь же знаменитые люди.

Биографы утверждают, что в момент биржевого краха, положившего начало Великой депрессии в США в 1929 г., Денси потерял свои деньги и был вынужден вернуться в Европу и вновь поступить на службу в МИ-6. Однако рассекреченные относительно недавно документы[53], касающиеся встреч и финансовых дел К. Денси, заставляют по-

[50] Drazin Ch. Korda: Britain's Movie Mogul. L.: I.B. Tauris, 2011.

[51] Read A. Colonel Z.: The Life and Times of a Master of Spies. L.: Hodder & Stoughton, 1984.

[52] Цит. по: Багаев А.В. Презумпция лжи. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017.

[53] Aftel O. Organization Z New Materials // Intelligence and National Security. 1995. Vol. 10. No 2. https://www.tandfonline.com/action/journalInformation?show=aimsScope&journalCode=fint20

другому взглянуть на официальную версию. В материалах приведены купчие на оплаченные в 1930–1931 гг., т.е. уже после биржевого краха дома, купленные К. Денси для своего друга в фешенебельном пригороде Нью-Йорка, а также виллу в Ницце и дом в Лондоне, оформленные на родственницу К. Денси. Очевидно, что столь дорогостоящие покупки недвижимости в те времена, когда кредиты на недвижимость ещё не стали нормой, могли себе позволить только богатые, а не разорившиеся люди.

Возможный ответ, зачем понадобилась такая легенда, содержится в записях секретаря Уильяма Рокфеллера. Согласно этой записи, в 1911 г. Уильям Рокфеллер, брат президента и основателя знаменитых Standard Oil и Citibank, поручил Клоду Денси создать для него частную разведывательную службу. В 1926 г., согласно записям, состоялась встреча Денси с семьёй Рокфеллеров. На ней они выразили благодарность за эффективную постановку системы корпоративной разведки и попросили приложить усилия к созданию частной разведывательной сети, которая бы охватила Америку, Европу и Азию.

Как бы то ни было, вернувшись на службу в МИ-6, Клод Денси имел продолжительные встречи с Уинстоном Черчиллем и Хью Синклером, главой МИ-6. В ходе встреч Хью Синклер сетовал на то, что после разразившегося кризиса правительство резко сократило расходы и на внешнюю и на внутреннюю разведку, т.е. на МИ-5 и МИ-6. Сокращения имели по словам руководителя службы такой характер, что по сути парализовали всю активность британской разведки на континенте, а также резко снизили качество специалистов, привлекаемых к разведывательной работе. По результатам этих бесед и, видимо, памятуя о поручении семьи Рокфеллеров, К. Денси создал в течение 1930–1933 гг. уникальную частную неформальную разведывательную организацию. В последующие годы она только разрасталась. С началом Второй мировой войны, совпавшей с провалом собственной сети МИ-6 в Западной Европе, она влилась в МИ-6, собственно и сформировав всю британскую разведку периода Второй мировой войны и после неё.

Организация «Z»[54] от других разведок мира отличалась:

– во-первых, абсолютно неформальным характером. Деятельность организации, включая членство в ней, уровни руководства, функции, задания нигде письменно официально не фиксировалась;

– во-вторых, к работе в сети привлекались, за редким исключением, представители британского истеблишмента и состоятельные люди, способные полностью финансировать не только собственную разведывательную деятельность, но и деятельность различного рода вспомогательного разведывательного персонала, технических работников, а также выделять ресурсы на осуществление различного рода лоббистских и иных функций, необходимых организации;

– в-третьих, в организацию активно включались молодые люди из хороших семей, учащиеся в британских и европейских университетах и имеющие возможность без подозрений посещать страны с относительно закрытыми режимами типа Германии, Советского Союза, Италии и проч.;

– в-четвёртых, организация вела активную лоббистскую деятельность и осуществляла финансовую поддержку политиков, общественных деятелей, деловых

[54] Read A. Op. cit.

людей, противостоящих угрозам британским интересам в Европе и Америке, а также тех британских политиков, кто выступал против примирения с Германией;

– в-пятых, разведывательная сеть была развёрнута не только против потенциальных врагов и нейтральных стран, но и против союзников. Крупнейший фрагмент сети был создан на американском континенте сэром Уильямом Стефенсоном, изобретателем, миллионером и разведчиком. Помимо Соединённых Штатов и Канады сеть охватывала Бразилию, Аргентину, Чили, Мексику и другие страны. В ней действовало более 100 человек. Кстати, штаб-квартира сети Стефенсона была расположена в Рокфеллер-Центре.

Через Александра Корду организация «Z» частично привлекала новых членов, а частично проводила различного рода финансовые выплаты лоббистского и иного характера, а также оказывала поддержку тем членам организации, которые в ней по тем или иным причинам нуждались. Нетрудно заметить, что поездки четы Кинг пришлись как раз на период начала активного действия организации «Z». Вдобавок они отлично подходили под требуемые организацией характеристики с точки зрения как принадлежности к истеблишменту и наличия качественного образования, так и возможностей совершать разнообразные путешествия — сначала в силу своего студенческого, а потом и научного статуса.

Разумеется, однозначно утверждать о принадлежности Александра Кинга и его супруги к организации «Z» нельзя, хотя бы потому, что в ней не велось абсолютно никакой документации. Но, как показывает опыт, несколько косвенных признаков ценнее для распознавания неизвестного, чем один прямой.

3

Вернёмся, однако, к А. Кингу и летописи его жизни. Следующим заметным событием в ней стало его вступление в 1937 г. в новое Фабианское общество. Поскольку данное событие сыграло значительную, если не определяющую роль в судьбе Кинга, есть смысл подробнее остановиться на том, что представляло собой фабианское движение вообще и новое Фабианское общество в частности.

За рубежом и в России многочисленная псевдоконспирологическая литература, рассчитанная на необразованного и маловзыскательного читателя, традиционно связывает фабианцев с мировым правительством, новым мировым порядком, Федеральной резервной системой и даже рептилоидами. Однако в реальности фабианское движение представляет собой серьёзное интеллектуальное, политическое и социально-экономическое явление. Оно начало активно оказывать своё воздействие на мир в начале прошлого века и продолжает это делать по сегодняшний день.

В число наиболее известных представителей фабианства входили британские премьер-министры К. Эттли, Р. Макдональд, Т. Блэр, лорд-канцлер Г. Моррисон, лидеры лейбористской партии Э. и Д. Миллибенды. У истоков движения стояли министр британского правительства Сидней Вебб и его жена Беатриса, министр во многих правительствах У. Беверидж, всемирно известные писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс. Фабианцами были великий экономист Джон Мейнард Кейнс, выдающиеся ученые Б. Рассел и Э. Резерфорд, организатор науки Г. Тизард и др. Фабианцам сочувствовали такие представители британской финансовой и аристократической элиты, как лорд В. Ротшильд, графы Солсбери и Тоуни и т.п.[55]

Фабианское движение было основано в 1883–1884 гг. Е. Несбитом, Х. Бланденом, Е. Пизом и др. Исходно они полагали «что социализм создал несправедливое и неэффективное общество, и британская элита должна его реконструировать в соответствии с высшими нравственными возможностями. Для этого необходимо помочь обществу безболезненно, максимально бесконфликтно двигаться к социалистическому обществу».[56] Однако подлинный толчок фабианству дало сближение фабианцев с кругом знаменитого лорда А. Милнера. Он широко известен как основатель общества Круглого стола. Оно было создано на деньги знаменитого Сесила Родса, в него входили представители британского истеблишмента. Лорд Милнер, тесно взаимодействовавший с семейством Ротшильдов, с первых дней существования Фабианского общества поддерживал тесные отношения с Беатрисой Вебб и её мужем, в последующем министром колоний Сиднеем Веббом. Ещё до основания Фабианского общества он под патронажем супругов Вебб проводил занятия для рабочих на тему «Сущность социализма». В последующем, уже став одним из самых влиятельных государственных деятелей, в публичных выступлениях он следующим образом характеризовал себя: «Я не только империалист до мозга костей, я ещё и не могу стать на сторону тех, кто огульно хает социализм. Признаю при этом, что социализм возможен и в подлой форме, когда против богатства ополчаются просто потому, что ненавидят его, а само учение живёт за счёт разжигания классовой ненависти. Но… есть и благородный социализм. Он рождается не из зависти, не из ненависти, не из милосердия, а из искреннего, прочувствованного, благородного и мудрого понимания того, что такое жизнь всей нации в целом».[57]

Лорд Милнер на протяжении десятилетий состоял в клубе, своего рода интеллектуальном центре и ядре пропаганды фабианского социализма среди британской элиты — Co-Efficients. В число участников клуба входили представители высшей британской аристократии и молодые отпрыски наиболее богатых семей Квадратной мили (месторасположение наиболее богатых банков и финансовых компаний Сити)[58].

На первом этапе своего существования Фабианское общество выступало за:

– во-первых, введение общественной собственности на землю и недра;

– во-вторых, постепенный выкуп государством крупнейших инфраструктурных предприятий, таких как железные дороги, почта, телеграф, основные морские линии и судо-пароходные компании и т.д.;

– в-третьих, за последовательное улучшение социально-экономических условий трудящихся и повышение их культурного уровня[59].

[55] MacKenzie N. The Fabians. N.Y.: Simon & Schuster, 1977.

[56] См.: Pease E.R. History of the Fabian Society; The Origins of English Socialism. L.: Red and Black Publishers, 2008.

[57] Цит. по: Багаев А.В. Ук. соч.

[58] Pease E.R. Op. cit.

[59] Родионова Н.А. Фабианство как феномен общественно-политической жизни Англии: 1884 – середина XX в. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. Волгоград, 2008.

С первых дней существования и до настоящего времени фабианство строго следует стратегии римского полководца Квинта Фабия Максима, в честь которого и названо общество. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы не ввязываться в генеральные сражения, не ставить всё на одну карту, а действовать в расчёте на постоянные маленькие победы, которые в итоге обеспечат конечный успех. Такая стратегия Фабия позволила победить превосходящие римлян численно и профессионально силы Ганнибала и нанести ему поражение. Фабианцы были уверены, что подобная же стратегия позволит в конечном итоге создать общество благоденствия, или фабианский социализм. Недаром гербом фабианского общества является черепаха. Правда, исключительно умный и не менее саркастичный Бернард Шоу уже в начале прошлого века предложил заменить герб на изображение волка в овечьей шкуре, однако остальные фабианцы его не поддержали.

С первых же дней своего существования фабианцы, признавая научную ценность экономических трудов Карла Маркса, категорически отвергали его концепцию коммунизма, связанную с классовой борьбой и насильственными революциями. Они утверждали, что кроме беды и горя самим же трудящимся этот путь ничего не принесёт. Поэтому долгие годы фабианцы не поддерживали отношения не только с появившимся после Великой Октябрьской революции Третьим интернационалом, но и с социал-демократическим Вторым. Лейбористская партия, по сути, созданная фабианцами, вошла в Социнтерн лишь в 1960-е годы. При этом фабианцы лояльно относились ко многим соратникам К. Маркса. Более того, его дочь Элеонора и её муж, профессор Эвелинг, были активными деятелями фабианского движения[60].

Заслуживает внимания и тот факт, что при неприятии коммунистической идеологии и практики фабианцы не просто сочувственно, а с поддержкой относились к Советскому Союзу. В определённой степени это связано с тем, что с фабианцами поддерживали тесные отношения видные деятели большевистской партии во время своего проживания в Великобритании. Например, нарком иностранных дел Максим Литвинов познакомился со своей будущей женой — англичанкой — на одном из фабианских семинаров. Фабианкой была и дочь одного из крупнейших банкиров Сити Мей Фриман — жена чекиста Яна Петерса. К руководству фабианского движения, включая супругов Вебб, был близок многолетний близкий друг В.И. Ленина и Л.Б. Красина Ф. Ротштейн, хорошо известный в кругах лондонского Сити. Следует также отметить, что последней книгой, написанной подлинными гуру Фабианского движения супругами Вебб уже в весьма преклонном возрасте стала «Правда о Советской России».

Непосредственно перед Первой мировой войной и после её окончания фабианскому движению удалось достичь первых крупных ощутимых результатов. В их число входят создание национальной службы бесплатного здравоохранения, введение минимальной заработной платы и её индексация в зависимости от роста цен, создание системы государственных бесплатных школ и предоставление стипендий в платные высшие учебные заведения для малоимущих слоёв населения и выходцев из рабочего класса и т.п.

[60] MacKenzie N. Op. cit.

Несмотря на видимые общественные успехи, внутри фабианского общества наблюдался кризис, связанный с отсутствием новых идей. Такую идею выдвинул Герберт Уэллс. Под воздействием бесед с супругами Вебб и лордом Милнером в 1905 г. он опубликовал книгу «Современная утопия», идеи которой писатель углубил и расширил в другой своей работе «Новый Макиавелли», написанной десятью годами позже. Задолго до Джеймса Бернхема он, по сути, провозгласил революцию менеджеров. При этом понимание революции менеджеров Уэлса было существенно шире, чем у Бернхема. Оно стало основанием для концепции меритократии, т.е. власти достойных.

Г. Уэллс писал, что капитализм скидывает личностную оболочку и превращается в самодовлеющую сущность. Капиталист, собственник с развитием акционерного капитала и фондового рынка, становится больше не нужным капиталу. Главными для эффективного производственного процесса становятся люди нового класса — класса администраторов, высококомпетентных в государственном и корпоративном управлении. Именно от них, по мысли Г. Уэллса, в решающей степени начинает зависеть экономический и технологический процессы, решение социальных проблем общества и, в конечном счёте, переход от капитализма к социализму. К подлинному социализму, считал Уэллс, общество поведут не боевики-революционеры, а меритократы-администраторы.

Базируясь на концепции административного класса, посвятившего себя организации эффективного производства, устроению справедливого общества и поддержки государственного порядка, Уэллс предложил изменить суть Фабианского общества. При всех достижениях этого общества Уэллс назвал его «полусалонным, квартирующим в апартаментах при одном секретаре и одном ассистенте». Вместо этого он предложил создать массовую социалистическую партию среднего класса, ядро которой составят эффективные и нравственные администраторы, а массовую базу — продвинутые специалисты, конструкторы, инженеры из любых отраслей и слои рабочего класса, связанные с техникой и технологиями.

Идеи Г. Уэллса были отвергнуты и тогда он вышел из состава общества. Однако к началу 1930-х годов руководящее ядро молодой лейбористской партии взяло, по крайней мере частично, их на вооружение и создало внутри партии новое фабианское движение[61].

Завершая экскурс в историю Фабианского движения, отметим, что в 1945 г., когда в Британии к власти пришло правительство Эттли – Моррисона, более 200 новых фабианцев получили назначения на министерские, руководящие и иные ключевые должности в государственной администрации. В их числе был и Александр Кинг.

Присоединившись к новому Фабианскому движению, А. Кинг вскоре получил предложение баллотироваться в Парламент от лейбористской партии в округе, где он был обречён на победу. Однако, по словам Кинга, «политическая карьера меня не привлекала… Меня интересовало продолжение научной деятельности и участие в экспедициях». Данная аргументация лишний раз подтверждает гипотезу о том, что А. Кинг участвовал в организации «Z».

[61] Родионова Н.А. Ук. соч.

В 1938 г. под его руководством осуществляется крупная британская экспедиция в северные районы Норвегии на остров Ян-Майен, недалеко от Шпицбергена. Следует отметить, что руководителем формально климатологическо-зоологической экспедицией был назначен специалист в области химии. При этом остров постоянно посещали германские туристические суда. В их скрытую задачу входила подготовка к созданию на острове германской радиометеорологической станции. Как стало в последующем известно, станция должна была наблюдать за передвижениями британского военно-морского флота.

4

Буквально за два месяца перед войной, летом 1939 г. А. Кинг, преуспевающий исследователь, лектор, автор англо-немецкого словаря по химии, ставшего бестселлером научной литературы, предпринимает неожиданную поездку в Париж для встречи с одним из наиболее загадочных и неординарных людей XX века — Г.И. Гурджиевым. Сам А. Кинг объясняет поездку таким образом: «От своего белорусского друга Николая Губского я был наслышан об интересном и эксцентричном человеке по имени Г.И. Гурджиев — мистике, философе, маге или шарлатане; возможно, он сочетал в себе всё перечисленное. Некоторые из его идей в пересказе Губского показались мне интересными и смелыми. Поэтому… я решил с ним побеседовать, если будет возможно». Самое любопытное в этом фрагменте то, что в данный период времени Г. Гурджиев встречался только со своими ближайшими соратниками из элиты общества и игнорировал любые приглашения, а также письма соискателей встречи с ним. Как пишут газеты того времени и подтверждают биографы, постороннему человеку договориться с ним о встрече было практически невозможно. Однако А. Кинга Гурджиев принял буквально через несколько дней после получения его письма.

В книге Кинг пишет: «Он был очень словоохотлив, разглагольствовал о всевозможных мелочах, произносил общие фразы, хвастался, как быстро добрался из Виши накануне… Это представление… произвело на меня неблагоприятное впечатление, как, без сомнения, и было им задумано. У меня к нему было несколько вопросов, и я хотел получить на них ответы… В конце концов я выпалил: "Всё это очень интересно, но я пришёл сюда не о ерунде говорить". Он улыбнулся и изменил тактику, начал говорить серьёзно и ответил на некоторые мои вопросы, прежде чем я успел их задать. Словно прочитал мои мысли… Я получил столько впечатлений, что больше не мог их воспринимать и был не в состоянии обсуждать другие вопросы».

В отличие от большинства эзотериков, Георгий Гурджиев и его ученик и продолжатель Пётр Успенский обладали блестящими естественнонаучными знаниями и смогли пройти подготовку в действующих в Центральной Азии и на Ближнем Востоке суфийских школах. При этом оба категорически отвергали поверхностную мистику и спекуляции на эзотерике, подчёркивая, что занимаются не модным в ту пору спиритизмом, а разрабатывают иной тип науки и технологий.

Что касается впечатления, которое производил Гурджиев, то лучше всего на этот счёт написал Петр Успенский: «Он производил странное, неожиданное и почти пугающее впечатление плохо переодетого человека, вид которого смущал вас, потому что вы понимаете, что он — не тот, за которого себя выдаёт. А между тем вам приходится общаться с ним и вести себя так, как если бы вы это не замечали»[62]. Современная литература о Гурджиеве и Успенском насчитывает сотни томов. Наиболее коротко и точно о Гурджиеве высказался известный российский писатель, предприниматель и антрополог, главный редактор интернет-журнала «Перемены» Глеб Давыдов: «О том, кто такой Георгий Гурджиев и откуда он взялся, ходило множество разнообразных слухов. А он сам не только не опровергал их, но напротив, пользовался любым удобным случаем, чтобы подпустить ещё больше тумана. При этом в отличие от авантюристов всех времён и народов он никогда не делал ставки на эти мистификации. Скорее, подобно Дону Хуану (Кастанеде), просто практиковал стирание личной истории».

Несмотря на то, что А. Кинг не упоминает о сути заданных им вопросов, тем не менее, с высокой степенью вероятности можно предположить, о чём шла речь. Со второй половины 1930-х годов А. Кинг тесно общался с ректором Имперского научного колледжа, в котором он преподавал, Генри Тизардом, одним из ведущих британских учёных, членом Фабианского общества, другом Уинстона Черчилля. Научные интересы Г. Тизарда простирались далеко за пределы физики и химии. В частности, по поручению У. Черчилля он прорабатывал технологии борьбы с промыванием мозгов, которые, по мнению члена семьи Мальборо, показали свою высокую эффективность в Германии и СССР.

С 1890 по 1915 г. Гурджиев объездил Закавказье, Египет и Ближний Восток, Среднюю Азию, Афганистан, Индию и Тибет. Помимо обучения в суфийских школах и тибетских монастырях он ухитрялся часто оказываться в зонах конфликтов и военных действий и внимательно наблюдал за поведением людей. Успенский в книге «В поисках чудесного»[63] пишет: «О школах, о том, где он нашёл знания, которым, без сомнения обладал, он говорил мало и всегда как-то вскользь. Он упоминал тибетские монастыри, Читрал, гору Афон, школы суфиев в Персии, Бухаре и Восточном Туркестане, а также дервишей различных орденов; но обо всём этом говорилось очень неопределённо… Он упоминал, что, по убеждению его учителей и личным наблюдениям, кровавым и жестоким военным конфликтам и столкновениям с применением оружия дотоле мирных жителей всегда предшествовала своего рода психическая эпидемия массового умопомешательства и озлобления. Однако, по мнению Г. Гурджиева, это была не какая-то случайная эпидемия, а намеренно вызванный целенаправленным внушением, своего рода массовым гипнозом процесс».

В той же работе П. Успенский пишет, что после серьёзной болезни, связанной с военными действиями, Георгий Иванович Гурджиев принял решение «прекратить всякое применение исключительной силы». В разгар Первой мировой войны он прибыл в Россию, чтобы «любой ценой разрушить в людях склонность к внушаемости, которая заставляет их легко подпадать под влияние массового гипноза».[64] Как впоследствии говорил Гурджиев своим ученикам, к сожалению, попал он в

[62] Успенский П.Д. Письма из России. http://fway.org/onlinelib/78-1919-/467-1919-1.html

[63] Ouspensky P.D. In Search of Miraculous: Fragments of an Unknown Teaching. N.Y., 1949.

[64] Ibid.

Россию слишком поздно и в силу ряда непреодолимых жизненных обстоятельств не смог быстро встретиться с нужными людьми.

Сопоставляя круг интересов Г. Тизарда и психотехники Г. Гурджиева по противодействию наведённому эффекту толпы и массовому внушению не будет большим преувеличением утверждать, что одной из задач встречи было получение от Г. Гурджиева либо устных рекомендаций, либо, возможно, даже материалов, связанных с противодействием массовому промыванию мозгов гипнозу, базирующемуся на предварительной целенаправленной внушаемости населения. Кроме того, а возможно, и в первую очередь, Г. Гурджиев был интересен британской правящей элите в грозные предвоенные годы своей едва ли не главной разработкой. Как пишет один из наиболее непредубеждённых и в то же время образованных и интеллектуальных исследователей учения Гурджиева Г. Давыдов: «В принципе, то, что делал Гурджиев с учениками, это универсальный метод лечения болезней (социальных, психических и любых других). А именно — создание управляемого кризиса. Этим средством пользуется, например, экзорцист: изгоняя беса, для начала вызывает его, провоцирует его проявление в пациенте. После того, как "бес" вызван, пациента начинает ломать. И вот в этот момент с ним (с "бесом", с болезнью) уже можно работать, изгонять его. Так было в Средние века, и по сути тем же методом пользуются современные психоаналитики: искусственно провоцируют психическое обострение, в ходе которого анализируют проблемы пациента, и в условиях этого управляемого кризиса пытаются перестроить больную психику. Точно так же можно вызывать и использовать социально-политические кризисы»[65].

Несомненно, технология управляемого кризиса, детально разработанная Г. Гурджиевым как для отдельных людей и небольших групп, так и для значительных коллективов и массового поведения, задолго до дилетантских упражнений недоучки Стивена Манна не могла не вызвать пристального внимания со стороны британской разведки и высших политических кругов. Исходя из текста автобиографии А. Кинга, можно сделать вывод о том, что ответы на главные вопросы он получил и довольный отбыл в Лондон.

Началась Вторая мировая война и А. Кинг, как оказалось в последующем, навсегда покончил с академической карьерой. Однако, в отличие от большинства своих коллег по работе, он не был призван в армию. Как пишет сам А. Кинг: «Я тут же записался на обязательную военную службу. Я думал, что мне, как учёному, выдадут униформу, винтовку и отправят охранять склад с химикатами». Однако оказался он совершенно в другом месте, а именно в организации под названием «Военные, разведывательные исследования», которая являлась одним из подразделений британской контрразведки МИ-5. Его начальником стал хорошо знакомый Кингу по научной работе, участию в фабианском обществе и, видимо, по совместной деятельности в организации «Z», барон Виктор Ротшильд.

Несмотря на столь обтекаемое и в каком-то смысле вполне безобидное название, данное подразделение МИ-5, согласно недавно рассекреченным архивам, по которым написаны получившие хорошую прессу и высокую оценку профессионалов книги[66], занималось широким кругом жизненно важных для Британии вопросов. Главной её задачей была борьба с саботажем и выявление германских агентов в военной промышленности, на транспорте, предприятиях связи, в сфере военных, научных исследований и разработок. Кроме того, это подразделение отвечало, как это ни удивительно, за личную безопасность Уинстона Черчилля и ключевых членов его кабинета. Поэтому Натаниэль Виктор Ротшильд был не просто одним из руководителей подразделения МИ-5, а по сути стал ключевым человеком в этой организации.

[65] Давыдов Г. Гурджиев: танцующий провокатор. http://www.peremeny.ru/column/view/924/

[66] Hennessey T., Thomas C. Spooks the Unofficial History of MI5. L.: Amberley Publishing, 2009; Andrew C. The Defence of the Realm: The Authorized History of MI5. L.: Allen Lane, 2009.

5

С учётом длительных и плодотворных отношений А. Кинга с В. Ротшильдом есть смысл несколько подробнее остановиться на личности последнего и его семье. При этом мы пока оставим в стороне вопрос относительно обвинений со стороны не только журналистов, но и бывших высокопоставленных сотрудников британской разведки в том, что Виктор Ротшильд был советским шпионом.

Прежде всего надо отметить, что Виктор Ротшильд был не просто близким другом У. Черчилля, но и одним из главных финансистов его избирательных кампаний на протяжении всей долгой политической карьеры[67]. Кроме того, Ротшильд даже по мнению недругов выделялся глубокой эрудицией, острым умом и умением находить общий зык с людьми из самых различных социальных слоёв, представителей разных национальностей и людей, исповедующих различные политические взгляды. При этом так же, как и У. Черчилль, исходно он был весьма негативно настроен к германской военно-политической элите, а сразу же после прихода к власти Гитлера стал его яростным противником. В немалой степени это было связано с тем, что с первых дней прихода к власти Гитлера он начал осуществлять репрессивные действия по отношению к немецкой, а затем и австрийской ветвям семьи Ротшильдов. Вдобавок ко всему Виктор Ротшильд был убеждённым сионистом, т.е. сторонником возврата евреев на исконные земли и создания государства Израиль.

Близкие отношения В. Ротшильда с Черчиллем привели в частности к тому, что именно его подразделению было поручено обеспечивать безопасность премьера, включая такую, казалось бы, мелочь, как проверку пищи, которую подавали главе правительства. Первая жена В. Ротшильда на протяжении второй половины 1930-х годов и в течение войны входила в узкую политическую команду премьер-министра. Во время войны Ротшильд в рамках МИ-5 руководил охраной научно-технических секретов Великобритании и контактами со спецслужбами США по научно-технической линии, включая атомную программу. По этому направлению работы в течение всей войны он в ежедневном режиме взаимодействовал с А. Кингом.

С приходом к власти в 1945 г. лейбористов Ротшильд из начальника А. Кинга в административном плане превратился в его подчинённого, возглавив Научный совет в сфере сельского хозяйства и пищевой промышленности. Казалось бы, на первый взгляд это была малозначительная должность. Однако на самом деле дело обстояло ровно противоположным образом. Великобритании Вторая мировая война, несмотря на победу, далась крайне тяжело во всех смыслах. Наряду с други-

[67] Rose K. Elusive Rothschild: The Life of Victor, Third Baron. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2003.

ми сложностями в стране оказались разрушенными логистические цепи и системы производства продовольствия. В результате карточная система в стране была отменена значительно позже, чем в подвергшемся ужасающим разрушениям Советском Союзе. Поэтому Научный совет Ротшильда отвечал за поиск внутренних резервов производительности и скорейшее восстановление довоенного уровня производства продуктов питания в стране. Из-за тяжёлого финансового положения Великобритания не могла после войны импортировать продовольствие даже из своих колоний в привычных довоенных размерах. Кроме того, значительная часть продовольствия по бросовым ценам уходила американским ТНК в счёт оплаты поставок по ленд-лизу, которым Британия, как и СССР, пользовалась в широких масштабах.

Вслед за Научным советом Ротшильд наряду с работой в руководстве крупнейшей нефтяной компании Royal Dutch Shell, долгие годы и даже десятилетия выступал ключевым советником по науке британских правительств независимо от их партийной принадлежности. На этом посту он также взаимодействовал с А. Кингом. Более того, после ухода последнего в структуры плана Маршалла, Ротшильд руководил осуществлением реформы британской прикладной науки и приближением её к потребностям бизнеса. Не порывал он и тесных связей с разведкой. В частности, Ротшильд возглавлял комиссии по расследованиям ряда крупных внешнеполитических инцидентов, а также координировал работу британских спецслужб и Моссада по поимке нацистских преступников по всему миру и особенно в Латинской Америке. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что, будучи убеждённым атеистом, Виктор Ротшильд, как уже указывалось, на протяжении всей жизни активно выступал за создание государства Израиль. По данному вопросу серьёзно расходился во мнениях не только со значительной частью британского истеблишмента и высшей аристократии, но и с членами своей семьи. Традиционно британские Ротшильды поддерживали идею максимальной ассимиляции евреев в стране проживания. В рамках этой позиции они всемерно спонсировали, например, американский Джойнт, который с момента образования и вплоть до завершения арабо-израильской войны 1947 г. достаточно явно и последовательно выступал за ассимиляцию евреев в странах проживания и конкретно США, странах Британского содружества наций и др., и против образования Израиля и сионистского движения.

Следует отметить, что ещё до войны Виктор Ротшильд унаследовал место в Палате лордов британского парламента от своего дяди Уильяма. В Палате он являлся одним из немногих лордов-лейбористов. Вместе с местом в палате лордов он унаследовал роль негласного главы семьи Ротшильдов. Во время войны наряду, а более точно сказать — в рамках своей разведывательной деятельности — он осуществлял эвакуацию французских, германских и частично австрийских Ротшильдов в Канаду и Соединённые Штаты Америки. Вместе с ролью главы семьи Виктор унаследовал и роль теневого руководителя финансовой империи Ротшильдов, прежде всего — их лондонского банка. Вследствие нацистской оккупации австрийский банк Ротшильдов был обанкрочен, а деятельность французских финансовых структур приостановлена. Впоследствии Виктор Ротшильд выступал арбитром в спорах внутри семьи между следующими поколениями молодых Ротшильдов, отстаивая необходимость новой консолидации различных её ветвей. В немалой степени именно под его влиянием в настоящее время лидирующие позиции в семье Ротшильдов

занимают представители не британской, а французской ветви семьи, а её лидер Дэвид Рене Ротшильд является главой дома Ротшильдов.

Поскольку сквозной темой данной работы является анализ межэлитного взаимодействия, нельзя на примере Ротшильдов не рассмотреть некоторые глубоко укоренившиеся не только в общественном мнении, но даже в экспертном сообществе убеждения и позиции. Как это ни удивительно, место той или иной семьи или клана в мировых иерархо-сетевых структурах связывают главным образом с размерами состояний. Поэтому вопрос об активах, находящихся в распоряжении известных всем элитных кланов, относится к числу наиболее обсуждаемых не только на уровне «пикейных жилетов», но и в среде профессиональных аналитиков и научных конспирологов.

Особенно достаётся в этом плане, естественно, Рокфеллерам и Ротшильдам, как наиболее известным, активно действующим семьям мировой элиты. Относительно активов, находящихся в собственности семьи Ротшильдов, высказываются различные мнения. Например, Г. Росс, бывший офицер военной разведки, промышленный консультант международных проектов и писатель в своей весьма популярной в Америке книге написал, что «по имеющимся у него сведениям в 1998 году богатство семьи Рокфеллеров составляло 11 трлн. долларов, а Ротшильдов — 100 трлн. долларов»[68]. Эти цифры с лёгкой руки американских конспирологов стали восприниматься в англоязычном интернете как данность и были широко и некритически растиражированы. Гораздо более сдержанны и основательны российские исследователи. Например, А.И. Фурсов высказывает такую точку зрения: «Рейтинги мировых супербогачей “Форбса”, Блумберга и прочие — “Это, рыжий, всё на публику!”, как пел Галич. Ну что такое 60–70 миллиардов Гейтса, Баффета? Главные богатства — семейные, копившиеся веками. Совокупное состояние Ротшильдов, по самым скромным оценкам экспертов, зашкаливает за 3,2 триллиона долларов. Но точно никто не знает. Не для того они столетиями наживали состояние, чтобы его светить. В 1818 году банкиры Ротшильды впервые нагнули европейские правительства. Весь XIX в. считались самой богатой семьёй планеты.

У Рокфеллеров вроде бы на триллион поменьше. Основатель династии Джон — первый официальный долларовый миллиардер планеты. И самый богатый человек, живший на земле. Журнал “Форбс” оценил его тогдашнее состояние в $ 318 миллиардов по курсу доллара на конец 2007 года. Сравните с Гейтсом, Баффетом, Слимом… Нищета. Заявления, что богатства, влияние Ротшильдов и Рокфеллеров остались в прошлом — чистая наивность или сознательная ложь. Однако не будем демонизировать оба семейства»[69].

Внимательнейший анализ открытых и закрытых публикаций, касающихся размеров состояния семьи Ротшильдов, авторами которых являются признанные, авторитетные и известные консультативные, финансовые и иные компании, позволил выйти на небольшую консультативно-аутсорсинговую компанию Capgemini. Компания известна тем, что является своего рода зонтичным юридическим лицом для нескольких коллективов, включающих бывших высокопоставленных офицеров спецслужб различных

[68] GaylonR., Sr. Ross. Who's Who of the Elite: Members of the Bilderbergs. Council on Foreign Relations & Trilateral Commission. Texas: R I E. 2000.

[69] Фурсов А. Ротшильды и Рокфеллеры — застрельщики мировой антилиберальной революции // Комсомольская правда. М., 3.06.2013.

стран, известных международных юристов, специализирующихся на фондах и трастах, аудиторов со сходной направленностью и т.п. По заказам различного рода банков, инвестиционных институтов и международных правительственных и неправительственных организаций компания выполняет различного рода исследования, связанные, как правило, с размерами богатства верхнего 1% населения различных стран.

В частности, ежегодно она подготавливает и выпускает «доклады о мировом богатстве». В 2011 г. по заказу компания подготовила закрытый доклад о старых семейных состояниях, включая клан Ротшильдов[70], с некоторыми фрагментами которого удалось ознакомиться. Согласно докладу совокупные чистые активы, принадлежащие в настоящий момент семье Ротшильдов, находятся в диапазоне между 300 и 400 млрд. долларов. Достаточно внушительный размер диапазона, согласно авторам доклада, связан с тем, что практически все конечные холдинговые компании расположены в юрисдикциях, которые хотя и не относятся к оффшорным, но предполагают особый режим отчётности и раскрытия бенефициаров для трастов и фондов.

Такую же оценку состояния даёт и известный историк, общественный деятель и политик Нил Фергюсон, автор популярного двухтомника о семье Ротшильдов[71]. Дополнительную весомость его мнению придаёт дружба Фергюсона с Дэвидом Ротшильдом-младшим, известным экологом, путешественником, инициатором проекта применения криптовалют для нужд сельских общин Бразилии, будущим вероятным главой клана Ротшильдов.

Как это ни покажется странным, определённую оценку благосостояния Ротшильдов и других ключевых кланов можно дать исходя из открытых публичных данных. С одной стороны, такая возможность обусловлена включением в оборот огромных массивов сведений, удобно агрегированных для анализа. С другой стороны, в экономике в течение последних примерно 100–150 лет действуют, что называется, «железные» эмпирические закономерности. Их следует отличать от экономических законов, поскольку они не пытаются объяснять то или иное экономическое явление, а лишь фиксируют его в количественной форме.

Для анализа элитных групп ключевое значение имеет степенной характер распределения доходов, прослеживаемый на протяжении чрезвычайно длительных периодов времени. Ещё более удивительно, что практически не меняется и количественные показатели этого степенного распределения, что позволяет относить его к классу квазиустойчивых. Если формулировать эту мысль на понятном языке, то данная закономерность получила название Закона Матфея, по имени одного из евангелистов, который написал, что «деньги стремятся к деньгам». Следует отметить, что в отличие от природных, физических явлений, для которых характерно нормальное гауссово распределение, для социально-экономических процессов и явлений в подавляющем большинстве случаев действуют законы степенного или негауссова распределения с так называемыми «длинными» хвостами[72]. Что же касается условной устойчивости коэффициентов распределения доходов, то это блестяще показал на поистине необозримом документальном материале автор едва ли не главного экономического бестселлера 2014 г. Тома Пикети[73].

[70] Aldrich N. Old Money: The Mythology of Wealth in America. N.Y.: Alworth Press, 1997; Tennant Chr. The Official Filthy Rich Handbook. N.Y.: Workman, 2008.

[71] Ferguson N. The House of Rothschild. L.: Penguin, 1999. Vol. 1: Money's Prophets: 1798–1848; Ferguson N. The House of Rothschild. L.: Penguin, 2000. Vol. 2: The World's Banker: 1849–1999.

[72] Хайтун С.Д. Количественный анализ социальных явлений: проблемы и перспективы. М.: КомКнига, 2010.

Базируясь на изложенных выше исходных принципах, рассмотрим несколько агрегированных показателей, полученных из достоверных источников. Согласно журналу Forbes, совокупные показатели 2000 крупнейших компаний составляют $36 трлн. выручки и $2,64 трлн. прибыли. Они управляют активами в $140–150 трлн. и оцениваются рынком в $30–40 трлн.[74] Для наших расчётов важны несколько цифр: капитализация компаний — $ 40 трлн., доля компаний в мировом ВВП — чуть меньше 50%, коэффициент контроля, рассчитываемый как соотношение капитализации к сумме управляемых активов для всей совокупности компаний составляет 1:4, а для финансовых компаний и банков этот коэффициент или мультипликатор достигает в настоящее время 1:10 – 1:12 (без учёта деривативов).

Далее, пользуясь результатами ставшего знаменитым исследования швейцарских учёных из Цюрихского технологического университета[75], можно сделать вывод о том, что внутри этих 2000 компаний существует группа связанных между собой взаимодействием и взаимозависимостью различной степени 147 юридических лиц, в первую очередь банков и других финансовых институтов, контролирующих в значительной степени все эти компании. Это так называемое суперъядро мировой экономики. На суперъядро приходится 90% управляемых активов и 60% мировой выручки. Логично предположить, что господствующие семейные кланы как раз и являются мажоритарными владельцами и миноритарными акционерами именно этих 147 юридических лиц.

При этом необходимо иметь в виду, что старые семейные кланы являются отнюдь не единственными консолидированными экономически господствующими элитными субъектами. Наряду с ними к таковым можно отнести молодые семейные группы, консолидированные предпринимательские группы, образовавшиеся на иной, нежели семейной или родовой основе, а также профессиональные управленческие компании, оперирующие различного типа консолидированными мелкими распределёнными капиталами и частными сбережениями.

Наконец, для наших расчётов необходимо понимание размеров совокупного богатства. По данным отчёта Global Wealth Report от швейцарского банка Credit Suisse, всё мировое богатство по состоянию на середину 2013 г. составляло около $ 241 трлн. Эта сумма складывается из стоимости недвижимости, всех материальных, финансовых, интеллектуальных активов и другого ценного или оцениваемого имущества за вычетом долгов и кредитов[76].

Что же касается верхушки мировой пирамиды богатства, то она характеризуется следующими данными. Число миллионеров в мире за 2013 г. увеличилось на 8–10% и достигло 12 млн. человек, при этом их совокупное состояние составило $ 46,2 трлн. Первое место по количеству миллионеров занимает Северная Аме-

[73] Piketty Th. Capital in the Twenty-First Century. L.: Belknap Press, 2014.

[74] РейтингForbes: 2000 крупнейших компаний мира. Forbes. 19.04.2012. http://www.forbes.ru/stil-zhizni-slideshow/81417-reiting-forbes-2000-krupneishih-kompanii-mira

[75] Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. https://arxiv.org/pdf/1107.5728.pdf

[76] https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=BCDB1364-A105-0560-1332EC9100FF5C83

рика. Об этом сообщается в новом ежегодном докладе о мировом благосостоянии «World Wealth Report 2013», подготовленном консалтинговой компанией Capgemini для финансовой компании RBC Wealth Management[77].

Наконец, при расчётах нельзя не учитывать тот прискорбный факт, что, судя по множеству свидетельств, по крайней мере, некая часть мировой элиты причастна к наиболее высокодоходным видам преступного бизнеса, включая наркоторговлю, торговлю оружием, работорговлю, бизнес, связанный с запрещёнными биотехнологиями, производством фармакологического контрафакта и т.п.

Чтобы оценить совокупные масштабы «чёрного» бизнеса, можно опереться на доклад директора ФСКН России В.И. Иванова, сделанный в одном из главных мозговых центров Американского разведывательного сообщества и Госдепартамента Center for Strategic and International Studies (CSIS). На конференции он сказал: «В период глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. в крупнейшие банки мира для устранения критического дефицита ликвидности было вброшено около 352 млрд. наркодолларов, которые затем пошли на межбанковские заимствования. И дело здесь не в отдельных банках, а в устройстве всей финансовой системы в целом. Она уже не может обходиться без вкачивания в неё „грязных" денег". В ходе обсуждения доклада на конференции объёмы мирового наркотрафика были оценены в 800 млрд. долларов ежегодно. По сути это рынок, который по своим денежным объёмам равен ежегодному обороту нефти». Общий же объём элитного грязного бизнеса, который так или иначе проходит через ведущие мировые банки, оценен на конференции с участием В.И. Иванова в 3,5–4 трлн. долларов в год. Следует иметь в виду, что это чистые наличные деньги, которые по отношению к налогооблагаемому безналичному обороту обладают значительным мультипликативным эффектом, оцениваемым разными экономистами и экспертами в диапазоне от 1:5 до 1:9.

Принимая во внимание приведённые выше данные, используя итоговые расчёты Пикетти и исходя из квазиустойчивого степенного распределения богатства, можно с высокой степенью вероятности сделать вывод о том, что в настоящее время в мире существует от 25 до 50 семейных кланов с активами от 100 до 700 млрд. долларов, причём у 5–12 семей активы близки к 500–700 млрд. долларов.

В заключение математических упражнений в области элитного благосостояния необходимо сделать две чрезвычайно важных ремарки. Во-первых, в эпоху финансиализации более значительную роль, чем собственность, играет контроль. Сообразно с этим даже собственность в $ 100 млрд. позволяет в конечном счёте в той или иной степени контролировать финансовые активы близкие к $ 900 млрд., и иные виды активов, близкие к $400 млрд. Соответственно, для семейных состояний порядка $ 500 млрд. получается оценка контроля соответственно на уровне $ 4,5 трлн. для финансовых средств или примерно $ 2 трлн. для иных видов активов. Учитывая, что, без сомнения, Ротшильды входят в число искомых 5–12 семей и, исходя из того, что их богатство примерно поровну поделено между финансовыми и иными видами активов, получаемая в результате расчётов оценка, в размере примерно $ 3,1–3,4 трлн. контролируемых Ротшильдами активов практически совпадает с оценкой, высказанной А.И. Фурсовым.

[77] http://www.worldwealthreport.com

Во-вторых, только при исследовательской деятельности и аналитической работе экономика, политика, социальная сфера и повседневная личная жизнь являются чем-то отдельным и обособленным. В реальности имеет место одна единственная человеческая жизнь, заполненная деятельностью[78]. Поэтому для элитного анализа важны не сами по себе размеры чьего-либо состояния, а гораздо более широкие вещи, связанные с практической деятельностью элитных групп. Пользуясь наиболее результативным на сегодняшний день подходом к человеческой деятельности, базирующимся на теории целесообразных функциональных систем, разработанной школой К. Анохина[79], можно выделить три ключевых блока любой деятельности. Прежде всего это правильная постановка цели, опирающаяся на опережающее прогнозирование, по возможности полный учёт направленности процессов и потенциала ситуации, и трезвое понимание собственных возможностей и ограничений. Затем решающее значение имеет эффективность самой активности, зависящая от согласованности и чёткости работы всех компонентов системы, вовлечённых в ту или иную деятельность. Наконец, кристально понятно, что при прочих равных условиях достижение цели тем проще и тем возможнее, чем большими ресурсами располагает система.

Если перевести изложенное с языка функциональных систем на язык элитного анализа, то обнаружится, что могущество элитных групп и их коалиций зависит от трёх ключевых компонентов:

– ресурсной базы в виде собственных и контролируемых сторонних активов;

– имплицитных, латентных, т.е. неотчуждаемых, неотделимых от субъекта знаний, навыков, опыта и т.п.;

– и наконец, власти, которая является своеобразным аналогом функциональной системы. Причём, власть понимается не только в виде привычного иерархического господства, но и всей гаммы властного инструментария — от, что называется, голой силы или насилия, до мягкого, зачастую незаметного, базирующегося на неуловимых нюансах и связях, влияния.

В этом смысле уникальной особенностью семейно-клановых старых элитных групп, типа Барухов, Ротшильдов, Валленбергов, Турн-и-Таксисов, Рокфеллеров и т.п., отличающая их от других элитных субъектов, типа молодых семейных групп, предпринимательских паттернов и структур управления распределёнными активами, является органическое сочетание всех трёх важнейших компонентов эффективной деятельности во всём её разнообразии и непредсказуемости.

6

Теперь после длительного, но совершенно необходимого экскурса в математику элитного богатства, вернёмся к судьбе Александра Кинга. В 1942 г. Виктор Ротшильд получил дополнительную нагрузку — взять на себя руководство борьбой с саботажем в Великобритании и доминионах, а Александру Кингу позвонил сэр Генри Тизард, который был его руководителем в качестве ректора Имперского ко-

[78] Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

[79] Судаков К.В., Кузичев И.А., Никоаев А.Б., Щербаков Б.Н. Эволюция терминологии и схем функциональных систем в научной школе П.К. Анохина. М.: URSS, 2010.

учного колледжа, где А. Кинг работал преподавателем, а также по Фабианскому обществу. Будучи не только одним из наиболее известных в мире британских учёных, но и профессиональным коммуникаторщиком, Тизард был уполномочен Черчиллем посетить Соединённые Штаты с миссией по передаче американцам наиболее передовых британских военных технологий. Надо сказать, что для британцев это был вынужденный шаг, поскольку, будучи наряду с Германией несомненным лидером научно-технического прогресса того времени, они из-за полной мобилизации экономики на военные нужды были лишены возможности проводить полноценный НИОКР, и тем более организовать промышленный выпуск новой военной продукции. По этим причинам Г. Тизард посетил Соединённые Штаты с тем, что в последующем вошло в учебники и энциклопедии под названием «Миссия Тизарда». В ходе визита он передал американцам всю необходимую документацию по наиболее передовым в мире радиолокационным системам, лампам и аналоговым устройствам, без которых было невозможно создание появившихся в годы войны первых компьютеров, уникальные прицелы для бомбардировщиков, а также сообщил о том, что у британцев имеются большие наработки по атомному оружию. Американцы, естественно, с удовольствием приняли полученные ноу-хау и решили направить в Великобританию собственную делегацию. Перед ней была поставлена задача — провести инвентаризацию всех британских военных ноу-хау и отобрать те из них, которые наиболее интересны Соединённым Штатам.

Выбирая между различными кандидатурами, которые могли бы возглавить работу с британской стороны, Г. Тизард остановился на кандидатуре Александра Кинга. Кинг вспоминает, что в ходе разговора Г. Тизард сказал: «Если возьмёшься показать им все испытательные центры, то лучше всех будешь представлять масштаб и объём наших национальных военных и технологических программ». А. Кинг с успехом справился с порученной ему задачей и в конце 1943 г. был направлен в США в качестве руководителя так называемого Центрального научного управления по взаимодействию Великобритании и США в области военных научно-технических разработок.

Наряду с передачей американцам британских ноу-хау и максимальной помощи им кадрами, особенно в части Манхэттенского проекта, на организацию была возложена и функция научно-технической разведки. А. Кинг вспоминает: «В наши функции входил сбор информации обо всех военно-экономических мероприятиях, новых американских разработках и изменениях политического курса. Мы должны были вовремя, т.е. как можно скорее сигнализировать о них в Лондон и сообщать информацию соответствующим правительственным ведомствам или людям».

В процессе работы А. Кингу удалось установить доверительные личные отношения с такими влиятельными в американской администрации людьми, как главный советник Рузвельта по науке Вэннивар Буш, руководитель Управления стратегических служб (предшественник ЦРУ) Билл Донован, Кэрил Хэскинс, впоследствии многолетний президент фонда Карнеги, Уоррен Уивер, директор Рокфеллерского фонда, человек, вхожий в узкий внутренний круг семьи Рокфеллеров, руководители многих американских промышленных корпораций и др. Практически со всеми А. Кингу удалось наладить доверительное личное взаимодействие, которое поддерживалось долгие годы. В своих воспоминаниях дочь А. Кинга Джейн упоминает, что много лет у них в Британии, а затем во Франции, в Провансе, в их доме в Ля Мегрони, гостила и отдыхала семья знаменитого физика Джона Уилера, инициатора создания самой мощной научной консультативной группы американского правительства, из которой в последующем выросли знаменитые DARPA и IARPA, а также Институт сложности в Санта-Фе.

Нельзя не подчеркнуть, что деятельность в Соединённых Штатах позволила А. Кингу получить признание умелого администратора, высококлассного аналитика и превосходного коммуникатора, умеющего сводить в единое целое столь разнородных по менталитету и интересам людей, как государственные чиновники, военные, разведчики, промышленники и исследователи. В ходе работы в Америке А. Кинг взаимодействовал с Дональдом Маклином, одним из членов так называемой Кембриджской пятёрки. В своих воспоминаниях он пишет: «Мы даже поддерживали с Дональдом и его женой отношения и пару раз ужинали с ними». Этой теме он посвятил два абзаца мемуаров, сделав следующий вывод: «Я уверен, что им руководил идеализм, перешедший в идеологию. Можно сочувствовать тем, кто порицает порочность и несправедливость нашего общества, но при этом выражать сомнения в их здравомыслии при выборе советской модели, как лучше». В воспоминаниях указывается, что никого больше из Кембриджской пятёрки он не знал. Однако британские журналисты при выходе в свет воспоминаний А. Кинга отметили, что, по крайней мере, ещё двоих — Бёрджеса и Кернкросса — не мог не знать, поскольку оба занимались вопросами, прямо пересекающимися с деятельностью А. Кинга на его посту в Соединённых Штатах, а Бёрджес кроме того являлся близким другом барона Ротшильда и, помимо прочего, часто бывал у барона на работе.

Непосредственно к теме первой психоисторической войны и основания Римского клуба деятельность Кембриджской пятёрки не имеет прямого отношения. Так же для них неважны и умолчания в мемуарах А. Кинга. Однако для понимания механики взаимодействия внутри наднациональной мировой элиты и контактов между различными группами мировой элиты эта тема имеет просто первостепенное значение. Кембриджская группа даёт прямо-таки уникальный и абсолютно бесценный материал для вскрытия подобных механизмов и опознания способов такого рода взаимодействий. Поэтому, несомненно, целесообразно сделать экскурс в тему Кембриджской группы под интересующим нас углом зрения.

7

Ни одна разведывательная группа в истории не удостоилась такого количества печатных работ, фильмов и телепередач. Только исследовательских трудов, посвящённых Кембриджской группе, без учёта переизданий, насчитывается в настоящее время более 1200 на самых различных языках. Это парадоксально, поскольку архивных документов на этот счёт имеется крайне мало. Как отметил Н. Долгополов в своей книге о К. Филби, написанной на основе архивов СВР России и бесед с бывшими сотрудниками внешней разведки: «Высокие чины и прославленные наши разведчики не раз говорили мне, что практически все дела, особенно касающиеся иностранных источников, уничтожены. Если я правильно понимаю, часть их сгину-

ла ещё во время сталинских "чисток" в 1936–1938 годах. Затем наступил черёд Великой Отечественной, и многое было предано огню осенью 1941-го, когда фашисты стояли под Москвой. Затем пришёл период смены сталинского строя и прихода к власти людей, заклеймивших его культ личности. Значительнейшая часть досье, касающаяся источников из Кембриджа, была уничтожена в 1953-м. Оставшееся и, возможно, не самое главное вывезли, как я слышал, в далёкий город. И, наконец, ещё часть документов влилась в поток сознательно "канувших в Лету" в период смены формаций в 1991-м. Тогда некоторые близорукие оптимисты верили во всемирное примирение и вечную дружбу со всеми прежними оппонентами и подстёгивали разведку поделиться со всем светом своими секретами. Они рвались в архивы только созданной СВР России, но, к счастью, глупостей удалось избежать. А вот архивы в очередной раз понесли потери».

Соответственно, в определённой степени в качестве достоверных источников могут быть выделены книга Н. Долгополова, воспоминания Ю. Модина — связника Кернкросса, Бланта и Маклина, хорошо знавшего в Москве Бёрджеса и помогавшего в написании книги К. Филби, а также книги М. Картер, которая представляет собой литературную обработку собственноручно написанных воспоминаний Э. Бланта, книга известного историка разведки Ф. Найтли и собственные воспоминания К. Филби, написанные с участием Ю. Модина[80].

Рассматривая тему под интересующим нас углом зрения, необходимо выделить несколько на первый взгляд совершенно необъяснимых, в каком-то смысле даже загадочных сюжетов, связанных с Кембриджской группой. Прежде всего, достоверно неизвестно, кто занимался вербовкой участников Кембриджской группы. Назывались фамилии Малле, Дейча, Орлова и др. При этом Ю. Модин, который отлично знал и длительное время в разные периоды жизни общался со всеми членами Кембриджской группы, написал, что как таковой вербовки не было вообще, а указанные выше люди всего лишь работали с теми или иными членами Кембриджской пятёрки в тот или иной период времени.

Далее, практически все исследователи едины в том, что участники группы работали не за деньги и категорически отказывались от материального вознаграждения. Так Долгополов, базируясь на материалах СВР России, пишет: «В 1945 году советская сторона установила всей "пятёрке" пожизненную пенсию. Теперь уже можно сказать, что для каждого она была "персональной", согласно заслугам. Для Бланта — 1200 фунтов в год, немного больше по сравнению с Кернкроссом. Но каждый из пятерых отказался. Блант под предлогом того, что совсем не нуждается в деньгах. И хотя ему было предложено обращаться к связнику в случае возникновения любых материальных осложнений, Блант этим предложением никогда, даже в труднейшие моменты своей жизни, не воспользовался. Работал, как и его товарищи, за идею». Ю. Модин к этому делает лишь две поправки. Он отмечает, что лично передал крупную по тем временам сумму 3 тыс. фунтов Кернкроссу, когда над последним сгустились тучи, и было принято решение о том, что советская разведка прекращает работу с ним.

[80] Долгополов Н. Ким Филби. М.: Молодая гвардия, 2012; Найтли Ф. Ким Филби — супершпион КГБ. М.: Республика, 1992; Филби К. Моя тайная война. М.: Воениздат, 1980; Модин Ю.И. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М.: Олма-Пресс, 1997; West N. Triplex: Secrets from the Cambridge Spies. Yale: Yale University Press, 2009; Carter M. Anthony Blunt: His Lives. L.: Pan Books, 2002.

При этом следует отметить, что Кернкросс был единственным из Кембриджской пятёрки, кто не принадлежал к высшему британскому истеблишменту и не имел иных источников доходов, кроме тех, которых он лишился из-за подозрения в сотрудничестве с советской разведкой. Второй случай — это передача небольшой суммы денег К. Филби, когда он уже не работал в британской разведке и находился в крайне затруднительной финансовой ситуации, живя на Ближнем Востоке. При этом о передаче денег Модина просил не сам Филби, а Э. Блант, который без риска для себя и Филби не мог встретиться с ним лично, чтобы помочь другу. Практически все авторы, занимавшиеся Кембриджской группой, отмечали, что это были идейные люди, которые работали не ради материальных благ.

Обзор загадок Кембриджской группы можно продолжить тем фактом, что британской контрразведке были отлично известны биографии всех участников Кембриджской группы. Британская контрразведка была отлично осведомлена, что некоторые из них состояли в коммунистической партии и были близки к Коминтерну. Тем не менее, все участники группы с конца 1930-х годов занимали высокие посты в самых различных ведомствах, а К. Филби в течение определённого периода времени рассматривался как едва ли не основная кандидатура на пост руководителя МИ-6.

При внимательном изучении всего массива документальных данных по группе складывается парадоксальное ощущение. Высшие представители британского истеблишмента делали всё возможное, чтобы члены группы занимали посты, которые позволяли бы им иметь максимум информации по наиболее актуальным для СССР темам в тот или иной период времени. Например, в годы Второй мировой войны в качестве таковых был доступ не только и не столько к вопросам военных технологий и разработок, но прежде всего к информации о военных планах американцев и британцев, реакции их высшего политического руководства на события на фронтах, а главное, вся возможная информация, имевшаяся у британцев о планах германского командования на Восточном фронте. Начиная с конца войны, кембриджцы переместились на должности, позволявшие им иметь максимум информации об атомном проекте, различного рода проектах американцев, самых свежих данных по военным ноу-хау и технологиям. Иными словами, на протяжении всей своей деятельности члены Кембриджской группы оказывались ровно на тех должностях, которые в данный конкретный момент могли обеспечить максимально полезную для Советского Союза информацию.

К числу загадок нельзя не отнести и то обстоятельство, что вся цепочка событий, связанных с раскрытием Кембриджской пятёрки, а точнее четвёрки, а сначала тройки, была полностью делом рук американцев. Когда же британцы встали перед необходимостью пресечения деятельности группы и ареста её участников, они, как ясно любому непредубеждённому исследователю из анализа фактического положения дел, изложенного в самых различных источниках, сделали всё, чтобы трое участников группы, относительно которых имелись веские и неопровержимые доказательства, смогли оказаться в Советском Союзе. Что касается Э. Бланта и Д. Кернкросса, то с ними британские службы достигли соглашения. Суть его состояла в том, что в обмен на молчание британская сторона решила не прибегать к каким-либо санкциям и сохранить всё в тайне. Например, Э. Блант в течение поч-

ти 30 лет после того, как с ним было достигнуто соглашение, продолжал оставаться смотрителем Королевской коллекции картин, личным консультантом Елизаветы Второй по вопросам искусства и преподавателем многих высших учебных заведений. Кернкросса просто оставили в покое и ему было разрешено покинуть Британию, чтобы жить с молодой женой на юге Франции. При этом согласно материалам, предоставленным СВР Н. Долгополову, воспоминаниям Ю. Модина, автобиографии Э. Бланта, а также британским и американским публикациям, написанным на основе открытых архивов западных спецслужб, ни Блант, ни Кернкросс не сообщили чего-либо, что могло бы причинить ущерб Кембриджской группе и советской разведке.

Нельзя не упомянуть в числе удивительных событий, связанных с Кембриджской группой и некоторые особенности пребывания её членов в Москве. В самые напряжённые моменты Холодной войны к членам Кембриджской группы беспрепятственно приезжали, уезжали, а потом опять возвращались жёны и дети. Когда в конце 1970-х годов выросшие сыновья Маклина захотели вернуться на родину, в Британию, им не чинилось каких-либо препятствий, а в Британии они, впрочем, как и дети К. Филби, сделали карьеры и живут весьма благополучно по сегодняшний день. К Э. Бёрджесу приезжала мать. Ещё более поражает воображение тот факт, что Бёрджес, один из признанных законодателей вкуса в Лондоне в годы Холодной войны заказывал из Москвы у своего знаменитого лондонского портного костюмы, которые тот шил по новым, доставленным из Москвы меркам и благополучно отправлял всё назад. Не менее поразительным является и следующее свидетельство Ю. Модина: «В числе сослуживцев Филби по Брикендонбери Холл был некто Томми Харрис, сотрудник МИ-6. Они крепко подружились. Харрис был богатым человеком, владевшим магазином, в котором продавал картины и антикварные вещи. В 70-х годах, когда Филби жил уже в Москве, Харрис прислал ему в подарок великолепный мозаичный инкрустированный стол — настоящее сокровище. Филби показывал его мне с величайшей гордостью. Харрис не питал к Киму неприязни за его шпионскую деятельность, хотя именно он помог Филби продвинуться по служебной лестнице в английской разведке».

Весьма загадочными, если не учитывать общий контекст истории Кембриджской группы, что называется более глубинного плана, представляются ещё два случая. В первом речь пойдёт о Питере Райте. Он был одним из руководителей британской контрразведки и после побега Бёрджеса и Маклина в Москву настаивал на аресте Филби, Кернкросса и требовал задержать для допросов и заключения в тюрьму ещё целую группу высокопоставленных представителей британской разведки и правительственной администрации, включая барона Виктора Ротшильда. Вот что пишет по этому поводу Ю. Модин: «Питер Райт необычайно гордился своими методами расследования. Несколько позже он хвастливо заявлял, что их контрразведка раскинула такую частую сеть на русских шпионов в Англии, что гарантировала максимальный улов всех подозрительных деятелей. На деле, однако, такие методы обернулись преступной глупостью, потому что единственным их результатом явилось уничтожение ни в чём не повинных людей. Десятки агентов МИ-5 и других подобных служб были уволены с работы, опозорены и оскорблены. Одни из них признавались в ошибках, которых вовсе не совершали, а другие, доведённые до предела, покончили жизнь самоубийством. Я считаю, что Питер Райт питал неприязнь не только к советским агентам, что вполне закономерно, но также и ко всем интеллектуалам и профессорам в придачу, особенно к выпускникам Кембриджа. А если выразиться точнее, он проявил презрение ко всему британскому истэблишменту». Достаточно оперативно П. Райт был выгнан с работы, лишён по дисциплинарным условиям полагавшейся ему пенсии и ему было рекомендовано покинуть пределы Великобритании. Когда он, спустя несколько лет собрался издать книгу[81], ему это было строжайшим образом запрещено. Уже написанная работа была отвергнута всеми британскими издательствами и в итоге была издана находящимся в Нью-Йорке австралийским подразделением лондонского издательства Penguinc запрещением продавать её на территории Великобритании.

Красноречив следующий пример, приводимый Долгополовым. «"Санди таймс", начавшая в 1968 году собирать материалы о Филби, столкнулась с немалыми сложностями. Один из руководителей Форин-офис лорд Чалфонт внушал репортерам: "Вы должны закончить ваши расследования. Здесь таится чудовищная угроза. Этим вы поможете врагу". Потом Форин-офис убеждал газету, что "она теряет время, потому что никогда не сможет опубликовать свою статью". Издание пугали тем, что руководство спецслужбы обратится к королеве».

Не менее показателен ещё один факт. В 1979 г. Маргарет Тэтчер, несмотря на противодействие британского королевского двора, нарушила обязательства МИ-6 и придала гласности в качестве четвёртого члена Кембриджской группы имя Энтони Бланта. Надо пояснить, что помимо участия в Кембриджской группе и всемирной известности в качестве одного из лучших искусствоведов мира Блант выполнял доверенные поручения двора Её Величества. В частности, в 1947 г. он проводил сверхсекретную операцию по вывозу архивов германских правящих династий из Гессена в Лондон. Уже в 1950-е годы, т.е. после того, как стало известно, что он являлся членом Кембриджской группы, Блант с конфиденциальными поручениями общался с правящими королевскими домами Европы. Хотя он и официально являлся родственником Елизаветы Второй, по упорно ходившим среди высшей лондонской аристократии слухам, которые, кстати, не опровергались, он был внебрачным сыном Георга V, т.е. дядей Елизаветы Второй.

В результате выступления Тэтчер Блант был вынужден отказаться от рыцарского звания, уйти в отставку с поста хранителя Королевской картинной галереи, а также подать в отставку из наблюдательных советов нескольких крупнейших галерей. Показательно, что подавляющая часть галерей его просьбы об отставке не удовлетворила. Привилегированный Колледж искусств, где учились и учатся дети британской аристократии, потребовал, чтобы он продолжил преподавание[82]. А вот Тэтчер её акция с рук не сошла. Хотя она получила титул баронессы, через определённое время наиболее известные британские издания, близкие к королевскому двору, развернули мощную разоблачительную кампанию по поводу сомнительных сделок её сына Марка, использовавшего для них имя премьер-министра, вынудив Мар-

[81] Wright P. Spy Catcher: The Candid Autobiography of a Senior Intelligence Officer. N.Y.: Viking, 1987.

[82] Carter M. Op. cit.

ка Тэтчер покинуть Великобританию и переселиться в ЮАР. На этом злоключения Тэтчер не закончились. Умеющая выжидать и терпеть Виндзорская династия в итоге улучила удобный момент и окончательно свела счёты с М. Тэтчер, подтолкнув значительную часть членов консервативной партии, близкой к британской аристократии, к смещению Тэтчер с поста лидера консерваторов. Это автоматически привело и к её отставке с поста премьер-министра. Ким Филби прокомментировал всю эту историю следующим образом: «Единственное, что доказала Тэтчер, это то, что она — не леди, а мещанка».

Чтобы завершить обзор загадок, отметим ещё два существенных факта. Советская сторона не препятствовала контактам прежде всего К. Филби с британскими журналистами, включая знаменитого историка спецслужб Ф. Найтли. Что касается британцев, то когда ряд средств массовой информации сообщил, что Г. Бёрджесс и, возможно, Д. Маклин подумывают о том, чтобы в конце 1960-х – начале 1970-х годов вернуться в Великобританию, то, как пишет Ю. Модин и свидетельствуют материалы британской прессы, официальные власти и разведка пришли в настоящий ужас и по неофициальным каналам довели до советской стороны о категорической нежелательности возвращения Бёрджесса и Маклина в Британию в любом качестве.

Завершив краткое рассмотрение поистине невероятных обстоятельств, сопровождавших жизнь и деятельность Кембриджской группы, нельзя не остановиться ещё на одном чрезвычайно важном вопросе. Это вопрос об отношении участников Кембриджской пятёрки к СССР. Наиболее достоверным источником сведений об этом являются мемуары Ю. Модина — ветерана КГБ, единственного человека, который непосредственно и долгое время общался со всеми участниками Кембриджской пятёркой на определённых этапах их жизни. Позволю себе привести несколько цитат. В 1934 г. Э. Блант и Г. Бёрджесс посетили Советский Союз. Когда Ю. Модин спросил Г. Бёрджесса о впечатлениях, он ответил: «По приезде я каждому встречному и поперечному говорил, что возмущён всем увиденным в России. Конечно, я врал, но признаюсь, что всё в вашей стране и отдалённо не походило на ту Россию, которую я себе воображал. И всё же впечатление было сильное. Та энергия и энтузиазм народа, с которыми я столкнулся, заставляют меня верить в огромный потенциал советской страны». При этом «Гай Бёрджесс считал мировую революцию неизбежной. Как и его кембриджские друзья, он рассматривал Россию в качестве форпоста этой революции. Альтернативы для него не было. Возможно, у Бёрджесса и имелись какие-либо сомнения в связи с внутренней и внешней политикой России. Я часто слышал, как он критикует наших вождей, но при всём том Гай считал Советский Союз надеждой всего мира. Он и его друзья были уверены, что скоро настанет такое время, когда наша страна найдёт честных вождей, для которых принципиально важные вопросы будут иметь большее значение, чем зарплата и привилегии».

Что касается Э. Бланта, то однажды Ю. Модин стал объяснять ему проблемы, с которыми сталкивается советская внешняя политика в послевоенные годы. В ответ на это Э. Блант, как вспоминает Ю. Модин, «сказал, что ему хорошо известно всё мною сказанное. И ничто из моих слов ни на йоту не изменит его твёрдого убеждения, что политика России имеет откровенно империалистический характер. Он привёл в пример Турцию, которой Сталин домогался в 1947 г., чтобы получить до-

ступ через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Он дал мне понять, что я даром теряю время, убеждая его в обратном. Блант считал нашу внешнюю политику грязной и вредной для коммунизма, такой же империалистической, какую проводили наши предшественники в России. Он, Блант, сотрудничает с нами не потому, что солидарен с советской политикой, а потому, что, как и его друзья из Кембриджа, верит в одну непреложную правду — счастье человечества может быть достигнуто только после всемирной революции».

Относительно Кима Филби Н. Долгополов в своей книге пишет: «Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества, — так писал Ким в книге "Я шёл своим путем. — В моей Англии, на моей родине, я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашёл в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этим я служил и моему английскому народу". Быть может, звучит несколько наивно, идеалистически. Но он и был идеалистом, романтиком, искренне верящим в новое и чистое будущее. В первые годы жизни в СССР он был разочарован, но не сломлен. Оставалась вера, которая и помогла».

А вот ещё один фрагмент из воспоминаний Ю. Модина: «Я твёрдо знал, что Ким Филби останется верен своим идеалам. Он никогда не нарушал клятвы, которую дал в молодости. Ким часто говорил мне, что Сталин, Хрущёв и Брежнев канули в Лету, а яркая звезда коммунизма никогда не погаснет. — Пусть с первых же дней революции к нему пошли не той дорогой, — говорил он, — но всё же коммунизм выражает лучшие чаяния человечества».

Что касается Д. Маклина, то, в совершенстве овладев русским, долгие годы он работал в Институте мировой экономики и международных отношений, где значительная часть подразделений в то время была аффилирована с Первым главным разведывательным управлением КГБ. Он опубликовал несколько блестящих книг, переведённых в том числе и на иностранные языки, и вёл семинарские занятия. Ветераны разведки и те люди, кто в то время работал в ИМЭМО, хорошо знают, что вокруг Д. Маклина сложился кружок молодых людей, которые достаточно жёстко критиковали тогдашний внутриполитический курс Л.И. Брежнева, причём с позиций не либерализма, а социализма, в чём-то близким к идеям фабианского общества. Более того, молодые друзья Д. Маклина попали в серьёзные неприятности.

Подытоживая, обратимся ещё раз к воспоминаниям Ю. Модина: «Теперь я считаю, что Кембриджская пятёрка — это действительно выдающиеся люди. Мне до сих пор трудно осознать, что я работал с людьми такой непревзойдённо высокой культуры, образования и убеждений, которые предсказывали упадок СССР в то время, когда нам казалось, что дела наши идут прекрасно. И всё же они продолжали служить ДЕЛУ».

Представляется, можно сделать следующий вывод. Известные члены Кембриджской группы были искренними приверженцами коммунистической идеи в том её понимании, как идеи построения общества, где каждый отдаёт по способностям и получает по потребностям, где у всех равные возможности и в основании лежит справедливость в разных её аспектах. Такое понимание социализма или коммунизма, строго говоря, не являлось и не является монополией ни Первого, ни Вто-

рого, ни Третьего, ни какого-либо иного интернационалов. Не было оно монополией и Советского Союза. Хотя его руководство искренне полагало, что это именно так. Члены Кембриджской группы считали, что в конкретной исторической обстановке 1930–1950-х годов Советский Союз нуждался в максимальной поддержке и являлся гарантом того, что рано или поздно социализм победит во всём мире. Как пишет Н. Долгополов, Д. Маклин мечтал стать преподавателем английского языка в Советском Союзе. На вопрос, с чем связана его мечта, он отвечал, что, хотя первые, самые сложные шаги по направлению к коммунизму делает Россия, но, в конечном счёте, вопрос о реальном построении подлинного общества социальной справедливости будет зависеть от положительного его решения в англоязычных странах. И поэтому международным коммунистическим языком станет английский.

8

Прежде чем непосредственно заняться разгадкой кембриджской загадки, важно обратить самое пристальное внимание на ещё одно обстоятельство. На Западе опубликовано довольно много работ, в которых ведутся розыски остальных членов Кембриджской группы. В их число включаются и тогдашние руководители английской разведки, и представители элиты Уолл-стрит, обучавшиеся в Кембридже, и даже барон Виктор Ротшильд[83]. В посвящённой этому книге автор, известный американский журналист Рональд Перри ссылается в том числе на Юрия Ивановича Модина, а также отмечает, что только В. Ротшильд, который с 1942 по 1945 г. руководил подразделением МИ-5 (британской контрразведки) по обеспечению режима секретности в военно-промышленных и оборонных научно-исследовательских лабораториях Британии, имел доступ ко многим документам, которые, согласно опубликованным архивным данным и фрагментам, оказались в распоряжении Советского Союза. Кроме того, ему удалось выяснить, что в этих архивах были некоторые сообщения, известные только руководителям разведки и У. Черчиллю, близким другом которого был Ротшильд.

По вполне понятным причинам советская внешняя разведка никогда не комментировала подобные публикации. В связи с этим особый интерес представляет книга Н. Долгополова о Киме Филби, написанная при поддержке российской внешней разведки, представившей в распоряжении автора не публиковавшиеся ранее уникальные архивные материалы и разрешившей отставным офицерам внешней разведки, связанным с Кембриджской группой, провести доверительные беседы с автором книги. Особый интерес представляет высказанное Н. Долгополовым в книге мнение: «Не претендуя на роль первооткрывателя, выскажу своё сугубо личное мнение. Никто и никогда не узнает, сколько действительно человек было в группе преданных Советскому Союзу англичан, поддержавших чужую страну в борьбе с фашизмом, а потом и в Холодной войне. В этом не заинтересована ни одна из двух наиболее затронутых деятельностью «пятёрки» держав — Англия и Россия. Англичанам, имею в виду не журналистов и фанатиков, а спецслужбы и британский истеблишмент, не нужны новые скандалы и разоблачения. Ничего хорошего тщательно оберегаемому имиджу они не принесут. Верная собственным неизменным принципам российская Служба внешней разведки, тщательно оберегающая покой родных и близких своих агентов в любом поколении, ни разу за всю свою историю не пошла на излишние откровения».

[83] Perry R. The Fifth Man: The Soviet Super Spy. L.: Sidgwick & Jackson, 1994.

В книге Н. Долгополова фигурирует высокопоставленный работник СВР, выступающий под псевдонимом Собеседник. В частности, он высказывает такое мнение: «Собеседник: — Я немного о другом: как-то, ещё, когда он (Филби) работал в Англии, зашёл с ним разговор про пенсию для него, для семьи, и Ким, это есть и в документах, ответил: “Мне пока не надо. Когда будет нужно, я сам скажу, попрошу”. Он столько сделал. Знаете, чтобы вы поняли, я ещё раз повторюсь: дело до сих пор работает. Многое закрыто. Тут многое касается не только лично Кима. И снова несколько об ином. Как он, к примеру, относился к своим коллегам по “пятёрке”. Или, может, была не “пятёрка”, может, “семёрка” — кто его знает. Филби настолько за них переживал…»

В качестве введения в наше небольшое исследование могут быть использованы слова Кернкросса, которые он высказал корреспонденту одной французской газеты. Согласно Ю. Модину, он сказал: «Может быть, настанет день, когда мы сумеем попытаться понять правду, скрывающуюся за фактами, и объяснить те сложные процессы, в результате которых молодой интеллектуал оказывается замешанным в такие дела».

Для того чтобы попытаться понять природу кембриджского феномена, необходимо обратиться к последним достижениям сетевой науки, изучающей устойчивые структурные характеристики взаимодействия людей и их групп. Сама по себе сетевая наука зародилась в конце XIX – начале XX в. и впервые, как отдельна часть человеческого знания была представлена в книгах Я. Морено[84]. Последнюю четверть века, а особенно в период с 2000 г., сетевая наука, получившая в распоряжение поистине необозримый океан социальных данных и новые математические методы обработки Больших Данных, смогла осуществить подлинный прорыв.

Сегодня экспериментальные данные сетевой науки позволяют достаточно точно описать устойчивые социальные сети различной размерности. Поскольку совершенно очевидно, что наднациональные и национальные элитные группы сами являются фрагментами сетей средней размерности, то несомненно, что эти сети просто обязаны обладать всеми признаками устойчивости. В случае разрыва устойчивости элитных сетей драматические и трагические события в жизни человеческой цивилизации типа мировых войн привели бы в частности не к послевоенному восстановлению, а к деградации мировой цивилизации и одичанию человечества. Иными словами, пока элитные сети являются устойчивыми или хотя бы квазиустойчивыми (устойчивыми на протяжении достаточно длительного периода времени), у человеческой цивилизации есть большие шансы существовать без глобального катастрофического коллапса. В этом смысле даже глубокий системный кризис при сохранении элитных сетей может разрешиться выходом на некую новую траекторию без цивилизационного одичания.

[84] Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический Проект, 2001.

Наиболее продвинутые работы[85] в области сетевой науки позволяют сформулировать несколько ключевых требований к устойчивым и квазиустойчивым сетям. В их число входят:

– элитные сети, имеющие характеристику устойчивости или квазиустойчивости, представляют собой среднеразмерные открытые сети. Открытость сетей выражается в том, что в их состав могут включаться новые индивидуумы, блоки, а также устанавливаться ранее не существовавшие связи. По своему характеру и свойствам среднеразмерные открытые сети идентичны так называемым безразмерным сетям А.-Л. Барабаши;

– безразмерные сети образуют внутри себя устойчивые паттерны или блоки, обеспечивающие наиболее оперативную и эффективную адаптивную реакцию на внешние средовые и субъектные возмущения. Блок представляет собой совокупность элементов и связей сети, характеризующихся более высоким, чем сеть в среднем, уровнем силы, интенсивности и частоты связей внутри блока или паттерна;

– внутри блока, как правило, присутствует иерархо-сетевая структура взаимодействий, где связи характеризуются не только по критериям силы (степени воздействия), интенсивности (частоты) и густоты (наличие пересечения) связей, но и их доминантности. Внутри каждого паттерна или блока имеются узлы сети, характеризующиеся высокой доминантностью. Доминантность проявляется в том, что остальные узлы сети в своих действиях и мнениях зависят от действий, мнений и решений доминантных узлов;

– доминантность в паттернах безразмерных сетей, погружённых в динамичную, турбулентную среду, реализуется через принцип гетерархии. Гетерархия предполагает, что на позиции главного доминанта или иерархического узла с максимальным рангом в разные моменты времени или в разных ситуациях, связанных с характеристиками внешней по отношению к сети среде, выступают различные узлы. Иными словами, иерархия является постоянным свойством структуры сетевого паттерна. Но сами по себе доминанты иерархии не являются постоянными, а меняются в зависимости от истории паттерна и внешних обстоятельств;

– выживание среднеразмерной открытой сети, или безразмерных сетей Барабаши при наличии внешней турбулентной, динамичной среды в решающей степени зависит от существования так называемого «скелета сети». Скелет сети включает в себя узлы сети, которые одновременно принадлежат к различным паттернам и в решающей степени обеспечивают связность и тем самым сохранение сети как целостности. При этом указанные узлы должны обладать в рамках каждого из паттернов или блоков, к которым они принадлежат, достаточно высокой степенью автономии. Они категорически не должны являться так называемыми алгоритмическими агентами одного паттерна в другом. Согласно сетевой науке, последнее означает, что узлы, относящиеся к скелету сети, не являются слепыми исполнителями и проводниками интересов одного паттерна по отношению к другому, а скорее представляют собой относительно независимых агентов, чьи интересы и действия позволяют существовать им одновременно не в одном, а как минимум в двух паттернах или блоках.

[85] Sawyer R.K. Social Emergence: Societies as Complex Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Barabasi A.-L. Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life. N.Y.: Plume, 2003; Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014; Shnol S. Complete Biological determinism of Evolutionary Trajectories or limit Perfection is Achieved through Natural selection for the actual duration of time Small. (According to the Recollections of the discussions with Scientific Sat. Transport). Moscow: Nauka, 1989; Stark D. The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life. Princeton: Princeton University Press, 2011; Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences). Cambridge University Press, 1994.

Применительно к нашей теме указанные закономерности сетевой науки, полученные на обработке огромных массивов эмпирического материала, позволяют говорить о следующем. Наличие структур, подобных Кембриджской группе, являлось, является и будет являться важнейшим условием выживания человеческой цивилизации как целостности, разделённой внутри себя на определённые паттерны и блоки. Соответственно в первую очередь это относится к лицам, принимающим решения, т.е. к элите, включающей как наднациональные, так и национальные элитные иерархосетевые или гетерархические[86] группы.

В соответствии с этим можно сделать следующий вывод. В рамках британской элитной сети существовал паттерн, связанный, но не ограниченный обществом Апостолов[87], фабианством и проч. Этот паттерн выделил из себя более ограниченную группу, которая должна была выступать в качестве связующего звена с советской элитой. Собственно, эта группа и стала известна миру под названием Кембриджской пятёрки.

Этот вывод подтверждается в частности тем обстоятельством, что подобный паттерн имелся и в Соединённых Штатах Америки. Частично он был также порождён американской разновидностью фабианства, получившей название коммунитаризма. К этому паттерну, несомненно, принадлежал Ф.Д. Рузвельт. Американский паттерн также выдвинул свою группу, тесно взаимодействовавшую с советской элитой. В её число входили такие выдающиеся американские деятели, как Элджер Хисс — известный американский дипломат, ключевой участник проектирования послевоенной судьбы Германии, главный советник Рузвельта в Ялте, первый Генеральный секретарь ООН; Гарри Декстер Уайт — выдающийся американский экономист, видный чиновник Министерства финансов США, разработчик концепции Бреттон-Вудской системы, Международного валютного фонда и Всемирного Банка; Гарри Гопкинс — главный советник Ф.Д. Рузвельта и целый ряд других, не менее заметных фигур американской политики и науки. Все эти люди в США в эпоху «охоты на ведьм» были названы агентами КГБ на основании реальных свидетельств их взаимодействия с советской разведкой.[88] В последующем дополнительные данные на этот счёт были получены из так называемых блокнотов Васильева и архивов Митрохина.

[86] Stark D. The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life. Princeton: Princeton University Press, 2011.

[87] Bourdieu R. Apôtres de Cambridge, la Fabian Society et les Frères de Plymouth. Paris: Cambridge University Press, 1997.

[88] Steil B. The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2013; Evans M.S. Herbert Romerstein, Stalin's Secret Agents: The Subversion of Roosevelt's Government. N.Y.: Threshold Editions, 2013.

Теперь настало время разобраться в одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Традиционно граждан тех или иных стран, взаимодействующих с разведывательными структурами, относят либо к тайным агентам, либо к агентам влияния. И в том, и в другом случае они действуют в интересах чужой страны против своей. В этом смысле Кембриджская пятёрка, так же как и их коллеги в США, хотя и являлись в строгом профессиональном смысле слова разведчиками, ни в коем случае не представляли собой агентов. Они как раз являлись тем самым скелетом элитной сети, без которой она бы рухнула, утянув вслед за собой и цивилизацию в целом.

В связи с этим правильнее для таких людей использовать в элитном анализе особый термин. Представляется, что наиболее подходящее название ввёл философ и методолог П. Щедровицкий. «В 1993 году философ и методолог Петр Щедровицкий (младший) высказал предположение, что мировая экономика потихоньку завоёвывается новыми фигурами: интерлокерами. То есть, теми, кто выступает стратегическими посредниками между разными типами знаний и сферами деятельности. Они комбинируют из них предпринимательские схемы, они уже известны как "аналитики ресурсов"».[89] Имеет смысл несколько расширить термин «интерлокер» и не ограничивать его экономической тематикой. По сути, в элитном анализе интерлокерами являются стратегические коммуникаторы, которые в своих действиях руководствуются интересами обоих паттернов или блоков, в которые они входят и которые они соединяют в рамках собственной деятельности.

Этот, казалось бы, неочевидный вывод, несомненно, можно подкрепить многочисленными примерами из деятельности Кембриджской группы. Ю. Модин в своих воспоминанияхписал: «Но я могу понять поведение этих людей, которое на Западе может показаться непостижимым. Прежде всего, я преклоняюсь перед их патриотизмом. Все они, а Гай Бёрджесс в особенности, питали глубокую и страстную любовь к Англии. Многие считают их предателями, но только не я. Я не преувеличиваю, когда говорю, что знаю больше, чем кто-либо, насколько ценные для нас материалы они нам давали, но при этом утверждаю: ни один из них не собирался принести вред своей стране. Они работали против американцев, это точно. Они передавали нам всё, что попадало им в руки, даже иногда и много лишнего. Но ни разу не выдали нам ни одного секрета, который мог бы повредить Великобритании». Об этом же говорит в книге Н. Долгополова о К. Филби неназванный высокопоставленный работник внешней разведки и любимый ученик К. Филби. В специально выделенном разделе под не оставляющем сомнений заголовком «Прямой канал» читаем следующее: «Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества, — так писал Ким в книге "Я шёл своим путем". — В моей Англии, на моей родине, я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашёл в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этим я служил и моему английскому народу".

В этом высказывании Кима Филби — целая философия разведки, её главный постулат. Так считали и мы, в этой области человеческой деятельности занятые, преданно в ней работающие. Вот общаются дипломат с дипломатом. Но информация, получаемая представителями двух разных стран, всё равно не та, что идёт через разведку. Она приукрашена, в ней немало чисто дипломатических экивоков. Поэтому с незапамятных российских, потом советских, а сегодня вновь российских времён посла слушали с меньшим вниманием, чем резидента. Разведка — более прямой канал для доведения куда требуется необходимых твоей стране сведений. И наиболее умные англичане, включая видных политиков, в первую очередь лейбористской, да и консервативной партий, порой сознательно шли на контакты с нашим резидентом или оперативным работником. То, что они хотели, и то, что им надо было побыстрее довести до нашего руководства, доводилось именно так. Это — первый момент.

[89] Чернышев С. Корпоративное предпринимательство. От смысла к предмету. Цикл лекций. Электронная публикация. М., Центр гуманитарных технологий, 2001.

Момент второй: разведка способствует прозрачности. Если кто-то что-то друг от друга скрывает, если разведка узнает нечто о переговорах, ведущихся не совсем так или совсем не так, как сообщают чужие дипломаты, то разведка помогает донести правду до высшего руководства. И тогда уже лидеры стран, получившие информацию от разведки, обращаются к своим зарубежным оппонентам: мол, что же мы тут друг другу морочим голову. Таким образом, разведка способствует и прозрачности, и откровенности в отношениях».

В заключение необходимо остановиться на одном чрезвычайно деликатном и не менее важном моменте. Может возникнуть вопрос, где проходит грань между интерлокерами и людьми, работающими на иностранную разведку. Если Кембриджская пятёрка были интерлокерами, то не являлись ли ими такие, например, персонажи, как Олег Пеньковский, Дмитрий Поляков или Олег Гордиевский? Без всякой натяжки на этот вопрос следует ответить отрицательно. Причём, подобный ответ является не оценочным суждением, а имеет под собой, с одной стороны, вполне содержательное, а с другой, даже формально-математическое обоснование.

С позиции содержательного анализа нельзя не отметить, что по меньшей мере о фабианских убеждениях членов Кембриджской пятёрки и более того об их участии в работе Коминтерна британской контрразведке было прекрасно известно из разных источников, включая самих участников «пятёрки». Поэтому в полном и строгом значении термина «тайной» их деятельность назвать было нельзя. Но даже не это главное. Существует формальный критерий, позволяющий чётко различать предателей и интерлокеров. Современная теория и прагматика конфликтов[90] базируется в значительной степени на такой развитой ветви математического знания, как теория игр. В этой теории чётко с точки зрения строгих формальных критериев различаются кооперативные игры и игры с нулевой суммой.

Если говорить не вполне точно, но зато понятно, то кооперативными играми являются такие взаимодействия сторон, при которых обе стороны оказываются в выигрыше, хотя возможно и не в одинаковой степени. Соответственно, возникает взаимная заинтересованность и открывается возможность для создания коалиции. В играх с нулевой суммой выигрыш одной стороны может быть достигнут лишь за счёт и пропорционально проигрышу другой. Соответственно, стороны неизбежно находятся в состоянии антагонистического противоречия и конфликта. Тем самым различие между интерлокерами и предателями (алгоритмическими агентами) со-

[90] Светлов В.А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов. М.: Либроком, 2011.

стоит в том, что деятельность интерлокеров позволяет сторонам или паттернам, в которые они входят, играть в кооперативные игры, а в случае с деятельностью предателей мы всегда имеем дело с игрой с нулевой суммой.

Подтвердим сделанный вывод одним конкретным примером и единичным фактическим суждением. Как известно, в 1946 г. с подачи «капитанов британской индустрии» лейбористское правительство во главе с премьер-министром фабианцем К. Эттли при участии лорда-канцлера фабианца Г. Моррисона и его научного советника, опять же фабианца, А. Кинга без всякого участия Кембриджской пятёрки (это прослеживается по доступным документам) продало в Советский Союз не только самые совершенные в мире на тот момент двигатели для реактивных истребителей, но и всю конструкторскую, инженерную и даже технологическую документацию. В итоге, в небе Кореи во время войны советские Ми-15, оснащенные лучшими в мире британскими двигателями, получившими советскую аббревиатуру, десятками сбивали американские летающие крепости, считавшиеся до того момента абсолютно неуязвимыми.

В международном бестселлере «Империя», возможно далеко не самый глубокий, но тем не менее весьма влиятельный человек, британский историк Нил Фергюсон пишет: «В ноябре 1942 года Черчилль заявил, что стал премьер-министром его Величества не для того, чтобы возглавить ликвидацию Британской империи. Даже министр внутренних дел, лейборист Герберт Моррисон сравнил идею предоставления независимости некоторым британским колониям с “позволением ребёнку десяти лет иметь отмычку, счёт в банке и дробовик”. Проблема, однако, заключалась в том, что собственный английский счёт в банке был пуст. Некогда Британия была всемирным банкиром. Теперь она задолжала иностранным кредиторам более 40 млрд. долларов. Основания Империи были экономическими, и теперь они были разъедены войной… Когда фирма начинает переворачиваться верх брюхом, очевидный выход для кредиторов, конечно, заключается в том, чтобы взять под контроль её активы. Британия задолжала США миллиарды… Рузвельт полушутя предложил “унаследовать Британскую империю после разорившихся владельцев”. Но могли ли британцы выставить себя на продажу?».

9

Выяснив важнейшие принципы и сформулировав элементы понятийного аппарата анализа элитных взаимодействий, можно с чистой совестью возвращаться к повествованию о дальнейшей карьере А. Кинга. Практически сразу после окончания Второй мировой войны Кинг получил приглашение переехать в Лондон, чтобы окончательно превратиться в высокопоставленного правительственного чиновника. В 1945 г. в Великобритании прошли очередные парламентские выборы, и консервативная партия во главе со своим лидером У. Черчиллем прогнозируемо потерпела поражение. Черчилль рассматривался британцами прежде всего как военный лидер. В то же время в лейбористах они видели партию, которая способна воплотить новые, свежие идеи, которые смогут предотвратить упадок Британии.

Из Второй мировой войны Британия вышла по существу банкротом. Валютные резервы не превышали одного миллиарда долларов, тогда как долги составляли более $ 10 млрд.[91] Несмотря на то, что формально Британия в ходе войны получила от Соединённых Штатов по ленд-лизу помощи примерно на 45 млрд. долларов, фактически все эти средства представляли собой не безвозмездную помощь. Они компенсировались за счёт передачи уникальной интеллектуальной собственности на различные виды вооружения, включая атомное, и передовые технологии, поставками из британских колоний нужного американской индустрии сырья по ценам существенно ниже довоенных, а также полным открытием рынков колоний и особенно доминионов для американских товаров. Несмотря на то, что территория Британии не подвергалась оккупации, часть промышленного потенциала была разрушена, а часть переведена на военные рельсы. При этом реальные доходы населения, в первую очередь, рабочего класса, служащих, инженерно-технических работников упали по сравнению с довоенным уровнем на 17–23%. Нельзя также не отметить, что в нарушение военных договорённостей сразу же после войны Соединённые Штаты отказались предоставить Британии законченные технологии производства атомной бомбы, а также трофейные технологии из Германии, полученные американцами в результате операции «Скрепка».

Таким образом, лейбористскому правительству досталось весьма незавидное наследство. В поисках путей решения проблем, поставивших Британию на грань выживания как великой державы, британские правящие круги привычно обратились к науке. Следует отметить, что одной из отличительных черт британской элиты была, начиная с XVI, а особенно с XVII–XVIII вв. теснейшая интеграция политического и финансово-экономического руководства с научной элитой. Достаточно сказать, что политику Банка Англии разрабатывал Исаак Ньютон, а одним из виднейших политических деятелей своего времени был знаменитый Джон Локк. И такие примеры можно множить и множить.

Лейбористское правительство не распустило Научный совет, существовавший при Черчилле, который ведал, в том числе, вопросами научно-технической разведки, а напротив, расширило и укрепило его. Был введён специальный пост главного советника по науке при правительстве Его Величества, создан Консультационный совет по научной политике и Оборонный научный совет, и наконец, учрежден пост советника по науке при министре внутренних дел и лорде-канцлере. Перечисляя указанные структуры важно подчеркнуть, что они занимались не только и не столько государственным руководством научными исследованиями, хотя такая функция на них и была возложена, сколько созданием исследовательских коллективов для проработки различного рода правительственных решений практически по всей гамме вопросов.

Главным советником по науке лейбористского правительства и ключевой фигурой в правительственном научном истеблишменте стал давний знакомый и руководитель А. Кинга, его коллега по новому Фабианскому обществу Г. Тизард. Получив назначение, он практически сразу же предложил А. Кингу возглавить свой секретариат на правах заместителя, а также стать советником по науке второго человека в лейбористской партии, лорда-канцлера и министра внутренних дел Герберта Моррисона.

[91] Позднеева Л.В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны 1941–1945 гг. М.: Наука, 1969.

Генри Тизард мало известен за пределами Великобритании и частично США. В то же время в учебнике для высшего командного состава стран НАТО, подготовленном силами британских вооружённых сил, Тизард включён в число 100 ведущих научных мыслителей всех времён и народов. Такой чести он удостоился по нескольким причинам. Прежде всего, он былпервым человеком, который предсказал, что атомное оружие неизбежно окажется в распоряжении нескольких, потенциально враждующих стран и станет важнейшим фактором сдерживания, который на обозримый для него период времени покончит с мировыми войнами и переведёт государственное противостояние на уровень периферийных, локальных войн. Кроме того, Тизард известен тем, что впервые предложил провести чёткую разницу между военной пропагандой, которая опирается на достижения рекламы и обычной политической пропаганды, и целенаправленными информационными войнами. В информационных войнах, по его мнению, должны использоваться особые виды оружия, не сводимые исключительно к передаче текстовой информации при помощи тех или иных средств. Он впервые среди военных всерьёз рассматривал различные виды пси-оружия, базирующиеся на выявленных наукой принципиально новых психофизиологических феноменах и эффектах.

В частности, в 1947–1948 гг. он организовывал большие совещания в Канаде, в которых принимали участие военные чины и научные эксперты из Великобритании, Канады, Австралии, Соединённых Штатов, а также немецкие специалисты, бывшие как в оппозиции к нацистскому режиму, так и работавшие в ведомстве И. Геббельса. В ходе этих совещаний, в которых принимал участие и А. Кинг, Г. Тизард отстаивал ту точку зрения, что традиционные методы «промывания мозгов» при помощи технологий тотальной пропаганды, разработанных в ведомстве Геббельса, эффективны лишь на небольшом промежутке времени, а далее не только теряют свою эффективность, но и разрушительно сказываются на собственных вооружённых силах. Фактически он выступил против идей Пентагона и американской разведки использовать программы промывания мозгов в первую очередь для внутреннего потребления. Однако это не говорит о том, что Г. Тизард был пацифистом и гуманистом. Его точка зрения состояла в том, что невербальные методы психофизиологического воздействия, базирующиеся на феноменах сенсорного и субсенсорного восприятия, гораздо более перспективны для ведения как наступательной информационной, а точнее психологической войны, так и для решения внутренних задач повышения убеждённости и лояльности состава элитных подразделений вооружённых сил.

В качестве зав. секретариата Г. Тизарда и советника по науке министра внутренних дел Г. Моррисона А. Кинг в течение 1946–1952 гг. занимался прежде всего гражданскими вопросами, связанными с реконструкцией и повышением эффективности британской промышленности. Также на него в полном объёме легли все международные контакты Великобритании по линии науки, что позволило установить ему теснейшие отношения с правительственными чиновниками, руководителями крупных корпораций и старшими офицерами разведки по обе стороны океана — как в США, так и в Западной Европе.

Для окончательной выработки жизненной позиции и взгляда на развитие общества А. Кинга огромную роль сыграло его участие в процессах национализации и создания системы целевого планирования в Великобритании. В соответствии с учением нового Фабианского общества и программными установками лейбористской партии, а главное — жизненными потребностями страны, в Великобритании в 1946–1948 гг. была осуществлена масштабная программа национализации. Были национализированы основные инфраструктурные отрасли, включая железные дороги, управление транспортом, связь, авиасообщение. Государство резко увеличило свою долю в нефтяных компаниях, компаниях, производящих различного рода вооружения, в некоторых банках. Следует отметить, что национализация осуществлялась на основе выкупа. Однако прежние владельцы не получали живых денег. Дело в том, что значительная часть национализированных предприятий были ранее убыточны и, соответственно, национализировались убытки, которые лишь частично покрывала стоимость национализированной собственности. Что же до прибыльных предприятий, например, Англо-иранской нефтяной компании (в настоящее время British Petroleum), то там увеличение доли государства сопровождалось передачей прежним владельцам облигаций с правом получения по ним доходов в будущем.

Кроме того, в условиях, когда страна вплоть до первой половины 1950-х годов жила по карточкам и испытывала недостаток во многих видах сырья для машиностроительной продукции, не только государственным, но и частным предприятиям, в первую очередь металлургии, угледобыче, химической промышленности устанавливались своего рода плановые задания. Как уже отмечалось, А. Кинг принимал самое активное участие в этой работе. В 1952 г. лейбористское правительство, осуществившее болезненную реконструкцию британской индустрии и в основном расплатившееся с долгами, но не преодолевшее зависимость от всё более усиливавшихся Соединённых Штатов, проиграло очередные парламентские выборы и к власти вновь пришли консерваторы во главе всё с тем же У. Черчиллем. Против ожиданий они отнюдь не стали проводить политику ренационализации. При этом, как это обычно бывает в Великобритании, с приходом нового правительства изменилось руководство всеми ключевыми учреждениями и подразделениями. Однако, что касается А. Кинга, то к этому времени он зарекомендовал себя как незаменимый мастер внутренних и международных коммуникаций и умелый создатель исследовательских групп быстрого реагирования, обеспечивающих научную проработку тех или иных правительственных решений. В итоге, как пишет А. Кинг: «Вместо того чтобы отправить меня в отставку, к моему удивлению, меня назначили заместителем руководителя УНПИ, директором по науке и попросили возглавить вновь созданный разведывательный отдел».

Необходимо пояснить, что УНПИ в структуре британского правительства являлось своеобразным аналогом министерства по науке в других государствах. Оно отвечало за определение направлений научных и технологических исследований, финансируемых из британского бюджета, распределением грантов и ресурсов. Кроме того, на эту структуру была возложена функция научно-технической разведки, которую должен был выполнять разведывательный отдел, — его и возглавил А. Кинг. Последнее было связано с тем, что У. Черчилль чрезвычайно высоко оценивал роль британской научно-технической разведки, возглавляемой профессором Г. Линдеманом в период Второй мировой войны. Вернувшись в правительство, он стремился создать аналогичное подразделение.

На своём посту А. Кинг сосредоточился на трёх основных направлениях деятельности. Первое было связано с вопросами повышения эффективности производства и производительности труда не только в Великобритании, но и в странах континентальной Европы. Ещё в период правления лейбористов выяснилось, что британская и европейская промышленность заметно уступает американцам как в части производительности живого труда, так и по показателям эффективности основных производственных фондов, которые по своим качественным параметрам были вполне сопоставимы с американскими. Достаточно быстро был сделан вывод, что причины коренятся в двух группах факторов. Первая лежала в плоскости организации управления производством и научной организации труда. Были сделаны выводы о том, что у американцев в этом плане гораздо более эффективные методики, которые они с успехом применяют, в то время, как британцы и европейцы действуют по старинке.

Кроме того, по мнению Кинга и возглавляемых им комиссий, существовало и второе важное обстоятельство. Оно было связано с психологическими факторами. В Соединённых Штатах, по оценке британцев, даже для работника на конвейере роль мобилизующего фактора играла американская мечта, если не о миллионе долларов, то о собственном доме с лужайкой и машине. В Британии и тем более в разрушенной войной континентальной Европе ничего подобного не было. Памятуя о взглядах Тизарда, А. Кинг обратился за помощью в решении этой проблемы к Тавистокскому институту. Работа велась этим институтом длительное время и была завершена, когда уже А. Кинг ушёл из УНПИ. Весьма занимательно, что созданной по лекалам Тавистокского института индустриальной психологией активно занимался барон Виктор Ротшильд. Он приложил много усилий к распространению методик, рекомендованных Тавистокским институтом, в Британии и, потерпев неудачу, безвозмездно передал их Израилю, где они сразу же стали внедряться на предприятиях военной промышленности страны.

Вторым направлением работы А. Кинга стала консолидация научного потенциала не только Британии, но и таких стран, как Канада, Австралия, Новая Зеландия и ряда других. К началу 1950-х годов в Британии стало окончательно ясно, что империя в ускоренном порядке будет ликвидирована в результате однонаправленных, хотя и не совместных усилий Соединённых Штатов и Советского Союза, которые, тем не менее, в ряде случаев действовали рука об руку. В этих условиях высший британский истеблишмент принял решение, что бессмысленно цепляться за отжившие государственные формы и гораздо более важно сохранить финансовое, интеллектуальное и культурное единство в рамках нового образования под названием Британское Содружество наций. Участок А. Кинга был связан с созданием рабочих механизмов интеллектуального сотрудничества в рамках Британского Содружества наций с опорой на страны, с преобладающей долей населения — выходцев из Британии и Ирландии. В качестве таковых были выделены Канада, Австралия, Новая Зеландия.

Третье направление деятельности Кинга составляла научно-техническая разведка. Достаточно быстро А. Кинг пришёл к выводу о том, что в условиях рушащейся империи и тотальной нехватки средств традиционная агентурная научно-техническая разведка не является наилучшим выходом из положения. Для её эффективной работы требовались значительные средства и длительное время. Ни первого, ни второго в 1950-е годы не было. Кроме того, следует иметь в виду, что это был период полной и окончательной утраты Великобританией роли равного партнёра с Соединёнными Штатами. Американцы крайне ревниво следили, с одной стороны, за малейшими поползновениями их младших союзников осуществлять разведку внутри самих Соединённых Штатов и очень не приветствовали самостоятельные разведывательные операции британцев в отношении Советского Союза. По мнению встававшего к тому моменту на ноги ЦРУ, Соединённые Штаты с помощью доставшегося в наследство от нацистской Германии аппарата Р. Гелена и его агентуры вполне могли удовлетворить свои разведпотребности самостоятельно, не прибегая к помощи британской разведки. Если же в поле зрения младших союзников попадал либо какой-либо интересный материал, либо интересные люди в СССР и странах Восточной Европы, они должны были, по мнению американцев, не разрабатываться самостоятельно, а немедленно передаваться Соединённым Штатам.

В этих условиях А. Кинг и его команда предприняли детальную ревизию различных источников поступления разведывательной информации и оценку их с точки зрения эффективности. К своему удивлению они обнаружили, что преобладающая часть наиболее ценной с точки зрения политиков и военных научно-технической информации содержится в открытых источниках и прежде всего в публикуемых на разных языках мира открытых научных журналах. Вскоре А. Кинг сделал ещё одно удивительное для себя открытие. Выяснилось, что в Британии, континентальной Европе и США издаётся множество первоклассных реферативных журналов, в которых высокопрофессиональные эксперты реферируют первичную научную переводику и составляют краткие выжимки из статей. Самым же большим открытием А. Кинга стал тот факт, что никто в британском разведывательном сообществе, а также в правительственном аппарате и тем более в промышленности эти журналы не читает. Тем самым выяснилось, что огромный пласт первоклассной разведывательной информации оказывается никому не нужен и не используется для дела. Окольными путями он выяснил, что аналогичная картина наблюдается и в Соединённых Штатах. Единственными, кто получал практически все без исключения реферативные журналы по всем отраслям науки, техники и технологий, были в 1950–1960-е годы Советский Союз и Израиль.

Начав детальную работу по созданию целостной системы максимально полного извлечения информации из открытых источников через реферативные журналы, А. Кинг вышел на Международную федерацию документации и существующую при ней Комиссию по научно-технической информации. Эта Федерация первоначально представляла собой объединение энтузиастов научного реферирования и включала в свой состав подавляющую часть издателей реферативных журналов. Достаточно быстро А. Кингу удалось не просто установить тесные контакты с этой организацией, но и стать одним из её руководителей. Он развернул активную работу по переводу организации с любительского уровня в статут полноценной неправительственной международной организации. На этой почве он познакомился с одним из уникальных людей XX в., издателем, политиком, разведчиком Робертом Максвеллом. Вскоре после знакомства один из высоких чинов ФБР, хороший знакомый А. Кинга, сообщил ему интригующую информацию. Он сказал: «Нам извест-

но, что Роберт Максвелл пригласил Вас к себе в отель. Должен Вас предупредить. Будьте осторожны. Его комната оклеена жучками, и мы запишем разговор. Мы в ФБР подозреваем, что он — двойной агент — англичан и русских».

А. Кинг в своих воспоминаниях пишет о том, что Максвелл взялся издавать его книгу и ряд книг его знакомых. В результате были выплачены большие гонорары, получены сигнальные экземпляры в чудесном полиграфическом исполнении, но, несмотря на все напоминания, ни А. Кинг, ни его друзья не увидели своих книг на прилавках магазинов. Когда Кинг задал прямой вопрос, изданы вообще-то книги или нет, Максвелл, абсолютно не стесняясь, ответил, что изданы и разошлись достаточно большим для подобного рода изданий тиражом. Всё дело в том, объяснил он, что такого рода книги бессмысленно продавать в книжных магазинах, они сразу рассылаются по имеющейся у него широкой сети подписчиков, каждого из которых интересует определённая научная тематика, а иногда и конкретные авторы.

Представляют интерес следующие строки воспоминаний А. Кинга: «В начале 70-х годов Максвелл познакомился с Аурелио Печчеи… Он заинтересовался деятельностью Клуба (Римского) и предложил предоставить финансовую помощь и основать британскую ассоциацию. Я предупреждал Аурелио не поддаваться на обещания Максвелла, и что его общественный образ не совместим с образом Клуба. Но он был настолько захвачен энтузиазмом Максвелла, что не слушал меня». Для человека, прочитавшего автобиографию А. Кинга, вполне очевидно, что познакомить А. Печчеи с Максвеллом мог только один человек. А именно сам Кинг, который на протяжении долгих лет, отнюдь не стесняясь общественного облика Максвелла, поддерживал с ним тесные отношения, не вняв даже предупреждениям друзей из ФБР. Что же до общественного облика, то в годы знакомства Р. Максвелла с А. Кингом и позднее с А. Печчеи, он был более чем респектабельным. Разгадка такого отношения к Максвеллу заключается в его загадочной смерти 5 ноября 1991 г. на собственной яхте в результате невыясненных событий.

10

Здесь самое время сказать несколько слов о Роберте Максвелле. Абрахам Гох — подлинное имя и фамилия Роберта Максвелла — родился в маленькой чехословацкой деревушке, ныне принадлежащей Украине, в бедной еврейской семье. С началом Второй мировой войны родители успели отправить сына во Францию. Сами они впоследствии погибли в концлагерях, что многое объясняет в поступках и деятельности Р. Максвелла. Сам Максвелл оказался во Франции, где сразу же связался с подпольной сионистской боевой организацией Иргун, возглавляемой Ицхаком Шамиром, в будущем министром обороны и премьер-министром Израиля. После короткой боевой подготовки в Тель-Авиве он вернулся во Францию и вступил в Иностранный легион, где стал одним из лучших бойцов. После разгрома французской армии Максвелл короткий период времени участвовал в Движении Сопротивления, а затем перебрался в Великобританию и вступил в британскую армию. В армии Максвелл служил в десантных войсках, участвовал в первой линии высадки в Нормандии, за что был отмечен одной из высших британских военных наград.

В конце войны и сразу же после неё стал сотрудником британской военной разведки и служил в подразделениях МИ-9 (организация по поиску и спасению военнопленных) и МИ-14 (организация по допросам и определению дальнейшей судьбы старших офицеров Абвера и гестапо). Также он работал в британской информационной службе, одном из подразделений МИ-6 в Германии, и договорился там о распространении новой постнацистской прессы в Британии и Европе.

Получив финансовую поддержку от еврейской диаспоры, Максвелл занялся издательским бизнесом, в итоге превратившись в одного из крупнейших газетно-журнальных магнатов мира. Фактически он стал монополистом издания научной литературы в Британии. К марту 1991 г. Р. Максвеллу принадлежали крупнейшие лондонские газеты «Дейли Миррор» и «Санди Миррор», «Нью-Йорк Дейли Ньюс», журнал «Пипл», крупнейшее издательство художественной и деловой литературы «Макмиллан» и созданный им первый в мире развлекательный молодёжный музыкальный канал MTV. Помимо этого, Р. Максвелл активно инвестировал деньги в информационные технологии и стал владельцем компании, которая производила опередивший на десятки лет своё время игровой компьютер «Спектрум»; в его игры, переписанные под новые системы, играют и в настоящее время.

Максвелл был избран членом парламента от лейбористской партии. В Советском Союзе он сумел установить доверительные отношения с высшим советским руководством. Его издательство издавало труды Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.А. Суслова, А.А. Громыко, Т. Живкова, Э. Хонеккера и др.; он имел более чем тесные отношения с Академией наук СССР и издавал за рубежом труды советских учёных, в основном по естественным наукам. Причём в отличие от работ А. Кинга и его друзей, все указанные книги красовались в витринах книжных магазинов по всему миру.

Определённый интерес представляет следующий факт. Размеры гонораров, выплачиваемых руководителям партии и правительства, были смешными даже по отношению к рядовым авторам. Например, согласно контракту № 101-89440-15 от 14 апреля 1978 г., Всесоюзное Агентство по авторским правам предоставляет «Пергамон пресс» права на издание и распространение во всём мире на английском языке книги Л.И. Брежнева «Мир — бесценное достояние народа». «Пергамон» обязуется издать и предложить в продажу указанное произведение тиражом 7 тыс. экземпляров как минимум. Продажная цена в контракте не указана. «Пергамон» обязуется выплатить автору, т.е. Л.И. Брежневу, аванс в размере 250 фунтов стерлингов, а также потиражные, в зависимости от проданного тиража. Ю.В. Андропов удостоился аванса в 400 фунтов стерлингов. Однако в 1990-е годы выяснилось, что французский филиал издательства Максвелла получал значительные суммы денег в соответствии с закрытым решением ЦК КПСС[92]. Данную информацию подтверждает в своих пока ещё неопубликованных воспоминаниях министр внешней торговли в правительстве Б.Н. Ельцина Виктор Ярошенко, который 21–22 августа 1991 г. отвечал за приёмку документации в Международном отделе ЦК КПСС.

На вопрос являлся ли Максвелл тайным агентом или агентом влияния КГБ, Михаил Любимов отвечает отрицательно. Следует отметить, что Любимов в пери-

[92] Был ли Максвелл агентом КГБ? Интервью с бывшим руководителем британского направления советской разведки Михаилом Любимовым. http://flb.ru/material.phtml?id=4894

од отставки либо категорически отказывался от интервью, в тех случаях, когда он не хотел говорить, либо сообщал сведения, которые затем подтверждались из независимых источников и в обязательном порядке не могли нанести какого-либо вреда Службе внешней разведки. В то же время, по его мнению, Максвелл выполнял функцию интерлокера и обеспечивал прямой канал связи между верхушкой британского истеблишмента и Кремлём. В частности, он говорил: «Мы в разведке считали, что англичане создают своего доктора Хаммера, прямой канал или неофициальный мост между Лондоном и Москвой, между британским и советским руководством. Ничего нового тут нет. Такая форма контактов используется многими странами. Скажем, Максвелл собирается в Москву. Представители достаточно высокопоставленных британских кругов просят его во время встреч с советскими товарищами прозондировать те или иные вопросы. В свою очередь, сообщая определённую, подлинную информацию, которая может заинтересовать Москву. По приезде с ним встречаются и за обедом или ужином происходит обмен информацией.

– Чем же Максвелл так приглянулся нашим?

– Думаю, он сыграл на тщеславии Брежнева и окружения. Не надо забывать, что многие карьеры в Москве состоялись благодаря максвелловским изданиям вождей на английском. Он издал Черненко и Андропова. Так или иначе Максвелл ногой открывал в Москве те двери, куда другим англичанам вход был заказан.

– Крючков встречался с Максвеллом? Да… Максвелл даже собирался печатать в Лондоне какой-то журнал КГБ»[93].

После смерти Максвелла вышло немало бульварных книг, где утверждалось, что он был агентом КГБ. Одним из косвенных доказательств данной точки зрения считался тот факт, что уже после смерти Максвелла британские и американские спецслужбы выяснили, что в компании, управляемой его сыновьями, выявилась значительная недостача, измеряемая десятками миллионов фунтов стерлингов. В связи с этим смерть Максвелла стала трактоваться как самоубийство, а два его сына на короткий период времени сели в тюрьму. Однако не так давно на основании рассекреченных архивов опубликована документальная книга, из которой следует, что Максвелл на протяжении всей своей жизни никогда не был агентом КГБ, хотя являлся прямым каналом связи британского и частично французского истеблишмента с Кремлём. Всю жизнь, начиная с 17-летнего возраста, он работал сначала на нелегальную разведку сионистского движения, а потом на государственную разведку Израиля[94].

Что же касается смерти Максвелла, то автор книги полагает, что она стала результатом глубокой осведомлённости Роберта Максвелла относительно судьбы части денег, экспортированных в последние месяцы перед крушением Советского Союза по решению высшего советского политического руководства. По мнению полковника КГБ в отставке, в последующем известного историка и писателя, недавно умершего Станислава Лекарева, есть серьёзные основания полагать, что медийная империя Максвелла так или иначе использовалась для вывода на Запад партийных денег. В частности, С. Лекарев пишет: «С конца 80-х гг. с помощью Максвелла начинаются операции по “отмыванию” денег КПСС за границей. В этот период по

[93] Там же.

[94] Gordon T., Dillon M. Robert Maxwell, Israel's Superspy: The Life and Murder of a Media Mogul. Boston: DaCapo Press, 2003.

линии идеологической контрразведки с Максвеллом поддерживал контакт полковник Владимир Головин. Вскоре он неожиданно умер. Работал с Максвеллом и бывший сотрудник внешней контрразведки лондонской резидентуры, полковник Виктор Бредихин. И он скоропостижно скончался на работе. Ещё одним оперативным контактом Максвелла был контрразведчик полковник Вадим Бирюков, регулярно выезжавший в европейские страны для встречи с иностранной агентурой. Вскоре после гибели Максвелла Бирюков при невыясненных обстоятельствах был убит неизвестными лицами в московском гараже»[95].

Если сложить кусочки смальты в мозаику, то складывается твёрдое убеждение, что Максвелл поддерживал контакт не только между британским и советским истеблишментом, но и между советским истеблишментом и руководством государства Израиль, которое формально считалось врагом СССР и с которым, начиная с Шестидневной войны 1967 г. и вплоть до конца 1980-х годов, Советский Союз не поддерживал ни дипломатических, ни даже торговых или гуманитарных отношений.

Версию об убийстве Максвелла как спецоперации по зачистке ненужного свидетеля подтверждают эксперты Института судебной медицины Тель-Авива, где состоялось повторное вскрытие Максвелла после его загадочной смерти в открытом море. Согласно вердикту экспертов, смерть наступила вследствие насилия, причём характер множественных ранений, приведших к смерти, чётко указывал на почерк морского спецназа британского Адмиралтейства. Роберт Максвелл похоронен в Иерусалиме на кладбище для самых почётных героев нации. На его похоронах премьер-министр Израиля Ицхак Шамир сказал: «Он сделал для Израиля больше, чем можно сегодня, завтра и послезавтра сказать».

Вполне естественно, что в таких обстоятельствах Роберт Максвелл из делового партнёра для Александра Кинга быстро превратился в личность с сомнительной репутацией. Эта личность неизвестно как познакомилась с Кингом, непонятно как близко сошлась с Печчеи и предлагала им услуги сомнительного характера. Чего не напишешь на склоне лет, будучи настоящим британским джентльменом из высших кругов политико-разведывательного сообщества. В то же время некоторые весьма интересные эпизоды карьеры А. Кинга оказались вообще не упомянуты в его книге «Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека». Например, он ни словом не обмолвился о своей длительной вовлечённости в иранские дела в начале 1950-х годов. Об этой вовлечённости упоминается в книге мемуаров дочери А. Кинга Джейн. Упоминание носит скорее повествовательно-бытовой, а не содержательный характер. Однако благодаря описанным деталям можно сделать вывод о том, что А. Кинг впервые активно включился в дела Ирана в момент появления реальной угрозы национализации Англо-Иранской нефтяной компании. Завершился этот период свержением доктора Мосаддыка и переделом иранского нефтяного рынка. Можно предположить, что эта вовлечённость была обусловлена рядом уникальных компетенций А. Кинга:

– во-первых, наличием богатого и разностороннего опыта создания мультипредметных, межпрофессиональных, исследовательско-экспертных групп для анализа различного рода кризисных ситуаций и оказания поддержки в выработке ре-

[95] Лекарев С. Загадка смерти лорда Роберта Максвелла. Ликвидация агента четырёх разведок // Аргументы недели. М., 28.06.2007. http://argumenti.ru/print/espionage/n71/34859

шений правительству Её Величества. Эта функция прямо относилась к числу важнейших задач, которые решало министерство промышленности, где первым заместителем долгое время работал А. Кинг и где он возглавлял разведывательное подразделение;

– во-вторых, прочными формальными и неформальными связями в энергетическом секторе вообще и нефтяной промышленности в частности, охватывающем не только Великобританию, но и Соединённые Штаты и континентальную Европу. Эти связи были наработаны А. Кингом главным образом уже в послевоенный период и связаны с его активной вовлечённостью в работу комиссии по производительности и эффективности как рабочего органа Координационного совета плана Маршалла, где он представлял Великобританию;

– в-третьих, начиная с военных лет, во многом благодаря как собственным уникальным коммуникационным дарованиям, так и наследству агентурной сети Стивенсона как паттерна частной разведывательной сети Дарси, А. Кинг имел плотные доверительные отношения с руководителями американской военной и политической разведки. Причём в силу ментального склада гораздо более тесные отношения у А. Кинга сложились не с Диким Биллом — Уильямом Донованом, основателем УСС и первым директором ЦРУ, а с его преемником, человеком, который поставил разведку в Америке на профессиональную основу, Беделлом Смитом;

– и наконец, в-четвёртых, А. Кинг как правая рука Г. Тизарда и личный советник Г. Моррисона не мог не сыграть самой активной роли в решении вопроса о продаже СССР самых передовых на тот момент реактивных двигателей для истребителей, а также других уникальных ноу-хау в первые послевоенные годы. Вполне очевидно, что в роли главного научного советника, в том числе по вопросам ноу-хау и технологий промышленности, он не мог не участвовать в деликатных переговорах с советскими высокопоставленными деятелями, включая А. Микояна.

С учётом уникальности иранских событий 1951–1953 гг., которые в каком-то смысле задали матрицу структуры явных и скрытых межгосударственных и межэлитных взаимодействий на годы вперёд, в рамках данной работы имеет прямой смысл остановиться на внутренней подоплёке свержения Мосаддыка поподробнее. Тем более что открывшиеся в последние годы архивы позволяют не замыкаться на ставшей уже привычной точке зрения, а исследовать второе и даже третье дно этой судьбоносной ситуации.

Глава 3
Александр Кинг. Персидский опыт

1

Свержение правительства Мосаддыка в 1953 г. стало одной из рубежных точек мировой истории. Это событие многое высветило в системе взаимодействия наднациональных и национальных элитных групп. Поскольку к иранской ситуации на протяжении всего периода её развития имел прямое отношение Александр Кинг, имеет смысл детально разобраться в этом вопросе. Тем более, что до сегодняшнего дня, несмотря на всё многообразие оценок, остались не затронуты многие ключевые темы. Без их понимания невозможно адекватно оценить значение этого события и понять его историческую механику.

При всей неоднозначности оценок свержения правительства Мосаддыка можно выделить несколько принципиальных позиций. Первая из них принадлежит руководителю операции «Аякс», одному из ключевых работников ЦРУ того времени Кермиту Киму Рузвельту. В своей книге он писал, что «главной целью переворота было воспрепятствовать установлению советского господства в Иране. Мы останавливали коммунистов. Что же касается вопросов нефти, то они были, несомненно, важны, но второстепенны»[96].

В значительной степени сходную позицию занял и автор всемирного бестселлера «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть», лауреат Пулитцеровской премии Д. Ергин. В качестве важнейшей причины событий в Иране в начале 1950-х годов он выделил следующую: «В начале апреля 1946 года, когда Советы наконец начали выводить свои войска, американский посол в Москве поздно вечером отправился в Кремль на личную встречу со Сталиным. "Чего хочет Советский Союз, и как далеко собирается идти Россия?" — спросил посол. "Мы дальше не пойдём", — был не вполне утешительный ответ советского диктатора. Затем он описал попытки Советов расширить влияние в Иране как шаг по защите собственного нефтяного положения. "Нефтяные месторождения в Баку являются нашим основным источником снабжения, — сказал он, — они находятся рядом с иранской границей и совсем не защищены". Сталин, ставший революционером в Баку за четыре десятилетия до этого, добавил, что "саботажники, даже человек с коробкой спичек, могут нанести нам серьёзный урон. Мы не собираемся подвергать ри-

[96] Roosevelt K. Countercoup: Struggle for the Control of Iran. N.Y.: McGraw Hill Higher Education, 1981.

ску наше нефтяное снабжение". Фактически Сталин интересовался иранской нефтью. Советское производство нефти в 1945 году составляло только 60 процентов от уровня 1941 года. Во время войны страна в отчаянии мобилизовала ряд заменителей — от нефтяного импорта из Соединённых Штатов до работающих на древесине двигателей для грузовиков. Вскоре после войны Сталин беседовал со своим министром нефтяной промышленности Николаем Байбаковым (который впоследствии в течение двадцати лет отвечал за советскую экономику вплоть до 1985 года, когда Михаил Горбачёв снял его). Как всегда неправильно произнося его имя, Сталин спросил, что Советский Союз собирается предпринять для выправления положения с нефтью. Его нефтяные месторождения серьёзно пострадали и были истощены, и перспективы вряд ли предвиделись. Как можно перестроить экономику без нефти? Усилия должны быть удвоены, сказал диктатор»[97].

Прямо противоположную оценку свержению Мосаддыка давали советские историки-востоковеды. Так, в наиболее полной и адекватной книге по новейшей истории Ирана они сделали вывод о том, что «свержение Мосаддыка стало результатом неприкрытой агрессии США и Великобритании против иранского народа с целью подавить левые, демократические и национально-освободительные силы народа и лишить Иран его природных богатств»[98].

Автор наиболее популярной работы, посвящённой свержению правительства Мосаддыка, Стивен Кинзер, оценивает свержение Мосаддыка как результат столкновения восточного, традиционного ресурсного государства, пронизанного родовыми, клановыми и религиозными связями, построенного на клиентских отношениях, с западными транснациональными корпорациями, за спиной которых стояли наиболее могущественные организации тогдашнего мира[99].

В последние годы появилась принципиально новая трактовка событий в Иране, связывающая их с корпоратократией. Так, русский историк А.И. Фурсов пишет: «После Второй мировой войны на свет вышла молодая и очень хищная фракция мирового капиталистического класса — корпоратократия. Её первое явление миру — свержение правительства Мосаддыка в Иране в 1953 году, проведённое в угоду не государственным, а корпорационным интересам»[100].

Как это ни парадоксально, все приведённые выше точки зрения, хотя и в различной степени, базируются на фактах, характеризующих события, произошедшие в начале 1950-х годов в Иране. Для того чтобы за калейдоскопом фактов увидеть геополитические тенденции и прагматику конкретных действий элитных групп и держав, необходимо сделать небольшой экскурс в художественный бизнес.

Хорошо известно, что с появлением после Второй мировой войны эффективных средств неразрушающего анализа живописных полотен, обязательным стандартом при приобретении того или иного произведения искусства стала его магниторезонансная экспертиза.

[97] Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2013.

[98] Иран. Очерки новейшей истории. М.: Наука, 1976.

[99] Kinzer S. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. Hoboken, New Jersey. Wiley, 2008.

[100] Крушение СССР в контексте мировой борьбы за власть. Интервью А.И. Фурсова // КМ-ТВ 04.08. 2011.

Дело в том, что в XIV–XVIII вв. хорошие холсты и грунтовка в Европе были очень дороги. Поэтому художники средней руки зачастую использовали для своих полотен картины более ранних художников. Они наскоро обрабатывали написанные на старых холстах картины и использовали их как грунтовку для собственных полотен. Причём это происходило зачастую не раз, а два и даже три раза. В итоге зачастую под одним слоем живописи оказывалось ещё два–три. Причём, как правило, каждый следующий художник обладал меньшим дарованием, чем предыдущий, и использовал в качестве холста и грунтовки гораздо более ценные и с художественной, и с финансовой точки зрения произведения искусства. Сегодня насчитываются уже не десятки, а сотни случаев, когда под полотнами второ- и третьесортных художников обнаруживались картины не только малых голландцев, но и таких корифеев как Ван Эйк, Кранах, Брейгель и др.

Нечто похожее складывается и при анализе исторических источников. При должном внимании, наличии времени и незашоренном взгляде под слоем фактов первого порядка можно обнаружить объясняющие их факты второго и даже третьего порядка. Именно подобной исторической реставрацией мы и займёмся дальше.

Практически все авторы работ о свержении Мосаддыка, даже стоящие на диаметрально противоположных точках зрения относительно сути события, едины в оценке позиции и роли Советского Союза как антагониста западных держав и элитных группировок. Однако так ли это было на самом деле? Итог переворота 1953 г. в немалой степени был предопределён событиями, произошедшими семью годами ранее, в конце 1946 – начале 1947 гг. Из всего многообразия событий того времени необходимо выделить применительно к нашей теме три ключевых.

Прежде всего, в условиях катастрофического положения в британской экономике вновь избранное лейбористское правительство К. Эттли лихорадочно искало пути быстрого и стабильного пополнения государственной казны, не связанные с повышением налогов на и без того обескровленный войной британский бизнес. Естественно, взор был обращён на Англо-Иранскую нефтяную компанию (АИНК). Британское правительство потребовало увеличить от компании размеры поступающих в казну налогов и резко ограничить дивиденды, выплачиваемые частным акционерам. В результате, например, в 1948 г. Иран получил от АИНК концессионных платежей в сумме 9,2 млн. ф. ст., из них в качестве подоходного налога 1,3 млн. ф. ст. Британская же казна получила в качестве подоходного налога более 28 млн. ф. ст., а с учётом дивидендных платежей, приходившихся на государственные акции, более 40 млн. ф. ст. Иными словами, Британия получала от нефтяной компании средств в более чем четыре раза больше, чем Иран[101]. Но и это ещё не всё. АИНК была обязана снабжать британскую армию и флот нефтью и нефтепродуктами по льготным ценам, а также по аналогичным ценам передавать нефтепродукты американскому флоту в счёт расчётов по ленд-лизу. С учётом этих факторов сумма доходов Британии от АИНК была примерно в 6 раз больше, чем Ирана, и это различие продолжало нарастать в период с 1947 по 1952 г.[102]

Вторым судьбоносным событием стало разрешение так называемого южно-азербайджанского кризиса 1945–1946 гг. Как известно, во время Великой Отече-

[101] Иран. Очерки…

[102] Ергин Д. Ук. соч.

ственной войны территория Ирана была поделена на зоны советской и британской оккупации. Это произошло в результате необходимости противодействия чрезвычайно сильному влиянию Германии в Иране и пресечению пронацистского мятежа в этой стране с переходом Ирана на сторону стран Оси. Хорошо известно, что в советской оккупационной зоне была создана автономная, а фактически независимая республика Южного Азербайджана. Этнически эти районы населены не персами, как центральная и южная части Ирана, а в основном азербайджанцами, т.е. тюркским народом, а также курдскими племенами. Автономная республика имела собственное, ориентировавшееся на Советский Союз правительство, армию, военизированные и полицейские формирования, органы государственной власти, суды и т.п. В республике была фактически начата коллективизация, а также национализация построенных в основном немцами предприятий. В качестве расчётной единицы на территории Южного Азербайджана со столицей в Тебризе использовался советский рубль.

После окончания Второй мировой войны и вывода британских войск из Ирана Британия и главным образом Соединённые Штаты достаточно жёстко поставили вопрос о выводе советских войск, как это предусматривалось Ялтинскими Потсдамским соглашениями. В результате сложных дипломатических манёвров и взаимных уступок Советский Союз сначала вывел свои войска, а потом дал указание просоветским элементам в Южном Азербайджане прекратить сопротивление и согласиться на оккупацию с ликвидацией автономии. Хотя значительная часть лидеров Южного Азербайджана и руководителей курдских племён отказались капитулировать, их нерегулярные формирования и лишённые советской поддержки воинские единицы были быстро разбиты иранской армией, и Южный Азербайджан плотно интегрирован в Иран[103].

Касаясь итогов азербайджанского кризиса, Дж.П. Гасанлы, со ссылкой на документы КГБ СССР, отметил: «Иранский кризис привёл к необратимым геополитическим изменениям в этом регионе: традиционное место Великобритании постепенно занимали США. Следующий конфликт в регионе между СССР, Англией и США в связи с турецким вопросом проходил под знаком заметного обострения советско-американских отношений и вызвал к жизни «доктрину Трумэна», корни которой лежали в иранском опыте»[104].

Теперь относительно третьего ключевого обстоятельства. Практически ни одна исследовательская работа по Ирану не содержит анализа поистине тектонического значения привлечения в Иран в 1940-е годы американских консультантов по планированию. Более того, единственной серьёзной работой, в которой этот факт вообще отмечен в качестве существенного обстоятельства, является советская работа «Иран. Очерки новейшей истории»[105]. Что касается западных и прежде всего американских работ, то этот факт упоминается в числе прочих, что называется, через запятую. Между тем, появление американских планировщиков в Иране сыграло роль своеобразного триггера. Он привёл в действие цепь событий, разрешившихся свержением Мосаддыка и переделом рынка иранской нефти. Ещё в 1944 г. приезжавший в Иран Герберт Гувер-младший, сын бывшего президента США, встречался с шахом Ирана Мохаммадом Резой Пехлеви. В ходе встречи он рекомендовал, как это ни парадоксально, воспользоваться опытом не только администрации Ф.Д. Рузвельта, но и Советского Союза и разработать семилетний план развития Ирана.

[103] Гасанлы Дж.П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М.: Герои Отечества, 2006. Автор книги Дж.П. Гасанлы — известный азербайджанский исследователь, имеющий родственные связи с высшим руководством республики, написал свою работу на основе впервые рассекреченных документов различных советских архивов.

[104] Гасанлы Дж.П. Ук. соч.

[105] Иран. Очерки…

После завершения Второй мировой войны шах вернулся к этой теме и по рекомендации Гувера-младшего пригласил в качестве разработчиков семилетнего плана американскую фирму «Оверсиз Консалтантс», тесно связанную с нефтяной корпорацией «Стандарт Ойл оф Нью Джерси» и принадлежащую семье Рокфеллеров[106]. Нельзя не отметить, что эта же компания активно консультировала советских нефтяников фактически с первых дней основания этой отрасли в СССР, а затем принимала участие в разработке планов первой и второй пятилеток в СССР[107].

По прямому указанию шаха и при участии премьер-министра Ахмада Кавама «Оверсиз Консалтантс Инк» с привлечением ещё одной американской компании, тесно связанной со знаменитым американским промышленным проектировщиком А. Каном, «Моррисон Надсон Интернешнл Инжиниринг», в 1946–1947 гг. разработала семилетний план реконструкции и развития иранской экономики. Представляя его шаху и премьер-министру, руководитель рокфеллеровской компании Макс Торнберг подчеркнул, что единственным реальным источником финансирования необходимых Ирану объектов портового хозяйства, инфраструктуры и промышленных предприятий являются доходы от нефти. А это, по его мнению, требует восстановления справедливости и увеличения доли Ирана в доходах, получаемых от АИНК.

Масла в огонь иранского недовольства подлила и намеренная утечка, осуществлённая американцами относительно условий раздела доходов в другой крупнейшей нефтяной компании мира, базирующейся в Саудовской Аравии «Арамко». Там в результате напряжённых переговоров американцев во главе с одним из руководителей Госдепартамента Д. МакГи с королём Саудовской Аравии, главным советником которого был отец Кима Филби Г. Сент-Джон Филби, было достигнуто соглашение о распределении доходов между американцами и саудовцами по принципу «50 на 50». В результате, как пишет Д. Ергин, сложилось положение, при котором «никогда ещё державе, столь стремительно закатывающейся, не приписывалось столько злого умысла. Англичан считали какими-то сверхъестественными дьяволами, контролирующими и управляющими всей страной. Каждый иранский политик, независимо от политической окраски, нападал на своих врагов и противников, утверждал, что они британские агенты. Даже засуха, неурожаи, нашествия саранчи приписывались коварным замыслам умных англичан. Объектом, на котором, казалось, сконцентрировалась вся ненависть, было самое большое промышленное предприятие Ирана, главный источник валютных поступлений страны и вместе с

[106] Элвелл-Саттон, Лоренс Пол. Иранская нефть: К истории "политики силы". М.: Изд-во иностр. лит., 1956.

[107] Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930. Stanford: Stanford University Press, 1970; его же: Western Technology and Soviet Economic Development 1930 to 1945. Stanford: Stanford University Press, 1970.

тем чересчур заметный символ вторжения современного мира — “Англо-иранская нефтяная компания”»[108].

На волне, объединившей все слои общества ненависти к британцам и конкретно к АИНК, новым премьер-министром 28 апреля 1951 г. был избран враг № 1 АИНК доктор Мохаммад Мосаддык. Главным пунктом его программы была скорейшая национализация АИНК. Последовавшие за тем перипетии детально описаны в упомянутых книгах. Нам же важно отметить несколько обстоятельств. Прежде всего, сам Мохаммад Мосаддык хотя и был короткое время очень популярен в иранском обществе и по своему происхождению относился к высшей иранской аристократии, по воспитанию был типичным космополитом, «человеком мира». Он получил блестящее образование во Франции и Швейцарии. Многие члены его семьи после смерти Мосаддыка переехали жить во Францию, Великобританию и США. Кстати, практически все западные мемуаристы, включая таких известных личностей как Аверрел Гарриман и Дин Ачесон, отмечали светскость, обаяние Мосаддыка и его умение вести беседу. Черчилль в своих воспоминаниях называл его «блистательным доктором Моззи».

Взаимодействие с народными массами Мосаддыку обеспечивала очень могущественная фигура, длительное время поддерживавшая доктора — аятолла Кавани, лидер Фронта освобождения ислама. К личности аятоллы мы вернёмся позднее. Весьма часто и западные, и советские исследователи писали о том, что в своей деятельности Мосаддык опирался, прежде всего, на народно-демократические и даже левые круги, вплоть до партии коммунистической ориентации «Туде». Однако это не так. Причин тому было две. Одна из них лежала на поверхности. Мосаддык был националистом и интеллектуалом, тесно связанным со старой персидской аристократией. Его и любые левые движения разделяла просто непроходимая пропасть. Не Мосаддык искал поддержку у левых, а левые в начале 1950-х пытались использовать в своих интересах имя Мосаддыка. Вторая причина связана с тем, что Мосаддык рассчитывал балансировать на противоречиях интересов великих держав, прежде всего США, СССР и Великобритании. Потому ни в коей мере он не мог позволить себе сколько-нибудь заметное движение в сторону левых, а тем более прокоммунистической «Туде».

Наконец, чтобы закончить разговор о «Туде», нужно иметь в виду следующее важное обстоятельство. Начиная с 1950 г., все руководители этой партии находились в Советском Союзе. Более того, лишь благодаря определённым внешнеполитическим планам Л. Берии, которым не суждено было осуществиться, они оказались под его защитой и не были казнены как множество руководителей коммунистических и рабочих партий Восточной Европы в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Степень изоляции руководителей «Туде» от партии и от ситуации в мире была столь велика, что уже после кончины И.В. Сталина они направили ему телеграмму с пожеланием крепкого здоровья и скорейшего возвращения к активной деятельности на благо советского и иранского народов[109].

Прежде чем коснуться взаимоотношений правительства Мосаддыка с Советским Союзом, необходимо несколько слов сказать о причине иранского кризиса. Представляется, что наиболее верно указал на неё А.И. Фурсов, выделив принципиально нового актора на геоэкономическом театре политических действий — корпоратократию. Однако беспристрастный анализ не может не внести в данный подход определённую поправку. Наряду с поединком корпоратократии с национальным государством — Ираном, в Персидском кризисе без сомнения имела место борьба имперских образований — США и Великобритании.

[108] Ергин Д. Ук. соч.

[109] Гасанлы Дж.П. Ук. соч.

Эту подоплёку Персидского конфликта изначально, с момента прибытия в Тегеран Герберта Гувера-младшего как специального посланника Ф.Д. Рузвельта, понимали британцы. Вот что пишет по этому поводу Д. Ергин: «Но другие члены британского правительства настаивали на попытках разработать план вместе с американцами. 18 февраля 1944 года британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс почти два часа спорил с заместителем государственного секретаря Самнером Уэллсом о нефти и её будущем. Позже Галифакс в телеграмме, посланной в Лондон, сообщил, что “отношение американцев к нам шокирует”. Галифакс был так расстроен дискуссией в Государственном департаменте, что немедленно потребовал личной встречи с президентом. Рузвельт принял его в тот же самый вечер в Белом доме. Их беседа сосредоточилась на Ближнем Востоке. Пытаясь смягчить опасения и неудовольствие Галифакса, Рузвельт показал послу схему раздела по Ближнему Востоку. “Персидская нефть ваша, — сказал он послу. — Нефть Ирака и Кувейта мы поделим. Что касается нефти Саудовской Аравии, она наша”.

Набросок Рузвельта был недостаточен для снятия напряжения, ведь события предыдущих недель привели к обмену резкими посланиями между президентом и премьер-министром. 20 февраля 1944 года, всего лишь через час после ознакомления с докладами Галифакса о его встречах, Черчилль написал Рузвельту, что он с “возрастающим опасением” следит за телеграммами о нефти. “Стычка из-за нефти будет плохой прелюдией к тому потрясающему совместному предприятию, которое мы планируем начать и которое потребует и самопожертвования, — заявил он. — В наших определённых кругах есть опасение, что Соединённые Штаты стремятся отнять все наши нефтяные активы на Ближнем Востоке, от которых зависит в том числе и снабжение всего нашего военно-морского флота”. “Откровенно говоря, — писал он, — некоторые считают, что “нас выгоняют”»[110].

Теперь настало время, базируясь на архивных материалах, выяснить реальную роль СССР в свержении М. Мосаддыка и попробовать разобраться в причинах позиции, занятой Советским Союзом.

2

Став премьер-министром, Мосаддык заявил: «Доходами от нефти мы сможем удовлетворить все наши нужды и положить конец бедности. Невежеству и болезням, охватившим миллионы трудящихся страны. С ликвидацией компании будет уничтожен центр интриг, провокаций и вмешательства во внутренние дела, что позволит стране добиться экономической и политической независимости»[111].

[110] Ергин Д. Ук. соч.

[111] Оришев А.Б. Иран в политике нацистской Германии на Среднем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны: 1933–1943 гг. Дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2007.

Премьер-министр был не полевым командиром или народным трибуном, а европейски образованным человеком, хорошо понимающим хитросплетения мировой экономики. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что меры по национализации АИНК приведут к мощному противодействию, прежде всего, со стороны Великобритании. Она постарается отрезать Иран от финансирования, технического содействия, а главное — рынков сбыта нефти.

Чтобы предотвратить это, у Мосаддыка, вероятно, имелись план А и план Б. План А был связан с Советским Союзом. Памятуя о послевоенном интересе И. Сталина к иранской нефти, Мосаддык полагал, что сможет выдвинуть инициативы, которые заинтересуют Москву. Ещё в 1946 г. шахский режим предлагал в качестве своеобразной компенсации за решение южноазербайджанского кризиса предоставить СССР концессии по добыче нефти в Северном Иране. В немалой степени из-за нажима Великобритании и стоящими за ними США этому проекту не было суждено реализоваться в то время. Поэтому одним из первых предложений Мосаддыка стало предложение о предоставлении СССР нефтяной концессии в северных районах Ирана. Оно было сделано Мосаддыком сразу же после прихода к власти. Спустя короткое время он получил ответ от советского правительства. Ответ гласил: «Идя навстречу пожеланиям иранского правительства, советское правительство считает возможным своё предложение о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии в северных районах Ирана заменить предложением о создании советско-иранского смешанного общества по разведке, добыче и переработке нефти в Северном Иране с предоставлением советской стороне — 51% акций, а 49% — иранской стороне»[112].

Мы видим, что фактически на своё предложение иранцы получили отказ. При этом, прямо скажем, не в самой вежливой для них форме. Любой документ надо понимать в контексте исторической эпохи. Если рассмотреть советский ответ на иранское предложение в контексте американо-саудовского соглашения и документов по национализации АИНК, то станет понятна вся неприемлемость советского предложения, заранее направленного на отказ иранской стороны. Американо-саудовское соглашение по «Арамко» предполагало строгое следование принципу «фифти-фифти». Или, как говорят американцы, «ни хозяин, ни слуга». Этот же подход американцы предлагали иранцам и для урегулирования кризиса вокруг АИНК. Однако их предложения натолкнулись на противодействие, аргументированное тем, что в любом случае иранцы должны контролировать компанию. С учётом данных обстоятельств очевидно, что советская сторона не собиралась создавать никакого смешанного общества с правительством доктора Мосаддыка. Иранцам также было отказано в направлении в их страну инженерно-технических работников нефтяной промышленности СССР. Мотивировалось это — в значительной степени справедливо — неустойчивой политической и экономической обстановкой в стране, создающей угрозу жизни советских специалистов, а также невозможностью для советских специалистов взять на себя решение каких-либо технологических функций без урегулирования вопросов относительно структуры собственности и организационного строения компании.

[112] Гасанлы Дж.П. Ук. соч.

В условиях стремительно ухудшающегося финансово-экономического положения Ирана кабинет Мосаддыка встал на путь самостоятельного выхода на мировой рынок нефти, однако совершенно не преуспел в этом. Мировой нефтяной картель, в состав которого входила и «Бритиш Петролеум» — хозяин АИНК, фактически заблокировал не только финансовые расчёты по иранской нефти, но и возможности фрахта танкеров. Лишь три так называемых независимых компании из Италии, Греции и Нидерландов с 1951 по 1952 г. закупали относительно небольшие объёмы иранской нефти. Как впоследствии выяснилось, все три эти компании входили в большую сеть подставных коммерческих компаний ЦРУ. Смысл небольших закупок нефти состоял единственно в том, что полученные от продажи средства позволяли проводить текущий ремонт скважин и нефтеперерабатывающего оборудования. Иными словами, американцы обеспечивали сохранение ресурсной базы АИНК в работоспособном состоянии и не допускали техногенных катастроф, которые бы затруднили эксплуатацию после разрешения кризиса. В этих условиях иранское правительство опять же обратилось к Советскому Союзу. Как пишет видный отечественный ирановед С. Алиев: «Иранское правительство вступило в переговоры с СССР, Чехословакией, Венгрией и Афганистаном о поставках в эти страны иранской нефти. Однако в переговорах с представителями социалистических стран успехов достигнуть не удалось, прежде всего, из-за слишком осторожной политики Мосаддыка, который опасался вызвать новый конфликт с США и Англией»[113].

В реальности дело было не в Мосаддыке. Вот что мы читаем в недавно рассекреченных архивных документах: «Весной 1952 года между И. Садчиковым (послом СССР в Иране) и ближайшим сподвижником М. Мосаддыка аятоллой А. Кашани начались секретные переговоры по поводу советских закупок иранской нефти. 6 апреля 1952 года И. Садчиков встретился с Ш. Каземи — секретарём активного участника движения за национализацию нефтяной промышленности, позднее председателя иранского меджлиса А. Кашани. При этом Ш. Каземи сообщил министру иностранных дел Багиру Каземи ответы СССР по закупке иранской нефти. Кашани просил министра принять И. Садчикова и начать переговоры по продаже нефти Советскому Союзу. Б. Каземи ответил согласием. В то же время А. Кашани просил И. Садчикова при встрече с Б. Каземи подтвердить намерения СССР покупать иранскую нефть. А. Вышинский 11 апреля 1952 года информировал И. Сталина: "Кашани через своего секретаря передал И. Садчикову, чтобы в случае благополучного окончания переговоров о продаже нефти мы заверили иранское правительство, что эта покупка не будет использована как средство или повод к вмешательству во внутренние дела Ирана, и что если Иран в связи с продажей нам нефти подвергнется внешнему нажиму, то мы не оставим его без поддержки и окажем ему необходимую финансовую помощь"»[114].

После оценки этой информации из Тегерана МИД СССР подготовил для Садчикова конспект его ответов на переговорах с Б. Каземи и направил их для утверждения в ЦК ВКП(б). В этом конспекте значилось: «Первое. Если министр иностранных дел Каземи поставит перед Вами вопрос о продаже Советскому Союзу нефти

[113] Иран. Очерки….

[114] А. Вышинский – И. Сталину. 11.04.1952 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 95.

и нефтепродуктов, Вам следует дать ему ответ, аналогичный ответу, который Вы дали Кашани в соответствии с нашими указаниями в телеграмме № 106 от 23 марта, заявив, что мы сочувствуем положению, в котором находится в настоящее время Иран, и готовы купить иранскую нефть, но мы хотели бы получить конкретные предложения: какая имеется в виду к продаже нефть — сырая или переработанная в нефтепродукты и в какие именно и т. д. Скажите также, что с нефтеналивным флотом мы испытываем затруднения.

По вопросу о финансовой помощи Вам следует руководствоваться ранее данными указаниями (телеграмма № 74 от 9 марта), разъяснив, что этот вопрос связан с урегулированием взаимных финансовых претензий и что с советской стороны было сделано всё возможное, чтобы договориться с иранским правительством по этому вопросу. Если соглашение до сих пор не состоялось, то не по вине советской стороны.

Второе. Если Каземи также затронет вопрос о заверении с нашей стороны, что закупка иранской нефти не будет использована для вмешательства во внутренние дела Ирана, то Вам следует категорически отвести обсуждение этого вопроса, заявив, что предложение о таком заверении лишено всякого основания»[115].

Когда же иранцы в соответствии с пожеланиями передали спецификацию по предлагаемой поставке сырой нефти и нефтепродуктов, а также транспортные условия поставки, то послу И. Садчикову были даны указания не соглашаться с предлагаемыми вариантами, а требовать новых, ещё более льготных. Кроме того, советская сторона категорически отказывалась связываться с танкерным флотом и требовала поставки в порт на побережье Каспийского моря[116]. Такой транспортной логистики в то время у Ирана просто не было. Поэтому сколько-нибудь крупных поставок иранской нефти в СССР, решавших финансовые проблемы страны, осуществить на таких условиях было невозможно. Что же касается поставок в Венгрию, Чехословакию и Польшу, то их предлагалось осуществлять не при помощи танкеров, а через пункт на Каспийском море с последующей перегрузкой в нефтеналивные баржи. Иными словами, советская сторона вполне сознательно отказывалась от покупки у Ирана нефти и нефтепродуктов, и боязнь Мосаддыка США и Великобритании была совершенно ни причём.

Оказавшись в финансово безвыходном положении, правительство Мосаддыка искало внешние источники получения финансовых средств. Так, Мосаддык обращался лично к Гарри Трумэну с просьбой предоставить либо напрямую, либо через Международный валютный фонд заём в размере 120 млн. долларов, который позволил бы стране продержаться на плаву. Трумэн прямо не отверг это предложение, но обусловил предоставление займа разрешением кризиса вокруг АИНК.

И здесь мы прикасаемся к одному из самых поразительных сюжетов, связанных с Персидским кризисом. Дело в том, что в ходе оккупации советскими войсками Ирана ими был захвачен, а впоследствии перевезён на территорию СССР иранский государственный золотой запас в размере 11,2 тонн золота и 8,6 млн. долларов. Сразу после окончания Второй мировой войны шахские правительства неоднократно предпринимали попытки по возврату иранских золотовалютных ресурсов. Однако они наталкивались на стойкое неприятие Советского Союза, аргументировавшего свою позицию наличием многочисленных неурегулированных финансовых вопросов в ирано-советских отношениях. Естественно, одним из первых шагов правительства М. Мосаддыка стали усилия по возврату столь необходимого ему золотовалютного резерва. Реакция советской стороны на активность Мосаддыка была следующей: «Иранцы настаивают на передаче им золота в натуре и не соглашаются на компенсацию его стоимости товарными поставками, указывая, что золото по соглашению 1943 года является собственностью иранского государства, находится лишь на хранении в Госбанке СССР и составляет часть золотого обеспечения иранской валюты»[117]. 29 сентября 1951 г. А. Вышинский, А. Зверев и М. Меньшиков в очередном отчёте на имя И. Сталина отмечали, что на завершившемся втором этапе переговоров «иранская сторона никаких серьёзных дополнительных уступок не сделала»[118]. На этом основании соответствующие советские министерства выступили против подписания заключительного протокола в противовес тому, что предлагали Садчиков и Чечулин. В решении ЦК ВКП(б), направленном Садчикову, Чечулину и Кузнецову, указывалось: «Переговоры показали, что в настоящее время нет оснований рассчитывать на достижение соглашения с иранцами на приемлемой для нас основе. Что же касается ваших рассуждений относительно целесообразности некоторых уступок иранской стороне в отступление от данных вам директив, то мы считаем их неправильными и совершенно неприемлемыми. Мы не собираемся идти ни на какие уступки сверх предусмотренных этими директивами. Ввиду занятой иранцами позиции продолжение переговоров считаем нецелесообразным. Однако, прекращение переговоров надо провести в соответствующей тактичной форме»[119].

Первое время Мосаддык был склонен к сближению с СССР. Через Ф. Ипекчиана, который был близок и к нему, и к СССР, он пытался дать это почувствовать И. Садчикову. Однако советское руководство не верило в искренность Мосаддыка. Ознакомившись с материалами переговоров с иранским премьером и его посредниками, Политбюро обсудило этот вопрос 26 сентября 1951 г. и поручило Советскому послу в Тегеране быть осмотрительным в отношении Мосаддыка. В указаниях Политбюро И. Садчикову читаем: «Из Ваших бесед с Мосаддыком и его посредниками видно, что Вы всерьёз принимаете разговоры Мосаддыка о его якобы стремлении договориться с нами по финансовым претензиям и улучшить отношения с Советским Союзом. Вы, видимо, не поняли того, что Мосаддык, засылая к Вам своих посредников, вроде Ипекчиана, с советами воспользоваться создавшимся у Мосаддыка положением и пойти с ним на сближение, просто шантажирует американцев и пытается использовать Вас в своей игре с англичанами и американцами»[120].

[115] Постановление ЦК ВКП(б) «Об указании послу СССР в Иране». Апрель, 1952 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 98.

[116] Из дневника И. Садчикова. АВП РФ, ф. 094, оп. 55, п. 388, д. 8.

[117] А. Вышинский, А. Зверев, М. Меньшиков – И. Сталину. 14.09.1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 10.

[118] А. Вышинский, А. Зверев, М. Меньшиков – И. Сталину. 29.09.1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 21.

[119] Постановление ЦК ВКП(б) «Об утверждении указания тт. Садчикову и Чечулину. Сентябрь, 1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 25.

[120] Решение Политбюро об указаниях Садчикову в связи с его беседами с Мосаддыком и Ипекчианом. 25.10.1951 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 46, л. 195–196.

В связи с этим весьма показательна дальнейшая судьба иранских золотовалютных резервов. Спустя очень короткое время после свержения М. Мосаддыка, возвращения в страну шаха Реза Пехлеви и заключения соглашения между правительством, возглавлявшимся бывшим нацистским агентом генералом Фазлоллой Захеди, и международным нефтяным картелем о возобновлении деятельности АИНК, Советский Союз передал правительству Захеди иранские золотовалютные резервы.

Представляется, что приведённые архивные документы позволяют без излишнего упрощения посмотреть на движущие силы свержения правительства Мосаддыка. Вполне очевидно, что Мосаддыка свергла не только корпоратократия, а коалиционные силы, явно включающие в себя наряду с корпоратократией, американскую и британскую бюрократию, а в неявном, но оттого не менее важном виде, и советскую партийную номенклатуру. Причём произошло это отнюдь не во время Брежнева и Горбачёва, а тогда, когда у руля государства ещё находился И.В. Сталин. При этом, несомненно, ошибочным будет вывод о том, что СССР выполнял роль подручного западных держав и корпоратократии. Это отнюдь не так. Вполне очевидно, что СССР в лице его правящей номенклатуры преследовал собственные интересы, которые в конкретное время и в конкретном геополитическом месте совпали с интересами англосаксонских держав и нефтяной корпоратократии.

В качестве прямой иллюстрации данного вывода можно привести крайнюю осторожность, если не сказать больше, прежде всего американцев, а в значительной степени и британцев в отношении восстания летом 1953 г. в ГДР, которое, кстати, по мнению многих бывших офицеров Штази, было спровоцировано в значительной степени высшим руководством СЕПГ во главе с В. Ульбрихтом. Не считая радиопередач, которые быстро приобрели достаточно сдержанную форму, американцы не сделали ничего, что помешало бы советским войскам подавить мятеж в Берлине и в провинциях[121].

В более широком плане необходимо подчеркнуть, что с первых дней пребывания у власти И.В. Сталин показал себя в международных отношениях, а также в межэлитных взаимодействиях как системный актор, строго придерживающийся подписанных соглашений, неформальных договорённостей и неписаных норм элитного взаимодействия. Лучшим доказательством данного вывода является предельная сдержанность И.В. Сталина и уважение им писаных и неписаных договорённостей, включая тайные, никогда не оформленные соглашения с элитными группами, прежде всего США, и, возможно, Германии. Наиболее ярко, подробно, с множеством деталей и скрупулёзной фактографией описал это известный противник И.В. Сталина, один из самых популярных не только в СССР, но и в мире публицистов своего времени, без сомнения конфидент определённой части советских разведывательных кругов, Эрнст Генри в своей работе «К вопросу о внешней политике Сталина»[122]. В частности, в книге описывается сдержанность и более того, прямое воздействие Сталина на руководство коммунистических партий Франции и Италии с целью блокировки их попыток прихода к власти самостоятельно или в составе широких коалиций. В этой же работе подробно описываются перипетии вокруг трагического греческого восстания и т.п.

[121] Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 года в Германии. М.: Олма, 2004.

[122] К вопросу о внешней политике Сталина (записка) // Прометей. М.: Русский раритет, 2007.

Иными словами, несмотря на появившиеся в последнее время бездоказательные работы об имевшем место якобы стремлении Сталина перекроить политическую карту послевоенного мироустройства, согласованную в Ялте и Потсдаме, и приписать ему агрессивные намерения вплоть до идеи развязывания Третьей мировой войны, И.В. Сталин в своей послевоенной политике строго, можно даже сказать, скрупулёзно, придерживался открытых и тайных договоренностей, прежде всего с США, достигнутых в конце войны и первый послевоенный год.

Может возникнуть вопрос, а как же с этим согласуется Корейская война с прямым участием советских лётчиков в боях с американской авиацией над Корейским полуостровом. Ещё в 1990-е годы китайские историки рассказывали автору о том, что якобы И.В. Сталин неоднократно писал Мао Цзэдуну о желании выйти из Ялтинских договорённостей и перейти к отбрасыванию мирового империализма по всем фронтам, не боясь горячих войн. В последние годы в Китае опубликован ряд работ, где излагается подобная точка зрения. Однако ни в устных беседах, ни в опубликованных работах никто не привёл ни одной ссылки на какой-либо документ. Более того, в опубликованных фундаментальных работах, посвящённых предыстории Корейской войны[123], указывается, что главными интересантами горячей войны на Корейском полуострове были именно китайские товарищи, которые фактически дали гарантии Ким Ир Сену в том, что не только обеспечат полную военную поддержку, включая посылку войск, но и гарантируют в случае необходимости вовлечение в конфликт Советского Союза, вплоть до применения им тактического ядерного оружия.

Сходной точки зрения придерживаются и американские авторы, анализирующие взаимоотношения в российской партийной элите в послевоенный период. Скрупулёзно сравнивая осуществление тех или иных шагов по эскалации корейского конфликта с известными из архивных источников сводками и другими косвенными документами о здоровье И.В. Сталина, они делают вывод о том, что решение о вовлечении СССР в военный конфликт было сделано в период тяжёлой болезни Сталина предположительно Булганиным, Маленковым и Хрущёвым при поддержке военных и при противодействии Л. Берии и А. Микояна.

Учитывая, что сразу же после Корейской войны Мао Цзэдун неоднократно обращался с личной просьбой к советскому руководству предоставить Китаю ядерное оружие и документацию по его производству, можно с чрезвычайно высокой степенью вероятности утверждать, что как сам И.В. Сталин, так и часть группировок в высшем партийном руководстве в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов исходили из принципа необходимости соблюдения системных договорённостей как на межгосударственном, так и на межэлитном уровнях вне зависимости от письменной фиксации.

[123] Стьюк У. Корейская война. М.: АСТ, 2002; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Роспэн, 2011.

3

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что с первых дней деятельности правительства Мосаддыка Советский Союз занял по форме осторожно-нейтральную, а по содержанию враждебную позицию к этому режиму. Соответственно, возникает вопрос, а не было ли у правительства Мосаддыка наряду с планом А плана Б? Представляется, что такой план существовал или по крайней мере мог существовать. Подходя к анализу этого плана, необходимо отдавать себе отчёт в следующем. Если сведения относительно плана А задокументированы и выдерживают жёсткую перекрёстную проверку на основе привлечения материалов государственных архивов различных стран, то с планом Б ситуация во много раз сложнее. Положа руку на сердце, можно сказать, что излагаемый план Б — не более чем гипотеза, не имеющая прямых подтверждений. Однако в её пользу говорит множество появившихся относительно недавно совершенно поразительных документов, которые в своей совокупности заставляют по-новому посмотреть на историю послевоенного мира.

Системообразующим событием иранской драмы стала, без сомнения, национализация АИНК. Именно в её контексте и следует искать следы плана Б. При этом, как скоро поймёт читатель ни одной из сторон, участвующих в кризисе, который произошёл более 60 лет назад, до сих пор нет нужды в обнаружении этих следов по вполне очевидным причинам.

XX век видел множество национализаций. Большая часть из них осуществлялась под благородными лозунгами, как правило, связанными с социальной справедливостью и заботой о народных интересах. Однако в большинстве случаев эти национализации заканчивались сначала резким снижением эффективности соответствующих предприятий и компаний, а затем их банкротством с последующей экономической неразберихой, а иногда и крахом экономики целых стран. Данные факты ни в коей мере не свидетельствуют о том, что частная собственность более эффективна, чем государственная, а предпринимательское управление всегда лучше административного. На самом деле в экономике и политике, как и в обыденной жизни, нет панацеи и то, что для русского хорошо, для немца — смерть. Иными словами, продуктивность национализации, так же, как и любых политико-экономических решений, зависит от контекста, в который они вписаны, от времени и места, от определённых тенденций национальной, региональной и мировой динамики. В то же время приходится констатировать, что в большинстве случаев национализации проводились людьми, мало смыслящими в экономике, управлении и стратегической политике. Поэтому и в Африке, и в Азии, и в Латинской Америке национализации, осуществлённые дилетантами, в итоге превращались в очередную иллюстрацию известной максимы: дорога в ад вымощена благими намерениями.

В случае Ирана, однако, несмотря на гибельные последствия национализации АИНК, мы имеем дело с принципиально другой ситуацией. Персидскую национализацию задумали и осуществляли грамотные, умные и высокообразованные люди, детально разбирающиеся в предмете. Иное было бы удивительным, поскольку Иран — это отнюдь не Того или Габон, где 25-летний сержант, не окончивший даже средней школы и силами одной роты осуществивший государственный переворот, национализировал нефтяные поля, принадлежащие «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси». Персия — это страна с культурой и интеллектуальными традициями, насчитывающими даже не столетия, а тысячелетия, чья элита совмещала глубокое знание исламской логики и математики с персидской традицией административного управления и европейским образованием, полученным в лучших университетах Франции, Великобритании и Германии. Уж в чём в чём, а в хитрости, осмотрительности и умении играть в политэкономические шахматы персам никогда никто не отказывал.

В связи с этим встаёт вопрос: на что же рассчитывали доктор Мосаддык, стоящий за его спиной аятолла, шейх и муджтахид Сеид Абдул Касем Кашани, сильный человек Ирана генерал Захеди и молодой шах Мохаммад Реза Пехлеви? Следует констатировать, что все они в силу разных причин буквально ненавидели Великобританию, плохо относились к СССР и не испытывали особых иллюзий по поводу Соединённых Штатов Америки, считая их неразрывно связанными с Великобританией. Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к иранской истории конца 1920-х – начала 1950-х годов. В конце 1920-х годов в Иран, так же как в СССР и чуть позднее в Китай, пришли люди «чёрного рейхсвера», а также немецкие промышленники, для которых после Версаля были закрыты рынки Западной Европы, Соединённых Штатов и колониальных владений великих держав. Инфильтрация военного, экономического, а затем и политического влияния Германии, взявшая старт в 1920-е годы, резко активизировалась с приходом к власти Гитлера. Иран фактически с первых месяцев прихода нацистов к власти стал одной из ключевых зон их экспансии на Восток.

Это объяснялось рядом обстоятельств. В первую очередь речь должна идти об экономике, когда германское государство стало максимально поддерживать укрепляющие свои позиции в Иране немецкие фирмы. Другим направлением были геополитические соображения. В соответствии с доктриной Хаусхофера[124], которая при помощи второго человека в партии того времени Р. Гесса стала по существу основой внешней политики нацизма, Иран и Афганистан рассматривались как ключ к Хартленду и к победе над Британской империей. Наконец, свою роль играли и технологические соображения. В Иране, вдалеке от глаз европейских и американских конкурентов, немецкие компании, в первую очередь специализирующиеся в области химии, нефтехимии и проч., могли опробовать разработанные в Германии новые решения[125]. К середине 1930-х годов германская политика в Иране приобрела системный, даже своего рода тотальный характер.

Неоценимое значение для структурирования основных направлений германской активности в Иране имеет недавно изданная монография А.Б. Оришева, написанная на основе ранее секретных документов из Архива Службы внешней разведки России, Архива внешней политики Российской Федерации и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации[126].

Основными составляющими системы долговременной политики нацистской Германии в Иране стали:

[124] Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001; Васильченко А. Сумрачный гений III рейха. Карл Хаусхофер. Человек, стоявший за Гитлером. М.: Вече, 2013.

[125] Оришев А.Б. Иран в политике нацистской Германии…

[126] Оришев А.Б. Тайные миссии Абвера и СД в Иране: из секретных досье разведки. М.: Московский институт юриспруденции, 2006.

– во-первых, то что решающий вклад в первичную индустриализацию Ирана прежде всего в отраслях, обслуживающих армию, производство продукции для нефтяной промышленности, нефтехимию и т.п. внесли немецкие фирмы. Особенно этот процесс активизировался с 1936 г., когда Иран посетил министр экономики Германии Ялмар Шахт. В течение трёх недель, пока длился визит, он имел многочисленные встречи с шахом, его сыном-подростком (будущим шахом Мохаммадом Резой Пехлеви), которому подарил многочисленные модели кораблей и самолётов, с представителями богатейших торговых и финансовых семей Ирана. После визита особую активность на иранском рынке стали проявлять такие структуры, как IGFarben, Krupp, MVGи т.п.;

– во-вторых, тот факт, что Германия взяла на себя содействие в повышении эффективности шахской администрации и подготовке управленческих кадров в Иране. Это стало результатом многочисленных бесед между Реза-шахом и германским посланником в Тегеране В. Блюхером. В 1935 г. шах, в частности, заявил: «Авторитарная форма правления в настоящее время является единственно возможной. В противном случае народы погрузятся в коммунизм. Прежние германские правительства не удовлетворяли обоснованные персидские желания. Из-за этого страдали наши отношения. Но нынешнее германское правительство понимает интересы Персии. С тех пор, как она находится у власти, началось благоприятное развитие персидско-германских отношений. Особенно для нас важно участие германской промышленности в модернизации Ирана, помощь первоклассных германских специалистов в налаживании государственного управления Персии, преодолении процветающей пока у нас коррупции и некомпетентности»[127];

– в-третьих, Германия в период с 1935 по 1941 г. направила десятки учителей и преподавателей высших учебных заведений в Иран. В результате директорами лучших школ Ирана, где учились дети элиты, а также заведующими кафедрами по естественным и общественным наукам лучших светских учебных заведений Ирана стали немцы. Кроме того, Германия ежегодно выделяла значительные средства на приём преподавателей, других представителей интеллектуальной элиты Ирана, а также студентов в германских университетах. В рамках профессорско-преподавательского обмена Германию дважды в тридцатые годы посещал доктор Мосаддык;

– в-четвёртых, издание в 1936 г. Гитлером специального акта, согласно которому персы признавались арийцами. Более того, в документе содержались указания на то, что немецкий народ и его предки — готы — являются выходцами из Ирана. В рамках реализации этого решения было создано германское общество Ближнего и Среднего Востока, финансируемое ведущими германскими корпорациями и прежде всего IG Farben. Геополитики из команды Хаусхофера в поисках мощного идеологического оружия разработали и инкорпорировали в Иран принципиально новую концептуальную конструкцию. Суть её состояла в том, что шиитское направление ислама было объявлено истинно арийской религией, адаптирующей арийские ценности к конкретным персидским условиям и противостоящей арабскому — суннитскому исламу семитского толка. В рамках этого подхода в сотрудничестве с шиитским духовенством немцы открыли в Германии сеть хорошо оснащённых больниц

[127] Blucher W., von. Zeitwende in Iran: Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach an der Riss. Leipzig: Koehler & Voigtlander, 1949.

для бедных, где немецкие врачи бесплатно лечили представителей неимущих слоёв городского и сельского населения.

Дополнительно к этому немецкие фирмы, ведущие строительство своих предприятий в Иране через шиитские мечети, раздавали денежные подарки верующим от братского арийского народа Германии. Соответственно, немцам удалось установить теснейшие взаимоотношения с шиитским духовенством. Это было особенно важно в конкретных условиях Ирана того времени, поскольку сам Реза-шах занимал достаточно жёсткую антиклерикальную политику и опасался шиитского духовенства. Однако он ничего не имел против деятельности немецких компаний и благотворительных немецких организаций, поддержанных крупным бизнесом. Более того, он достаточно быстро понял выгоды такого революционного подхода к шиизму как способу адаптации традиционных мусульманских обычаев к персидской специфике. В итоге он настолько проникся предложенной ему идеологемой, что в середине 1930-х годов переименовал Персию в Иран, что буквально означает — «страна ариев»;

– в-пятых, германская разведка, внешнеполитические структуры и идеологи особое внимание в соответствии с пожеланиями шаха уделили молодёжи. В 1937 г. Иран посетил Бальдур фон Ширах, глава Гитлерюгенда. После его визита было принято решение о разворачивании в Иране ячеек движения, скопированного с немецкого идеолого-спортивного движения «Радость через силу». Германия как по государственной линии, так и по линии крупных корпораций, работающих в Иране, сначала создала, а потом взяла на дотацию спортивные, прежде всего борцовские и гимнастические клубы в Тегеране и других крупных городах страны.

Иными словами, к началу Второй мировой войны нацистской Германии удалось проникнуть буквально во все сферы и слои иранского общества. Причём, надо признать, в результате системной, многообразной и, без сомнения, изобретательной, учитывающей особенности Ирана работы, немцам удалось сформировать в самых различных слоях иранского общества устойчивые прогерманские симпатии, которые не изменились даже в ходе войны и сохранились после поражения нацистской Германии. В ситуации сильных прогерманских настроений в подавляющем большинстве слоёв иранского общества и глубокой инфильтрации нацистских разведывательных служб в персидскую элиту неудивительными были тесные связи основных участников иранской драмы с послевоенным Нацистским интернационалом.

При всей важности Мосаддыка для судеб Ирана и событий, связанных с национализацией АИНК, он в немалой степени был фронтменом мощного движения, с одной стороны, выражавшего интересы светско-религиозной элиты Ирана, а с другой — пользовавшегося поддержкой иранской бедноты, находящейся под определяющим влиянием шиитского духовенства. Что касается самого Мосаддыка, то по своему складу он, как уже говорилось, несомненно являлся космополитом, «человеком мира»; в этом смысле он был и идеологически, и прагматически противоположен нацистско-ориентированным кругам. Однако, как истинный перс, он руководствовался общемировым правилом: враг моего врага — мой друг. Поскольку Мосаддык ещё с 1920-х годов, когда он впервые стал министром, видел своим главным врагом Великобританию, то в политической деятельности он ориентировался, прежде всего, на врагов Великобритании. Причём, как настоящий перс, уста-

навливал контакты и взаимодействовал с ними не напрямую, а через своё доверенное ближайшее окружение, которое не менялось у него десятилетиями[128]. Например, одну из ключевых ролей в разработке экономической политики правительства Мосаддыка играл его многолетний советник по экономическим вопросам Т. Ферюзи. Ферюзи, по данным партии «Туде», ещё до войны начал тесно сотрудничать с германской разведкой, а после поражения нацистской Германии продолжал активно взаимодействовать с германскими фирмами, для чего неоднократно выезжал в Европу. Согласно расследованиям Дэвида Престона, базирующимся на рассекреченных документах Управления стратегических служб и американского Казначейства относительно Франсуа Жену, Ферюзи входил в состав международной шпионской сети «ZEFIC», созданной IG Farben и после окончания войны обслуживающей нужды Нацистского интернационала.

Ключевой фигурой в движении «Национальный фронт», приведшим Мосаддыка к посту премьер-министра, и в борьбе за национализацию АИНК был, без сомнения, аятолла Кашани. Именно с организованного аятоллой Кашани и его фронтом «За освобождение ислама» митинга в мечети «Шах» 26 января 1951 г., ставшего самым массовым митингом в истории Ирана, события, приведшие к национализации АИНК, приобрели необратимый характер. Именно Кашани был серым кардиналом режима Мосаддыка. Именно он обеспечивал правительству контакты с высшей религиозно-светской элитой Ирана и одновременно беспрекословную мобилизацию городской бедноты и среднего класса, для которых шиитское духовенство было главным и единственным авторитетом в жизни.

В отношении Кашани нельзя не отметить, что во время Второй мировой войны, уже после введения в Иран советских и английских войск, он теснейшим образом сотрудничал с резидентом Абвера Францем Майером. Кашани стал ключевой фигурой созданного Ф. Майером подпольного прогерманского движения «Меллиюне Иран» — «Националисты Ирана». Кстати, члены именно этого движения составили ядро движения «Национальный фронт», приведшего к власти М. Мосаддыка. Кроме того, Кашани вошёл в состав сформированного всё тем же Ф. Майером «Комитета ислама»[129]. Комитет ставил перед собой следующие задачи:

– создание «регулярных» организаций во всех провинциях страны;

– установление связей с центрами мусульманского духовенства соседних стран;

– уведомление о новом правительстве, противопоставляемом центральному правительству, через духовенство страны, призыв к священной войне и создание недовольства политикой большевиков и англичан.

Теснейшие связи с нацистами имел и генерал Фазлолла Захеди. Вот как характеризует его Д. Ергин: «Генерал Фозаллах[130] Захеди, которого ЦРУ избрало для замены Мосаддыка, был тоже персонажем, достойным занять место в детективном романе. Высокий ростом, красавец и дамский угодник, он сражался с большевика-

[128] De Bellaigue C. Patriot of Persia: Muhammad Mossadegh and a Tragic Anglo-American Coup. N.Y.: Harper Perennial, 2013.

[129] Победит тот, кто будет владеть Востоком. Из дневника немецкого разведчика Ф. Майера. Иран. 1941–1942 гг. // Отечественные архивы. 2003. № 3. (Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Б. Оришева.)

[130] Так у Д. Ергина.

ми, был захвачен курдами и в 1942 году выкраден англичанами, которые подозревали, что он замешан в связях с немецкими фашистами. Во время Второй мировой войны англичане и русские совместно оккупировали Иран. Английские агенты, захватившие генерала, утверждали, что в его спальне нашли следующее: коллекцию немецкого автоматического оружия, шёлковое нательное белье, немного опиума, письма от немецких парашютистов, действовавших в горах, и иллюстрированный каталог самых шикарных проституток Тегерана»[131]. К приведённой характеристике можно добавить, что, по мнению как сторонников, так и непримиримых противников Захеди, он отличался личной храбростью, недюжинным умом и редкостной изворотливостью.

Наконец, нельзя не сказать несколько слов о шахине Сорейе. По мнению автора секретного доклада «Свержение премьер-министра Ирана Мосаддыка», написанного в 1954 г. сотрудником ЦРУ Доналдом Уилбером и преданного гласности лишь в 1969 г., именно шахиня Сорейя обеспечила для Кермита Кима Рузвельта необходимые успешные взаимодействия с шахом во время подготовки и осуществления переворота. Мать молодой шахини была немкой, попавшей в Иран по контракту с одной из германских фирм. По мнению осведомлённых источников, она на протяжении всей своей жизни поддерживала тесные связи с Германией и по мере своих возможностей оказывала услуги специальным службам как на государственном, так и на корпоративном уровне. Сорейя, согласно воспоминаниям, была весьма близка к матери как во время брака с шахом, так и после развода, произошедшего по династическим причинам[132].

Это отнюдь не все и даже не главные доказательства нацистского следа в иранских событиях. Есть и более серьёзные аргументы. Начнём с того, что постараемся ответить на вопрос, почему именно на Кермита Кима Рузвельта пал выбор американской политико-разведывательной элиты, почему именно ему была доверена миссия по свержению Мосаддыка.

Если мы откроем авторитетное издание — Энциклопедию спецслужб — и конкретно том, посвящённый ЦРУ и другим спецслужбам США, то обнаружим следующее: «Кермит Рузвельт. 16 февраля 1916 – 8 июня 2000. Внук президента США Теодора Рузвельта. Преподавал историю в Гарвардском университете. Одновременно состоял в «Комнате» — основанной в 1927 г. Винсентом Астором, тайной организации состоятельных американцев, занимавшихся тем, что добывали по неофициальным каналам разведданные и передавали их высокопоставленным представителям государства. После начала 2-й мировой войны был принят на службу в УСС и направлен на Средний Восток. После создания ЦРУ стал его сотрудником. Являлся признанным специалистом по Среднему Востоку. В 1953 г. разработал и возглавил операцию по свержению правительства иранского премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка. За её успешное выполнение был тайно награждён “Медалью национальной безопасности”. Позднее после увольнения из ЦРУ был вице-президентом нефтяной компании “Галф ойл”»[133].

[131] Ергин Д. Ук. соч.

[132] Soraya Esfandiary Bakhtiary. Le palais des solitudes. Neuilly-sur-Seine: Lafon, 1991.

[133] Пыхалов И.В. ЦРУ и другие спецслужбы США. М.: Эксмо, Яуза, 2010.

Приведённая выдержка из энциклопедии имеет две очень серьёзных неточности. Первая неточность заключается в том, что Кермит Ким был специалистом прежде всего по Ближнему Востоку. Автор же энциклопедической статьи, решив, что коль скоро Рузвельт был направлен руководить операцией «Аякс», то специалистом он должен быть именно по Среднему Востоку, где расположен Иран, а отнюдь не по Ближнему Востоку, где он работал определённый период своей карьеры.

Ещё более забавна вторая ошибка. Кермит Ким не был участником «Комнаты», которая собственно не являлась чисто разведывательной организацией и не передавала сведения каким-то высокопоставленным представителям государства. В 1927 г. Кермиту Киму было 16 лет и он благополучно завершал обучение в элитной американской школе, а затем, как справедливо указывает автор, преподавал историю в университете.

Теперь настало время ответить на поставленный вопрос относительно выбора Кермита Кима. Он был действительно в значительной мере связан с «Комнатой». Однако не просто участником, а основателем «Комнаты» был не Кермит Ким Рузвельт, а его отец Кермит Рузвельт. Кермит Ким Рузвельт на протяжении всей своей жизни находился под огромным интеллектуальным и человеческим влиянием своего отца, являвшимся одним из наиболее ярких людей первой половины XX века в Америке. Кроме того, Кермит Ким с юных лет теснейшим образом общался с друзьями отца и в значительной степени унаследовал отцовские связи не только в США, но и что более важно, в Великобритании. Чтобы был понятен характер этих связей и то, почему они предопределили назначение Кима в Тегеран, надо коротко остановиться на теме «Комнаты». Наиболее подробно её разработал профессор университета Руттерса Джефри Дорварт в своей статье «Шпионское кольцо Рузвельта-Астора»[134].

Прежде всего организацию Астора нельзя назвать исключительно частной разведывательной организацией. Её функции были несколько шире. Наряду с получением для Рузвельта эксклюзивной информации относительно наиболее важных внешнеполитических событий эта неформальная организация выполняла функции по мобилизации денежных средств в пользу Ф.Д. Рузвельта и оказывала ему лоббистские услуги. Основателем организации был представитель одной из самых могущественных семей Европы и Великобритании того времени Винсент Астор. Формально большую часть своей жизни он занимался различного рода, как теперь принято говорить, социальными и благотворительными программами, а также поощрением наук и искусств. Фактически же, будучи одним из ближайших старинных друзей Ф.Д. Рузвельта, он создал для него частную политико-разведывательную структуру. В финансово-разведывательную организацию он привлёк таких чрезвычайно влиятельных людей, как банкира Уинтропа Элдрича, Эндрю Меллона-младшего, одного из самых популярных в то время врачей Е. Хилхауза, спортивного кумира 1920–1930 гг., многократного победителя Уимблдона Р. Финка, управляющего банком Варбургов Джорджа Фишера Бейкера-младшего, адвоката Ялмара Шахта, Фредерика Калвера и ряд других не менее известных или даже знаменитых людей. Обращает внимание на себя тот факт, что в число участников «Комнаты» входил Уинтроп Элдрич, человек, который вместе с Полем Варбургом и полковником Хаусом сыграл решающую роль в создании Федеральной резервной системы США.

[134] Dorwart J.M. The Roosevelt-Astor Espionage Ring // New York History Quarterly Journal of New York State Historical Association. N.Y., 1981. Vol. 62, No. 3.

На протяжении конца 1920-х и всех 1930-х годов «Комната» не только мобилизовывала в пользу Рузвельта значительные денежные фонды, но и снабжала его первоклассной разведывательной информацией. Причём очевидно, что делалось всё это за собственный счёт, в качестве своего рода дружеских услуг многообещающему политику, а затем президенту США. Особенно большой поток достоверной, можно даже сказать эксклюзивной информации поступал от участников «Комнаты» относительно германских дел, планов А. Гитлера и ситуации в нацистской партии. С одной стороны, этому способствовали такие люди, как Ф. Карвер, Э. Меллон и т.п., а с другой — Винсент Астор был очень близок со своей родственницей, знаменитой Леди Нэнси Астор, которая была центром группы пронацистски настроенных британских политиков. Её усадьба Клайвден стала центром британских германофилов и сторонников Гитлера. Именно там устанавливались теснейшие связи представителей британского и американского истеблишмента с высшими чиновниками и функционерами нацистской партии.

Как отмечал в своих воспоминаниях Кермит Ким Рузвельт, именно отцу и его друзьям он обязан не только выбором профессиональной карьеры, но и многочисленными связями, которые помогли ему в будущем. Поскольку эти строки написаны в книге, посвящённой главным образом операции «Аякс», то вполне очевидно, что речь шла о связях, которые помогли Киму именно в Иране при свержении Мохаммада Мосаддыка. В связи с этим весьма интересно следующее: большинство американских учёных в своих работах указывают, что выбор Захеди в качестве альтернативы Мосаддыку и его обработка осуществлялась генералом Шварцкопфом, который командовал полицейскими силами Ирана во время Второй мировой войны, а до этого был руководителем полиции в штате Нью-Джерси. Однако в многочисленных интервью Захеди, которые он давал американским, французским, английским изданиям в 1950-е годы, Шварцкопф нигде не упоминается, зато отмечается человеческий и профессиональный контакт, который сразу же установился у него именно с Кермитом Кимом Рузвельтом.

Также все исследователи едины в том, что именно Кермит Ким сумел установить доверительные отношения с Сорейей, которая буквально за несколько месяцев до событий, связанных со свержением Мосаддыка, стала шахиней и имела просто завораживающее влияние на своего мужа. Кстати, в воспоминаниях Кермит Ким Рузвельт отмечает, что ему удалось установить вполне рабочие отношения и с аятоллой Кашани, который с первых месяцев 1953 г. стал всё больше и больше дистанцироваться от доктора Мосаддыка, а с июля 1953 г. занял по отношению к нему откровенно враждебную позицию.

Ну и напоследок: абсолютно все авторы, описывающие свержение Мосаддыка, отмечают весьма необычный приём, использованный Кермитом Кимом для организации демонстрации, которая в конечном счёте превратилась в массовый марш, приведший в итоге к многочисленным столкновениям, вмешательству армии во главе с Захеди и свержению правительства М. Мосаддыка. Вот как это описывает Д. Ергин: «18 августа заместитель государственного секретаря Уолтер Беделл Смит объяснил Эйзенхауэру, что операция “Аякс” провалилась, грустно добавив: “Нам

придётся по-новому взглянуть на ситуацию в Иране и приютиться под крылом Мосаддыка, если мы хотим хоть что-нибудь там сохранить. Осмелюсь сказать, что это несколько осложнит наши отношения с Великобританией". Но на следующее утро в Тегеране вспыхнуло восстание. Генерал Захеди провёл пресс-конференцию, на которой раздавал фотокопии приказа шаха об освобождении Мосаддыка с поста премьер-министра. Небольшая демонстрация в поддержку шаха вдруг переросла в огромную орущую толпу, во главе которой акробаты прыгали на руках, борцы демонстрировали свои бицепсы, а огромные тяжелоатлеты вертели железные гантели. Всё возрастая, толпа хлынула в центр города, возвещая о своей ненависти к Мосаддыку и поддержке шаха. Внезапно повсюду появились портреты шаха. Машины зажгли фары, что тоже означало поддержку монарха. Начались столкновения, но преимущество явно было на стороне прошахских сил. Указ об отставке Мосаддыка и назначении Захеди его преемником стал широко известен. Большинство офицеров сплотились вокруг шаха, а солдаты и полиция, посланные на разгон демонстрантов, присоединились к ним. Мосаддык бежал через заднюю стену сада, и Тегеран теперь принадлежал сторонникам шаха»[135].

Начало массовым беспорядкам положила хорошо организованная, поражающая воображение иранских обывателей демонстрация-представление, в котором участвовало большое число борцов, спортсменов и гимнастов из спортивных клубов города Тегерана. Именно это ноу-хау ставится в большую заслугу Кермиту Киму, который на тот момент утратил связи со многими своими ключевыми агентами. В связи с этим нельзя не вспомнить, что Бальдур фон Ширах, его Гитлерюгенд и спортивное движение «Радость через силу» вложили большие деньги, чтобы создать в крупнейших городах Ирана и прежде всего в Тегеране борцовские, спортивные и гимнастические клубы, которые даже после войны спонсировались Атлетической федерацией, за которой стояли бывшие нацисты.

Таким образом, не подлежит сомнению, что выбор Кермита Кима Рузвельта в качестве руководителя спецоперации по свержению доктора Мосаддыка был связан не только и не столько с его достижениями, как разведчика, сколько с уникальными связями, которыми он располагал в среде Нацистского интернационала, чьё влияние не только сохранилось, но во многих компонентах даже усилилось в Иране после завершения Второй мировой войны и разгрома Третьего рейха. Иными словами, американская, а скорее всего в большей степени британская разведка прекрасно отдавали себе отчёт в том, что у сил, стоящих за доктором Мосаддыком, был не только план А, но и план Б.

Перед тем, как попытаться восстановить план Б, необходимо сделать одно принципиальное замечание. Безусловно, ни доктор Мосаддык, ни большая часть его кабинета, ни шах Мохаммад Реза Пехлеви не были нацистами. Они, а в большей степени люди и силы, стоящие за ними, собирались использовать нацистов, их возможности и ресурсы для решения собственных задач. При этом они учитывали чрезвычайно высокий уровень инфильтрации «чёрного интернационала» в экономику, политику и социальную жизнь Ирана. С другой стороны, люди, стоявшие во главе «чёрного интернационала», также намеревались использовать правительство Мосаддыка, шаха, и в целом ситуацию в Иране для достижения собственных целей. В этом смысле план Б

[135] Ергин Д. Ук. соч.

являлся своего рода результатом неформальных, возможно, даже непроговорённых, а подразумеваемых договоренностей и соглашений между этими двумя силами.

Чтобы перейти к существу плана Б, воспользуемся уникальной книгой «Досье Сарагоса»[136]. Автор книги, представитель французской аристократической элиты, офицер в седьмом поколении, участник Сопротивления, один из создателей послевоенной французской разведки, близкий знакомый генерала Де Голля Пьер Феллан де Вильмаре, был одним из немногих людей, кто видел Мартина Бормана после войны. После своего выхода в свет в 2002 г. работа получила высокие оценки ведущих специалистов по истории разведки, а также специалистов, профессионально занимающихся расследованиями. В книге помимо западных архивов широко использованы архивы Штази, предоставленные автору президентом Германии Й. Гауком, а также архивы чехословацкой разведки.

4

Для того чтобы понять берлинские и иранские события лета 1953 г., необходимо перенестись на 9 лет назад, в 1944 г. «2 июля 1944 года Шмитц в сопровождении своего компаньона Георга фон Шницлера, задачей которых всегда было всемирное расширение концерна "И.Г. Фарбен", обсуждают с Борманом и Мюллером этот проект выживания. В этот день они назначают на 10–12 августа встречу в Страсбурге, для того, чтобы мобилизовать вокруг себя большинство промышленников и банкиров, которые, впрочем, как и они сами, очень заинтересованы в том, чтобы вероятные победители Германии не отобрали у них их вклады.

Герман Шмитц все военные годы вместе со своими друзьями Куртом фон Шрёдером, Вальтером Функом, Эмилем Пулем, и английскими, французскими, американскими, нидерландскими и японскими управляющими, заседает в БМР, Банке по международным расчётам. Постоянная штаб-квартира этого БМР, созданного в 1930 году по инициативе доктора Шахта, размещается в швейцарском Базеле, под предлогом регулирования денежных потоков.

Эти люди собирались на протяжении всей войны, в количестве минимум шестнадцати, максимум двадцати четырёх человек, и на их заседаниях председательствовал американец Томас Харрингтон Маккитрик. В марте 1945 года уже этим путём около шести тонн немецкого золота должны были проследовать транзитом в Швейцарию, из которых полторы тонны были предназначены для того, чтобы оплатить Банку по международным расчётам просроченные Берлином проценты. Оставшееся золото исчезает в неизвестном направлении за пределами Швейцарии.

Герман Шмитц, которого в его среде с последней войны называют "королём маскировки" — знаток в данном вопросе. Мы увидим, как в 1948 году он предстанет перед судьями в Нюрнберге, и как он выпутается из всего этого, отделавшись приговором всего к четырём годам тюрьмы, да и то почти сразу же будет освобождён. Дело в том, что он смог намекнуть на взаимопроникновение дюжины американских транснациональных корпораций и их немецких корпоративных "сестёр" на

[136] De Villemarest P. Le dossier Saragosse. Martin Bormann et Gestapo – Muller après 1945. Paris: Lavauzell, 2002.

протяжении дюжины лет, до и даже во время нацизма и войны, и дать понять, что они все были причастны к рождению и развитию нацизма… Советские судьи тоже не стали настаивать: ведь Шмитц мог бы разоблачить соглашения, которые Москва подписала с этими компаниями с 1922 по 1939 годы, среди которых поставки вооружений Гитлеру ещё в 1937 году, и снова с 1939 по 1941.

Гений бизнеса, Герман Шмитц был человеком, который с начала тридцатых годов буквально изобрёл промышленный шпионаж, о чём даже и не подозревали западные разведывательные службы, направлявшие свои усилия на расследование деятельности шпионов Абвера, затем СД, но никогда не обращавшие внимание на паутину, сотканную Шмитцем по всему миру.

Его план состоял в том, чтобы внедрить в представительства "И.Г. Фарбен" за границей доверенных лиц, названных "Zefis", которые не имели никакого отношения к техническим или коммерческим вопросам, но принимали участие во всех коллоквиумах и всех светских мероприятиях, куда приглашались представители "И.Г. Фарбен". Их задачей было только предоставлять отчёты о своих собеседниках: психологический портрет, квалификация, уязвимость, и собирать любые другие сведения, полезные для головной конторы фирмы.

Герман Шмитц и его напарник Георг фон Шницлер централизовали сведения, затем отбирали то, что казалось полезным для Абвера, для их коллег в промышленности, для Гестапо и, во всех случаях, для Бормана, как только тот возглавил партийную канцелярию вместо Рудольфа Гесса. Иначе говоря, Шмитц делал точно ту же работу, какую делали шпионы НКВД и ГРУ для Москвы, с той лишь разницей, что Кремль — за исключением разве что в некоторых банках — не располагал такой плотной паутиной осведомителей, как всемирная сеть "И.Г. Фарбен".

В десять часов утра семьдесят семь человек были приглашены в отель "Мезон руж" ("Красный дом") в Страсбурге, по инициативе Германа Шмитца и Георга фон Шницлера. Борман и Мюллер договорились с ними, чтобы конференция выглядела просто как частная встреча важных деятелей немецкой промышленности и крупных банкиров.

Одним из ведущих заседания был обергруппенфюрер СС (генерал рода войск) доктор Шайд, директор компании "Hermannsdorfwerke und Schenburg" (в других источниках указано название "Hermsdorf-Schönburg GmbH". — *Прим. перев.*). Перед подиумом сидели руководители концернов "Messerschmitt" ("Мессершмитт"), "Röchling" ("Рёхлинг"), "Volkswagen" ("Фольксваген"), "Siemens" ("Сименс"), "Krupp" ("Крупп"), "Kirdorf" ("Кирдорф") и других фирм, дотации и взносы которых Борман и Вильгельм Кепплер (генеральный директор "Dresdner Bank" — "Дрезднер Банк", филиала "И.Г. Фарбен") собирали для нацистской партии на протяжении тридцатых годов. Курт фон Шрёдер, Карл Раше (директор "Дрезднер Банк"), Карл Линдеман, президент Торговой палаты тоже были там. Некоторые присутствовали только 11 августа. Руководители Гестапо и СД их прикрывали и защищали…»

«Германия уже проиграла кампанию во Франции. Решение, которое мы собираемся тут принять, определит будущее Германии, которая с этого момента уже должна готовиться к экономическому сражению, которое последует за концом войны, так, чтобы обеспечить возрождение нашей страны. Нужно, чтобы мы усилили наши контакты с иностранными обществами, но каждая фирма в индивидуальном порядке, не привлекая внимания.

Должна быть подготовлена почва, чтобы мы после войны могли заимствовать за границей значительные суммы…». И Шайд подчеркнул, что многие немецкие промышленные патенты уже разделены с различными американскими транснациональными корпорациями, среди которых «Chemical Foundation», «United States Steel Corporation», «National Tube», «Carnegie» (в Иллинойсе), и т.д. Он предлагает тем, у кого нет адресов за границей, предоставить им их, чтобы инициировать слияния, которые могли бы быть предметом их скрытного обсуждения.

Именно доктор Боссе, один из помощников Альберта Шпеера (доверенное лицо Ялмара Шахта), берёт слово во второй половине дня 10 августа, перед более узким составом публики, чем утром. Он упоминает французских «маки» (партизан), чтобы сказать, что в определённое время, возможно, возникнет необходимость, чтобы некоторые руководители финансов или промышленности сбежали или затаились в ожидании развития политических процессов на Востоке, на Западе, и между Востоком и Западом.

«Отныне нужно, говорил он, чтобы большие фирмы создавали конструкторские бюро и исследовательские лаборатории с сокращённым персоналом, чтобы нельзя было понять, что в них происходит. Авторы плана предусмотрели финансовые средства для их создания или обеспечения. У каждого из этих бюро будет своя связь с одним из партийных руководителей и, через него, с рейхсляйтером Мартином Борманом».

(Все цитаты взяты из документов, хранившихся с 1945 года в архивах американского Казначейства. Никто, кроме американского автора Пола Мэннинга, за всё прошедшее с той поры время ими не воспользовался.)

В отличие от доктора Шайда, Боссе демонстративно подчёркивал свои нацистские убеждения. Он неоднократно упоминает о необходимости своих руководящих кадров, в то время, когда будет организовываться невидимая экономика побеждённой Германии:

«Финансовые резервы, собранные за границей, должны быть в распоряжении партии, чтобы из послевоенного времени появилась могущественная Германская империя. Все наши руководители промышленности должны с настоящего времени эвакуировать свои капиталы из страны. Партия примет любые меры, чтобы защитить их как здесь, так и за границей». Он уточняет: «Впредь два важных банка могут быть использованы для экспорта капиталов фирм, которые не предусмотрели эту операцию: "Basler Handelsbank" (Базельский торговый банк) и "Schweizerische Kreditanstalt Zürich" (Швейцарский кредитный банк в Цюрихе)… Но существует также много отделений банков в Швейцарии, которые за 5% комиссии, смогут обеспечить швейцарским прикрытием некоторое количество наших фирм»[137].

Планы вывода капиталов, разработанные на встрече в Страсбурге, получили название Операций «Капли дождя» и «Полет орла». По мнению Бормана: «Результатами этой встречи должны были стать шаги, которые определят послевоенное будущее Германии»[138].

На встрече в Страсбурге было также принято решение, что «немецкая промышленность должна предпринимать шаги для подготовки послевоенной коммерческой

[137] De Villemarest P. Op. cit.

[138] Manning P. Martin Bormann: Nazi in Exile. N.Y.: Create Space Independent Publishing Platform, 2003.

компании — каждой фирме необходимо устанавливать новые связи и заключать соглашения с иностранными фирмами. Это должно делаться в индивидуальном порядке, чтобы не навлечь подозрения. Тем не менее партия и Третий рейх будут стоять за каждой фирмой, обеспечивая государственную и финансовую поддержку»[139].

Летом 1944 г. были определены основные маршруты вывоза капитала, научно технических разработок и патентов, а также специалистов, обладающих уникальными знаниями и навыками. Значительная часть финансовых средств была направлена в Аргентину на счета семьи Перон, в Испанию и Португалию, а также оставлены в Швейцарии и Лихтенштейне. Патенты и ноу-хау были закреплены за вновь купленными маленькими фирмами в нейтральных странах, прежде всего в Швеции и Швейцарии и легализованы в Соединённых Штатах как вклад шведских и швейцарских фирм в капитал крупнейших американских корпораций.

Лучшим косвенным доказательством для тех или иных версий политических событий являются финансовые следы. Политическая деятельность, публичная или конспиративная, всегда предполагает расходование ресурсов. Расходование ресурсов неразрывно связано с финансовыми потоками. Соответственно, отслеживание финансовых потоков, определение их хозяев, контролёров, исходных пунктов и мест назначения позволяет сделать тайное явным, а скрытое — доступным для анализа и понимания. Закономерно возникает вопрос: а существуют ли какие-либо свидетельства, доказывающие переток крупных финансовых потоков от структур, контролируемых «чёрным интернационалом», в Иран и конкретно — организациям и группам, стоявшим за правительством доктора Мосаддыка?

Исходную зацепку для поиска финансовых потоков даёт нам уже упоминавшаяся книга П. де Вильмаре. Базируясь на документах, полученных от высокопоставленных сотрудников ЦРУ, а также из архивов Штази и французских специальных служб, он пишет: «Этот невероятный вихрь Эвиты Перон, которую считали хрупкой, какой она и была на самом деле, между тем скрывал некую более тайную миссию. Нужно было переместить или разместить, смотря по обстоятельствам, суммы в десятки миллионов долларов в Италии, что охотно взял на себя её дорогой друг аргентино-итальянский банкир Додеро; в Швейцарии, где Жену знал, как взяться за дело; в Лиссабоне и в Мадриде. Поездка заканчивается апофеозом 7 августа 1947 года в Швейцарии, приёмом для 200 персон в ресторане цюрихского отеля "Баур о Лак". На приём поспешили банкиры, среди которых был и Франсуа Жену, отвечавший до своей смерти за финансовые интересы Бормана и нескольких других нацистских руководителей»[140].

В 1997 г. отставной высокопоставленный работник ЦРУ, а в последующем один из самых известных журналистов-расследователей Дэвид Ли Престон опубликовал обширное расследование о швейцарских конфидентах и банкирах Третьего рейха[141]. Часть этого расследования, посвящённая Франсуа Жену, была опубликована Престоном в газете «Philadelphia Inquirer» в январе 1997 г. В результате расследования Престон выяснил, что в 1932 г. в отеле в городе Бад-Годесберг Франсуа Жену познакомился с А. Гитлером. В ходе встречи он попросил у Гитлера разрешения на два года остаться в Германии для стажировки в молодёжных отрядах нацистской партии. После завершения стажировки он вернулся в Швейцарию, где поступил на работу в один из крупнейших и уважаемых частных банков страны, в число акционеров которого входил его отец. Следует отметить, что на протяжении всей жизни Жену не скрывал пронацистских симпатий. Давая в 1992 г. интервью британской «Таймс», он сказал: «Мои взгляды не изменились с тех пор, как я был молодым человеком. Гитлер был великим вождем, и если бы он выиграл войну, мир был бы лучше».

[139] Ibid.

[140] De Villemarest P. Op. cit.

[141] Preston D.L. Hitler's Swiss Connection. Philadelphia: Philadelphia University Press, 1997.

В середине 1930-х годов по поручению банка он отправился на Ближний Восток, в Ливан, который в те годы назывался ближневосточной Швейцарией и был центром банковского мира Ближнего и Среднего Востока. Там он установил контакты с владельцами и управляющими крупнейшего и старейшего ливанского банка Fransabank, контрольный пакет в котором принадлежал в те годы французским ультраправым. Там же он познакомился и установил дружеские отношения со сторонником Гитлера, одним из наиболее влиятельных политических и религиозных лидеров палестинских мусульман муфтием Амином аль-Хусейни. До самой смерти последнего Жену оставался его доверенным лицом, управляющим гигантскими средствами, которые оказались у муфтия с конца 1950-х годов. Следует отметить, что воспитанником, наследником, а, по мнению осведомлённых источников, и племянником аль-Хусейни, был многолетний лидер палестинских арабов, руководитель ФАТХ, распорядитель гигантских палестинских фондов Ясир Арафат.

Перед войной и в годы войны Жену выполнял тайные операции для Абвера. Кроме того, он подружился с генералом Карлом Вольфом, личным адъютантом Г. Гиммлера, познакомился с М. Борманом и Г. Мюллером, для которых выполнял специальные финансовые поручения. Любопытно, что в годы войны его куратором по линии Абвера был офицер по фамилии Диккопф, который в последующем стал крупным чиновником, а с 1968 по 1972 г. был руководителем Интерпола. После войны Жену действовал на основе доверенностей, которые ему оставили Гитлер, Борман и Геббельс. Сразу после окончания войны Жену выступал посредником в контактах между скрывающимися нацистами и представителями швейцарской и французской разведок. Начиная с 1948 г., он создаёт целый ряд крупных компаний в Швейцарии, включая Марокканский финансовый институт, Ливано-арабскую экспортно-импортную компанию, Институт инвестирования в модернизацию Востока и ряд других. Эти компании использовали как средства нацистов, находящиеся на швейцарских счетах, так и переданные Эвитой Перон многомиллионные ресурсы, первоначально размещённые на счетах семьи Перон в Латинской Америке.

Во всех этих институтах и компаниях партнёром Жену был главный финансист и банкир Третьего рейха, по сути избегший сколько-нибудь серьёзного наказания в Нюрнберге, Ялмар Шахт. В сирийских филиалах компании Жену – Шахта третьим партнёром выступает заместитель Эйхмана, старший эсэсовский офицер Алоиз Бруннер, долгие годы отвечавший за службу собственной безопасности Хафеза Асада. В Египте предприятия Жену спонсировали Движение молодых офицеров во главе с Гамалем Абдель Насером и Анваром Садатом. Кстати, Ялмар Шахт выступал финансовым советником Движения, а затем и правительства Насера и организовывал для него международное финансирование. Кроме того, Жену и Шахт были

тесно связаны с королевской семьёй Марокко, правительством Туниса и военными режимами Алжира, особенно в период прихода к власти Бен Беллы.

Известно, что в начале 1952 г. по решению Жену – Шахта их Институт инвестирования в модернизацию Востока, который держал свои счета в лихтенштейнском частном банке «Kaiser Partner Privatbank», перечислил 34 млн долларов через американские корреспондентские счета в итальянский банк, контролируемый папским престолом, — «Кредито Итальяно», а оттуда — в дружественный Жену «Fransabank» в Бейруте[142].

В начале 1952 г. Мосаддык выдвинул тезис: «Экономика без нефти». Суть этого тезиса заключалась в том, чтобы стабилизировать государственный бюджет без доходов от нефти. Поэтому были подготовлены законы и постановления, содействовавшие развитию хозяйственной деятельности страны. Программа «Экономика без нефти» была разработана экономическим советником Мосаддыка Ферюзи и известным иранским интеллектуалом Хосейном Макки, человеком Кашани. Следует также подчеркнуть, что, так же, как и Кашани, Макки активно участвовал в организациях, созданных Абвером в годы Второй мировой войны.

Изданные правительством постановления стимулировали развитие частного сектора. Это были законы, поддерживающие экспорт, освобождающие от таможенных сборов импорта машин и оборудования, необходимых для развития промышленности и др. Для расширения экспорта в 1952 г. открылся коммерческий Банк по добыче и экспорту ископаемых, а в 1953 г. — Банк развития экспорта. Известно, что каждому из этих банков бейрутский «Fransabank» открыл кредитные линии за счёт средств, размещённых Франсуа Жену и Ялмаром Шахтом[143]. Более того, известно, что Жену и Шахт обеспечили оборотными средствами независимую итальянскую компанию «Супер», осуществившую самую большую закупку нефти у Ирана для удовлетворения энергетических нужд Марокко. Известно также, что Ялмар Шахт в течение первой половины 1953 г. вёл переговоры с правительством Ирана о постройке для Ирана на немецких верфях флота танкеров, которые могли бы поставлять персидскую нефть по всему миру. В последующем этот договор был повторен для Саудовской Аравии и получил название «договора Джидды». Кстати, интересно, что по обоим договорам финансовое обеспечение помимо персидских и саудовских денег должен был предоставить знаменитый греческий магнат Аристотель Онассис. Он же должен был отвечать за эксплуатацию танкерных флотов[144].

Полагаю, что приведённых сведений и фактов с лихвой хватает для того, чтобы с достаточно высокой степенью вероятности выдвинуть гипотезу о наличии плана Б. Осталось только разобраться, в чём же было существо плана Б как для иранцев, так и для руководителей «чёрного интернационала». Представляется, что понять это невозможно, если не увязать события в Иране лета 1953 г. с синхронно проходившим Берлинским кризисом. Однако прежде чем выдвинуть предположение, необходимо несколько слов сказать о крайне деликатной, щепетильной теме.

[142] Racey R. Levantine Harbor Nazi Money. http://elibrary.bsu.az/books_400/N_387.pdf

[143] Racey R. Op. cit.

[144] Michael G. The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2006.

Во введении к настоящей работе уже отмечалось принципиальное различие пропагандистского и аналитического методов. Ни один из них не лучше другого. Они просто предполагают различные цели и задачи. И коль скоро данный тезис верен, то с необходимостью следует сделать вывод о том, что при аналитическом рассмотрении тех или иных событий они должны браться во всей своей полноте, противоречивости и неоднозначности. Исследователь, решающий аналитическую задачу, не может позволить себе работать с привлечением критериев этичности, моральности и т.п. Его задача — вскрыть механизмы и понять алгоритмы исторических действий, а не оценивать различных участников событий, исходя из той или иной ценностной системы координат. Последнее относится к сфере пропаганды и выполняет иные функции, нежели аналитика.

Дополнительно следует сказать, что реальная разведка и спецоперации не имеют ничего общего не только с их художественным отражением, но и с описанием в подавляющем большинстве различного рода мемуарной и документальной литературы. Так или иначе, большинство этих работ рассчитано на читателя, профессионально не занимающегося разведывательной деятельностью, а потому смотрящего на мир глазами человека, далёкого от повседневной деятельности по решению экстремальных задач. Соответственно, у читателя имеется вполне сформировавшаяся система морально-этических координат, через которую он пропускает всю поступающую информацию. Совершенно ясно, что без крайней надобности деформировать эту систему не стоит. Между тем, разведывательная деятельность по своему характеру предполагает достижение целей любой ценой. Здесь зачастую оказывается не просто верной, а единственно возможной доктрина иезуитов относительно того, что цель оправдывает средства. Соответственно, в значительной мере реальная деятельность в сфере разведки и спецопераций лежит за рамками традиционных нормативных морально-этических систем и является воплощением известной максимы Ф. Ницше о деятельности «по ту сторону добра и зла». В «диком зазеркалье», как назвал разведку человек, профессионально занимавшийся этой деятельностью, Джон Ле Карре, этические и прочие нормы носят ситуативный и целесообразный характер.

Данное предуведомление понадобилось для того, чтобы сделать весьма неоднозначное утверждение. Речь о том, что на сегодняшний день имеется уже критическая масса материалов, позволяющих говорить не как о гипотезе, а как о доказанном факте относительно сотрудничества советской разведки с отдельными руководителями Третьего рейха и «чёрного интернационала», в первую очередь — с М. Борманом, Гестапо-Мюллером и целым рядом других. Если от свидетельства Р. Гелена в его книге «Служба» можно было отмахнуться[145], то масштаб собранных и опубликованных П. де Вильмарс материалов, включая архивы Штази, чехословацкой разведки и т.п., заставляет посмотреть на всё это иначе. В связи с этим также нельзя не отметить работу Теннета «Пита» Бэгли «Мастер шпионажа»[146]. Книга написана в основном по результатам бесед Бэгли — одного из руководителей со-

[145] Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М.: Центрполиграф, 2004.

[146] Bagley T.H. Spymaster. Startling Cold War Revelations of a Soviet KGB Chief. L.: Skyhorse Publishing, 2013.

ветского подразделения ЦРУ — Сергеем Александровичем Кондрашовым, легендарным советским разведчиком, длительное время руководившим нелегальной разведкой ПГУ КГБ СССР.

В принципе можно было бы выразить некоторые сомнения относительно этой публикации, поскольку автор — цэрэушник, да и вышла книга через шесть лет после смерти Кондрашова. Однако Бэгли — автор нескольких книг, где ни один эксперт в области разведки не обнаружил ляпов или документальных фальсификаций. Кроме того, и это самое главное, основной материал, связанный с взаимодействием советской разведки с М. Борманом, Гестапо-Мюллером, и другими приводится в книге не по беседам с Сергеем Александровичем Кондрашовым, хотя он и упоминает об этих контактах, а по воспоминаниям бывшего главы государственной безопасности Чехословакии, министра внутренних дел Рудольфа Барака, который до самой своей смерти придерживался коммунистических убеждений. Воспоминания Рудольфа Барака хранятся в архивах, и к ним имел доступ не только Бэгли, но и несколько ранее де Вильмаре, который беседовал с Бараком лично. При этом оба автора отмечали, что с нацистской верхушкой взаимодействовала не только советская разведка, но и в первую очередь сами американцы, французы и в несколько меньшей степени — британцы. Это взаимодействие было обусловлено конкретной ситуацией послевоенного мира и государственными интересами каждой из стран бывшей антигитлеровской коалиции. В полном объёме эта тема далеко выходит за рамки настоящей работы, поэтому мы остановимся лишь на аспекте, имеющем отношение к тесно связанным друг с другом с германским и иранским кризисами 1953 г.

Весьма вероятно, что ситуация складывалась примерно следующим образом. Сам по себе Мосаддык, будучи космополитом и «человеком мира», видел выход из кризиса в традиционной персидской политике балансирования между различными центрами силы и организации сознательных кризисов во взаимоотношениях между ними, заставлявших их рассматривать Иран как важного партнёра. Такая политика использовалась задолго до Мосаддыка и применяется после. Однако в большинстве случаев не завершается успехом для тех, кто оказывается между молотом и наковальней. Поэтому можно сделать вывод о том, что Мосаддык был не столько активным действующим лицом в большой геополитической игре, сколько, хотя и весьма важной, но всего лишь фигурой — одной из — на шахматной доске Среднего Востока. Реальными игроками с иранской стороны выступали аятолла Кашани, его зять, крупный землевладелец Каномобази, ведущий иранский специалист по нефтяному бизнесу Хосейн Макки — доверенное лицо Кашани — и Мозаффар Багаи, обеспечивающий наряду с шиитским духовенством массовую поддержку движению против АИНК. Хорошо известно, что по крайней мере трое из указанных деятелей были тесно связаны с германской разведкой в годы Второй мировой войны и с «чёрным интернационалом» после неё.

Представляется, что до июня 1953 г. их надежды были связаны с созданием советско-германской коалиции, которая убедит Черчилля пойти на компромисс в Иране относительно судеб АИНК. Если Мосаддык весьма тепло относился к американцам и многократно демонстрировал это, то Кашани и его люди использовали в отношении Америки примерно ту же лексику, что и в последующем аятолла Хомейни. Подтверждением именно такого расклада в иранских верхах являются недавно рассекреченные документы из советских архивов. Уже в августе 1951 г. в сообщении советского посольства из Тегерана, подписанного послом И. Садчиковым, говорилось: «Мосаддык не оправдал надежд. Он до сих пор не смог да и вряд ли сможет добиться разрешения нефтяного вопроса, ради чего и пришёл к власти… Правительство Мосаддыка падёт и в том случае, если нефтяной вопрос будет разрешён, и в том случае, если он не будет разрешён»[147].

Здесь уместно кратко охарактеризовать посла И. Садчикова. Он имел богатый дипломатический опыт и был близок к главе высшего органа управления советской дипломатией после Великой Отечественной войны, внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) — КПСС В.Г. Григорьяну. В свою очередь Григорьян был полностью «человеком Л.П. Берии». Соответственно однозначная оценка Мосаддыка Садчиковым, весьма ценимого в Москве как человека, который успешно решил проблемы, возникшие в Чехословакии в послевоенные годы, имела чрезвычайно большое значение не только для Берии и мало что значащего Вышинского, но и для И.В. Сталина. Особенно впечатляет телеграмма Садчикова на фоне негодования Москвы в отношении советской резидентуры в Тегеране. 10 августа 1951 г. резидентура в Тегеране получает оценку своей работы из Москвы: «Вы не сумели своевременно разобраться в нарастающем движении за национализацию нефти и использовать его в целях ослабления американского и английского влияния»[148]. Но критикой дело не ограничилось. Резидентура получает конкретные указания: «Безотлагательно и в самые короткие сроки изучите возможности использования в интересах СССР, — указывалось в письме в резидентуру, — националистически настроенных кругов Ирана, группирующихся вокруг Мосаддыка, Кашани, Багаи и других находящихся в оппозиции к шаху противников англо-американского засилья в стране»[149].

Приведённая телеграмма показывает, что в тот период советская сторона и прежде всего Л.П. Берия, сохранивший огромное влияние на разведывательный аппарат, по всей вероятности, была вполне готова к совместной советско-германской игре в Иране против англосаксов. Данный вывод можно сделать из анализа политических деятелей, упомянутых в тексте. М. Мосаддыка не упомянуть было нельзя. Чрезвычайно характерна рекомендация наладить тесный контакт с аятоллой Кашани и его окружением. Ещё более интересно упоминание Мозаффара Багаи. В этот период он возглавлял Партию трудящихся Ирана, противостоящую коммунистической и промосковской «Туде». Партия трудящихся Ирана по всем основным вопросам блокировалась с откровенно неонацистской партией СОМКА. Сам М. Багаи в 1930-е годы неоднократно посещал Германию и изучал там опыт работы НСДАП среди рабочих, а в военный период сотрудничал с Абвером. Учитывая чрезвычайно высокий уровень насыщенности советской агентурой иранского общества в военный период, в Москве не могли не знать о контактах и связях Кашани, Багаи и других деятелей, с которыми рекомендовано было наиболее тесно работать.

---

[147] Из дневника И. Садчикова. Из беседы с бывшим послом Ирана в Москве Гамидом Сайяхом. 16.08.1951 г. АВП РФ, ф. 094, оп. 55, п. 388, д. 8, л. 36.

[148] Очерки истории российской внешней разведки. Т.5. М.: Международные отношения, 2003.

[149] Там же.

Нельзя не упомянуть, что выдающийся советский востоковед Григорий Львович Бондаревский, сам в годы войны служивший в системе ГРУ в Иране, в последние годы жизни разрабатывал тему взаимодействия советской разведки и «чёрного интернационала» на Ближнем и Среднем Востоке. Понятно, что в силу своих знаний, многолетней работы в системе военной и политической разведок Бондаревский детально владел предметом своих исследований и мог бы внести ясность по многим вопросам. Однако от огромного архива, посвящённого этой теме, после его смерти осталась лишь небольшая рукопись «Гитлер и Ближний Восток», опубликованная в книге «Профессор Григорий Бондаревский и его научная школа востоковедов-международников»[150]. Согласно официальной версии, профессор Бондаревский, до последних дней своей жизни активно разрабатывавший, в том числе с Шиллеровским институтом Линдона Ларуша и в первую очередь с группой супругов Либег весьма острые и актуальные темы, был убит соседом-наркоманом, понадеявшимся получить от профессора денег. Однако интересно, что после убийства наряду с папками, посвящёнными нацистскому интернационалу на Ближнем и Среднем Востоке, пропал ещё целый ряд материалов, которые он в последние дни своей жизни показывал коллегам и ученикам.

5

Поскольку реализация плана Б тесно увязывала динамику ситуации в Иране с событиями вокруг Германии, необходимо глубже погрузиться в перипетии Германского кризиса лета 1953 г. Его корни лежали в послевоенных событиях, складывавшихся вокруг дальнейших судеб Германии. Фактически проявилось два принципиально разных взгляда на будущее побеждённой Германии. Один был связан с так называемой «национальной линией И.В. Сталина», второй — с концепцией членения и подчинения Германии, отстаиваемой в первую очередь администрацией Трумэна.

Подход Советского Союза предполагал создание единой миролюбивой, демилитаризованной Германии. Поскольку создание такой Германии было невозможно без поддержки национальных сил, И.В. Сталин исходил из необходимости формирования максимальной широкой коалиции самых различных идеологических течений, организационных структур и социальных слоёв и групп, заинтересованных в единой Германии. В эту коалицию он был готов включить и бывших нацистов. Недавно были рассекречены различные архивы и историкам стали доступны документы, позволяющие сделать однозначный вывод о предельном прагматизме И.В. Сталина в подходе к единой Германии. Так, на встрече с руководством СЕПГ он высказал целый ряд важных оценок, предложений и мыслей относительно реализации национальной линии в конкретных послевоенных условиях.

[150] Профессор Григорий Бондаревский и его научная школа востоковедов-международников. М.: Издатель Воробьев А.В., 2011.

«31 января 1947 г.
Сов. секретно
Запись беседы тов. И.В. Сталина
с руководителями Социалистической единой партии Германии
В. Пиком, О. Гротеволем, В. Ульбрихтом, М. Фехнером и Ф. Эльснером
31 января 1947 г. в 21 час. 00 мин.

Во время беседы присутствуют: тт. В.М. Молотов, М.А. Суслов (зав. Отделом внешней политики ЦК ВКП(б), В.С. Семёнов (политический советник по делам Германии), Н.Н. Волков (переводчик).

Тов. Сталин спрашивает: «Много ли в Германии фашистских элементов? В процентном отношении? Какую силу они представляют? Приблизительно можно сказать? В частности, в западных зонах?».

Гротеволь отвечает, что он затрудняется ответить на эти вопросы, но он может дать тов. Сталину длинный список фашистов, находящихся на руководящих постах в западных зонах.

Тов. Сталин спрашивает, будет ли большим удельный вес голосов бывших фашистов при плебисците.

Гротеволь отвечает, что это зависит от того, по какому вопросу будет проводиться плебисцит. При плебисците о единстве Германии фашистские голоса не будут иметь большого значения. При общих выборах их значение больше, поскольку они выступают под прикрытием буржуазных партий.

Тов. Сталин спрашивает, есть ли среди бывших фашистов толковые люди, хорошие организаторы.

Гротеволь отвечает, что все они реакционеры.

Тов. Сталин спрашивает: «Расколоть их нельзя?».

Гротеволь отвечает, что это можно сделать на базе плебисцита.

Тов. Сталин замечает: «До голосования?! Например, в советской зоне есть свои фашисты. Нельзя ли им позволить организовать свою партию под другим названием? Чтобы не толкать всех к американцам». Тов. Сталин говорит, что по отношению к фашистам они (руководители СЕПГ) имели курс на уничтожение. Может быть, надо дополнить этот курс другим курсом на привлечение, чтобы не всех бывших фашистов толкать в лагерь противников?

Гротеволь возражает, что пока нацисты сидят на руководящих постах в западных зонах, такой курс СЕПГ был бы непонятен массам трудящихся на западе.

Тов. Сталин говорит, что это следовало бы сделать у себя, в советской зоне, чтобы в западных зонах фашисты поняли, что не всех их будут уничтожать.

Пик возражает, что это невозможно.

Тов. Сталин замечает: «Невозможно? Мне казалось, что возможно».

Пик говорит, что до сих пор СЕПГ отличала номинальных нацистов от активных нацистов. Против активных нацистов велась борьба.

Тов. Сталин спрашивает: «Не очень активных нацистов от очень активных нацистов?!»

Пик говорит, что такой подход был бы очень трудным для СЕПГ.

Тов. Сталин говорит, что это было бы неплохо. Были же в фашистской партии патриотические элементы. Их надо завербовать на свою сторону. Может быть,

взять кого-либо из средних деятелей бывшей нацистской партии или из бывших лидеров. Такие люди, вероятно, есть.

По мнению Ульбрихта, этим можно будет заняться после Московской конференции. Налицо возможность расколоть бывших нацистов, особенно молодёжь, по вопросам о национализме и о социализме. Многие из молодых нацистов искренне верили тому, что фашистская партия была национальной и социалистической. До Московской конференции этого сделать невозможно.

Тов. Сталин разъясняет, что он не имел в виду привлечь бывших фашистов на сторону СЕПГ. Они на это не пойдут. Он, тов. Сталин, говорил о том, чтобы дать им поощрение, позволить организовать свою партию с тем, чтобы эта партия работала в блоке с СЕПГ.

Пик указывает, что многие бывшие нацисты уже входят в существующие в советской зоне оккупации буржуазные партии — ХДС и ЛДП.

Тов. Сталин говорит, что надо создать для бывших нацистов какую-то партию, которая притянула бы к себе патриотов и неактивные элементы из бывшей национал-социалистической партии. Тогда они не стали бы бояться, что социалисты их уничтожат. В бывших фашистах живёт страх. Надо их нейтрализовать. Это проблема тактики. Ничего непринципиального или беспринципного в этом нет. И если в отношениях с бывшими фашистами взять другую линию, то она даст хорошие результаты.

Пик говорит, что в советской зоне нацисты голосовали за буржуазные партии.

Тов. Сталин отвечает, что это — безусловно. Нацисты боятся, что вы их будете уничтожать. Но их уже достаточно уничтожали. Следует дать облегчение тем, которые не продавались и которых можно повернуть на коалицию. Нельзя забывать, что элементы нацизма живы не только в буржуазных слоях, но также среди рабочего класса и мелкой буржуазии.

Пик выражает сомнение, как может разрешить такую партию Советская военная администрация в Германии.

Тов. Сталин смеется. Он, тов. Сталин, постарается, чтобы такую партию разрешили. Её можно назвать «национал-демократической партией» или как-нибудь иначе, дело не в названии. Но старое название давать не стоит. Так можно будет разложить тот лагерь, который собирается вокруг англичан и американцев. Теперь они всех пугают, дескать, в советской зоне все сидят и всех уничтожают. А мы скажем, неверно это. Вот они даже организовали собственную партию! Может быть, это можно устроить. Ничего недопустимого в этом нет.

Гротеволь замечает, что с идеологической точки зрения СЕПГ осуждает нацистскую партию, которая была носительницей агрессии.

Тов. Сталин возражает, что это будет миролюбивая партия.

Гротеволь говорит, что у нацистов до сих пор жива теория «жизненного пространства» (лебенсраум).

Тов. Сталин возражает: «Нет. Германия побеждена, какая может быть теория о жизненном пространстве?».

Эльснер говорит, что Гротеволь имел в виду фашистскую идеологию, которая ещё осталась в Германии.

Тов. Сталин спрашивает: «Ничего больше не осталось?».

Гротеволь говорит, что СЕПГ борется против нацистских теорий и всего нацистского наследства.

Тов. Сталин говорит: «Правильно. Но они (бывшие фашисты. — *И.С.*) должны сами бороться. Лучше это делать их руками».

Гротеволь соглашается, но указывает, что для этого ещё не созрело время. Кроме того, прикрываясь лозунгом жизненного пространства, фашисты выступят за ревизию восточной границы.

Тов. Сталин отвечает, что это означает войну. Воевать они не захотят. Восточная граница — это совсем другой вопрос. Он не имеет отношения к вопросу о бывших фашистах. Такой вопрос могут ставить только те, кто забывает, что германская армия уничтожена и что её не существует больше. Постановка вопроса о восточной границе означает войну. По мнению тов. Сталина, для таких элементов из бывшей фашистской партии, о которых он говорил, главное — это вопрос о существовании. Они пойдут туда, где их не убивают, не арестовывают. Не жизненное пространство, а вопрос об их собственной жизни — это для них главное.

Пик говорит, что такая установка представляет очень серьёзную дилемму для СЕПГ, поскольку СЕПГ выступает за строгую денацификацию на западе, где злейшие реакционеры из бывшей нацистской партии сидят на руководящих постах.

Тов. Сталин говорит, что речь идёт не о реакционерах. Реакционеров нельзя пускать в новую партию, но только патриотов и неактивных фашистов. Речь идёт о рабочих, интеллигенции, крестьянах. Тогда они оживут и воспрянут духом. Надо, чтобы бывшие фашисты не пошли по другому пути. Этот вопрос надо решить. Вопрос интересный. В фашистской партии было много людей из народа. Конечно, если СЕПГ считает, что этот вопрос ещё не назрел, то СЕПГ лучше знать об этом. Тогда он, тов. Сталин, молчит и снимает этот вопрос. Но, может быть, всё-таки вопрос назрел? Надо подумать. Тов. Сталин уверяет, что он, Сталин, не стоит за реакцию. Ничего тут страшного нет. Надо их пустить в новую партию. А в отношении западных зон позиция СЕПГ правильная.

Гротеволь замечает: «После Московской конференции...».

Тов. Сталин говорит, что это нужно обдумать».[151]

Основные положения этой беседы были реализованы на практике. В 1948 г. для бывших членов НСДАП в Восточной Германии была создана «Национал-демократическая партия Германии», которая вошла в правящую коалицию и на протяжении всего периода существования ГДР была представлена в парламенте. Кроме того, к 1953 г. в СЕПГ насчитывалось около 100 тыс. бывших членов НСДАП (чуть меньше 9% от общей численности), а в руководящем звене этот процент достигал даже 14%. Особенно широко бывшие члены НСДАП были представлены в руководстве Национальной народной армии, в Штази, а также на радио и телевидении.

Несмотря на значительные усилия, предпринимавшиеся Советским Союзом по сохранению единой Германии, к концу 1940-х годов произошёл раскол на Западную и Восточную Германию, соответственно — на ФРГ и ГДР. В значительной сте-

[151] СССР и Германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2003. Т.3. С. 244–253. http://www.idd.mid.ru/doc/germania_page_1-143.pdf

пени это стало результатом негибкости И.В. Сталина именно в германском вопросе. Политика единой Германии реализовывалась в рамках планов советизации западной части Германии. Как отмечал И.В. Сталин, «вся Германия должна быть наша, т.е. советская, коммунистическая». Такая позиция существенно облегчила американцам раскол Германии на две части, нейтрализацию сильных национальных настроений в западной части Германии, и, в конечном счёте, способствовала созданию ФРГ, во главе с Конрадом Аденауэром.

Несмотря на фактический раскол Германии, сразу после смерти И.В. Сталина заметно активизировались усилия значительной части высшего советского руководства по созданию объединённой Германии, включающей в себя и ГДР, и ФРГ. Этому в значительной степени способствовал и приход к власти в Британии правительства консерваторов во главе с У. Черчиллем. «11 мая 1953 года Черчилль выступил с большой внешнеполитической речью в палате общин и в который раз призвал к немедленному созыву встречи в верхах “большой четвёрки”, чтобы умиротворить Европу “новым Локарно”. Хотя Черчилль конкретно не назвал повестку дня будущей конференции великих держав, всем было ясно, что речь в первую очередь пойдёт о Германии, так как германский вопрос был основным в мировой политике 1953 года. Аденауэр был потрясён тем, что Черчилль отводил русскому народу видное место в мировой политике и был готов учитывать легитимные интересы безопасности Москвы в Европе. Правительство Великобритании устами Черчилля недвусмысленно приветствовало позитивные тенденции во внешней политике СССР.

В начале мая 1953 года Аденауэр с ужасом узнал, что британский премьер готов в одиночку и без всяких условий ехать в Москву. Эйзенхауэр выразил резкое несогласие с такими планами, но смог добиться от упрямого англичанина только одного — обещания не совершать визита в СССР до конца июня (запомним этот немаловажный факт)»[152].

Н.Н. Платошкин связывает коренные изменения в подходе к германскому вопросу с именем Л.П. Берии. Он пишет: «В отличие от Маленкова и особенно Молотова, у Берии были столь радикальные планы во внешней и внутренней политике, что он сразу стал укреплять и реформировать “под себя” силовые структуры СССР, так как предчувствовал сопротивление своим реформам. МГБ было включено в МВД, в котором ближайший соратник Берии и бывший шеф Управления советским имуществом в Германии (УСИГ) Богдан Кобулов стал куратором внешней разведки в ранге первого заместителя министра.

Берия внимательно следил за разногласиями в западном лагере по германскому вопросу. Так, 19 марта 1953 года он получил сообщение внешней разведки МВД об “ультиматуме США Франции” с целью скорейшей ратификации Парижского договора. Интересно, что другие члены Президиума ЦК КПСС (так тогда называлось Политбюро) этой информации не получили.

Почти сразу после смерти Сталина Берия и Маленков предложили вывести советские войска из Австрии без всяких предварительных условий, чтобы продемонстрировать Западу решимость СССР разрешить все спорные вопросы, включая германский. Однако Молотов, имевший ещё очень большой авторитет в послесталинском руководстве СССР, высказался против столь смелого шага, настаивая на необходимости получить от Запада какие-нибудь уступки.

[152] Платошкин Н.Н. Ук. соч.

Что касается непосредственно Германии, то Берия выступал за немедленное объединение страны на капиталистической основе. Удивительным образом его логика совпадала здесь с опасениями британского Форин-офис. Если Германия воссоединится благодаря СССР, полагал Берия, то она будет чувствовать признательность и поможет Советскому Союзу в экономическом плане (именно роста советско-германской торговли в случае объединения всерьёз опасались английские дипломаты). Маленков был склонен поддержать Берию. Но Хрущёв и Молотов, как и в случае с Австрией, были против односторонней сдачи ГДР. Позднее, после ареста Берии, Хрущёв именно так и описывал планы Берии: “Он (то есть Берия) предложил отказаться от строительства социализма в ГДР и сделать уступки Западу. Это всё равно, что сдать американской империалистической гегемонии восемнадцать миллионов немцев”»[153].

Инициативы Берии получили неоднозначную оценку у мемуаристов, значительная часть которых так или иначе была задействована в этих событиях. Как пишет один из ведущих российских германистов А.Н. Филитов в статье «СССР и ГДР, год 1953»: «Ещё в 60-е годы Н.С. Хрущёв публично обвинил Л.П. Берию и Г.М. Маленкова в том, что в период непосредственно после смерти Сталина они были готовы договориться об объединении Германии на западных условиях — путем “сдачи” ГДР; лишь арест Берии положил конец этим планам. В последнее время достоверность этой версии, казалось бы, лишь возросла: свидетельства в её пользу содержатся в воспоминаниях как политических противников Хрущёва, в первую очередь В.М. Молотова, так и менее ангажированных свидетелей — дипломатов типа А.А. Громыко или В.С. Семёнова; в наиболее полном виде её развил в своих мемуарах ветеран советских спецслужб П.А. Судоплатов. Различия лишь в деталях и эмоциях: большинство мемуаристов пишут о “плане Берии по Германии” с возмущением и негодованием, тогда как, положим, тот же Судоплатов — с явным одобрением, к которому добавляется сожаление по поводу того, что его не удалось реализовать из-за того, что “бериевское междуцарствие” оказалось слишком кратким. Последняя точка зрения господствует и среди историков Запада»[154].

В этой же статье А.Н. Филитов приводит подробные архивные данные относительно обсуждения вопроса о ГДР в мае 1953 г. представителями высшего советского руководства. Согласно найденным им в архивах материалам, в руководстве сложилась примерно следующая ситуация. Л.П. Берию поддержал Г.М. Маленков, категорически против выступили Н.С. Хрущёв, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович и высшие военные. Что же до хозяйственников, то они заняли уклончивую позицию. В итоге обсуждение не сформировало какой-то законченной позиции, и вопрос было решено перенести на более поздние сроки.

Рассматривая предложение Л.П. Берии в исторической ретроспективе, многие неангажированные исследователи, основывающие свои выводы в том числе на результатах крупномасштабных математико-имитационных экспериментов, моделирующих различные пути развития Германии и СССР, приходят к заключению

[153] Платошкин Н.Н. Ук. соч.

[154] Филитов А.Н. СССР и ГДР, год 1953 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 123–135.

о практической реализуемости и предпочтительности для СССР предложений Берии. При их реализации открылись бы принципиально новые возможности для социально-экономического развития СССР и значительно укрепилось бы его положение на международной арене, в том числе за счёт создания принципиально новых международных коалиций и конфигураций. Что же касается Германии, то с учётом конкретной расстановки социально-политических сил в стране к власти с чрезвычайно высокой степенью вероятности пришла бы позитивно настроенная к СССР левоцентристская коалиция социал-демократического типа.

Бросается в глаза, что при рассмотрении германского вопроса в советском руководстве по сути сформировались две противостоящие друг другу коалиции. Одна включала представителей государственного аппарата, спецслужбы и значительную часть хозяйственников, а другая — партийцев, старую сталинскую гвардию, пережившую чистки, и военных. Первую коалицию олицетворял собой Л.П. Берия, вторую — Н.С. Хрущёв. Формирование именно таких коалиций неудивительно, поскольку их конфигурация предопределена в значительной степени объективными интересами различных групп в советской правящей элите. Первая коалиция фактически базировалась на советском варианте так называемой международной школы Realpolitik. Вторая же стала результатом консолидации партноменклатуры с корпоративными интересами военной элиты, заинтересованной в обострении международной обстановки и бесконтрольном наращивании низкотехнологичных военных расходов. На последнее хотелось бы обратить особое внимание. Советская военная элита той поры была сформирована Великой Отечественной войной и, как показывает анализ трудов военных теоретиков, а также книг, написанных советскими маршалами, они, вплоть до катастрофы СССР, за редкими исключениями, типа С.Ф. Ахромеева, мыслили новую войну, как продолжение старой, с учётом атомного оружия, как фактора сдерживания. Иными словами, значительная часть военной советской элиты в период с 1945 по 1991 г. последовательно выступала за экстенсивное развитие Вооружённых Сил и создание количественного превосходства по любым типам вооружения перед потенциальным противником. В итоге сложившийся антибереевский блок партноменклатуры и военной элиты, в конечном счёте, привёл к обескровливанию советской экономики и в значительной степени предопределил крах СССР.

Несмотря на нерешённость вопроса о германской политике на уровне высшего советского партийно-политического руководства, Л.П. Берия и его сторонники продолжали активно действовать. «В принципе Берия действовал вполне в духе “ноты Сталина” от 10 марта 1952 года. Но только в отличие от уже престарелого в 1952 году вождя, он проводил свои планы в жизнь со свойственным ему напором и энергией. Если бы Черчилль всё-таки вырвался в Москву в мае – начале июня 1953 года и провёл переговоры с советской делегацией, в которой, несомненно, тогда участвовал бы и Берия, в германском вопросе, по всей вероятности, был бы достигнут исторический прорыв.

Одновременно Берия направил в Вену известную советскую разведчицу и специалиста по Германии Зою Рыбкину. Она должна была восстановить оперативный контакт с работавшей раньше на советскую разведку актрисой Ольгой Чеховой, постоянно проживавшей в ФРГ. Через неё Берия хотел прозондировать готовность

Аденауэра к компромиссу по германскому вопросу (сам Берия полагал, что ГДР должна была пользоваться в составе единой Германии определённой автономией, чтобы сохранить хотя бы некоторые свои социальные завоевания). С миссией в Ватикан был послан другой ас советской разведки — Григулевич, который должен был выйти на католика-канцлера через папский престол. Берии очень нужна была позитивная реакция Запада на свои внешнеполитические инициативы, так как её отсутствие было основным аргументом его противников в руководстве СССР»[155].

Вполне очевидно, что восстановление оперативных контактов с Ольгой Чеховой и выход на ключевые фигуры в Ватикане были связаны не только и не столько, как пишет Н. Платошкин, со стремлением установить прямые отношения с Конрадом Аденауэром, сколько с необходимостью заручиться поддержкой наиболее мощных финансово-промышленных и военных кругов Германии, связанных с «чёрным интернационалом». Политическая реальность того времени была такова, что именно эти круги за кулисами не только оказывали серьёзное воздействие на решения кабинета Аденауэра, но и, что гораздо более важно, тесно взаимодействовали с реальными хозяевами Америки. Л.П. Берия был слишком искушённым политиком, чтобы не понимать, что подлинные ключи к решению германской проблемы лежат не в Бонне, а в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Любому человеку, интересующемуся историей Третьего рейха, хорошо известна роль Ольги Чеховой и её близость не только к А. Гитлеру, но и к Г. Герингу и тем финансово-промышленным кругам, которые стояли за ним и за Мартином Борманом. Что же до миссии Григулевича, то опять же понятно, что Рим был интересен и ценен не только и не столько связями с Конрадом Аденауэром, сколько контактами с «чёрным интернационалом», а также военным крылом Ордена мальтийских рыцарей, чьи члены занимали ключевые позиции в разведывательных и военных структурах администрации Д. Эйзенхауэра.

Есть основания полагать, что миссии Рыбкиной и Григулевича достигли успеха. В результате этого В. Ульбрихт и его группа, полностью ориентировавшиеся на Хрущёва и советскую военную администрацию, с одной стороны, и Конрад Аденауэр, и значительная часть американских военных — с другой, оказались перед лицом крупномасштабной катастрофы. В ходе интервью Серго Берии Дмитрию Гордону он указал, что к июню 1953 г. у отца всё было готово для того, чтобы объявить о создании единой Германии и нормализовать советско-американские и советско-британские отношения. Единственное, что могло помешать этому плану, это форс-мажорные обстоятельства. Такой форс-мажор случился. В историю он вошёл под названием Берлинского восстания рабочих 1953 г.[156]

Сегодня, когда рассекречена большая часть архивов того времени, можно с чрезвычайно высокой степенью вероятности утверждать, что восстание носило не стихийный характер и было инспирировано не американским империализмом и его британскими прислужниками, а организовано по плану, разработанному для Н.С. Хрущёва советниками советско-американской неформальной военной группировки, а на практике реализовано правительством В. Ульбрихта. Доказать данное обстоятельство весьма несложно. Сегодня имеются многочисленные статисти-

[155] Платошкин Н.Н. Ук. соч.

[156] Платошкин Н.Н. Ук. соч.

ческие материалы, показывающие, что к лету 1953 г. в ГДР наблюдались перебои со снабжением целым рядом продуктов питания, не говоря уже о товарах народного потребления. Жиры, мясо, кондитерские изделия и сахар по-прежнему распределялись по карточкам. Что же касается цен в коммерческих магазинах, то они были недоступны для подавляющей части работающих немцев. Кроме того, наблюдался скрытый рост цен. Вполне понятно, что в такой ситуации о какой-либо удовлетворённости трудящихся уровнем своей жизни речи идти не могло и люди голосовали ногами. В 1951 г. ГДР покинуло более 165 тыс. человек. В 1952 г. — более 182 тыс. человек. А за первое полугодие 1953 г. — уже 120 тыс. человек.

Что делает в этих условиях близкий личный друг Н.С. Хрущёва В. Ульбрихт и его правительство? В самом конце апреля они резко повышают цены на общественный транспорт, одежду, обувь, хлебопродукты, мясо и содержащие сахар продукты. Чтобы действовать уже наверняка, В. Ульбрихт организует ещё одну провокацию. 28 мая распоряжением правительства были повсеместно резко повышены производственные нормы на предприятиях промышленности. Фактически это означало значительное уменьшение заработной платы, которое вместе с повышением цен и перебоями в поставках продуктов питания ставило подавляющую часть рабочих, включая высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников даже не на грань, а за грань нищеты.

Эффект был ожидаемым. В ГДР, сначала в Берлине, а потом в других городах страны вспыхнули забастовки. «Так, в берлинском районе Митте (Центр), где находились основные правительственные учреждения ГДР, из занятых на четырёх предприятиях 4413 человек бастовали около 3300, в районе Фридрихсхайн из 10 815 рабочих на 10 заводах — 10 484, в Кепенике из 24 073 рабочих на 13 предприятиях — 12 598. Забастовки охватили и заводы советских акционерных обществ. По данным аппарата советского Верховного комиссара, 17 июня в Берлине бастовали 80 тысяч из 200 тысяч рабочих города, причём забастовками были охвачены крупнейшие предприятия. Повсеместно были организованы забастовочные комитеты. Выдвигались пока ещё, в основном, экономические лозунги: снижение цен в госторговле на 40%, перевыборы профсоюзного руководства и другие. Однако буквально с каждым часом на первый план всё больше и больше выдвигались политические требования: отставка правительства, проведение свободных выборов, воссоединение Германии»[157]. В итоге забастовка, перешедшая в восстание, была подавлена советскими войсками. При этом силы полиции ГДР по указанию Ульбрихта покинули города ГДР и укрылись в своих казармах.

Дополнительными аргументами в пользу спровоцированности Берлинского восстания, организованного В. Ульбрихтом по указанию Хрущёва, являются свидетельства, приводимые в работе Филитова. «Имеющиеся свидетельства (правда, опять-таки пока лишь мемуарные) позволяют ответить на этот вопрос в том плане, что у Ульбрихта были, видимо, достаточно сильные покровители в Москве, которые как раз и "прикрывали" его саботаж. В.И. Мазаев, бывший в 1953 г. сотрудником СКК, а затем аппарата Верховного комиссара, сообщает, например, что ему и его коллегам поступило категорическое указание — в своих докладах не упоминать о каких-либо фактах бедствий или недовольства среди рабочего класса ГДР.

[157] Платошкин Н.Н. Ук. соч.

В.И. Фалин, со своей стороны, упоминает о распространённом среди советских "друзей" мнении, что рабочие в ГДР и так живут слишком хорошо и не мешало бы их слегка "поприжать". Более того, он считает, что между этим мнением и отсутствием пункта об улучшении положения рабочих в "новом курсе" была прямая связь»[158].Для анализа важен тот факт, что В.И. Мазаев в тот период был полковником Советской Армии и, соответственно, подчинён министру обороны СССР, а В.И. Фалин трудился в аппарате ЦК КПСС.

Не является ли голословным утверждение о том, что заговор Хрущёва – Ульбрихта был скоординирован, а весьма вероятно и разработан с участием американских политиков и военных? О том, что оно не голословно свидетельствуют непреложные факты. «В ночь с 15 на 16 июня 1953 года на западноберлинский аэродром Темпельхоф (американский сектор) каждые 30 минут приземлялись транспортные самолёты с боеприпасами. 16 июня английские и американские войска в городе были приведены в состояние повышенной боевой готовности, а утром 17 июня здание американской военной администрации в Берлине было взято под охрану танками. С 15 июня с американских самолётов над столицей ГДР периодически сбрасывались листовки с призывами выступить против правительства ГДР»[159].

С того же 15 июня ко всеобщей забастовке начала призывать расположенная в Западном Берлине правительственная американская радиостанция РИАС. Казалось бы, с началом массовой забастовки и стихийных выступлений сначала рабочих, а затем студентов и торговцев американцам самое время было бы активно поучаствовать в этих событиях, открыв Западный Берлин для жителей ГДР и т.п. Однако, как показывает анализ, задумка была в другом. Главная цель была в организации и максимальном расширении забастовочного движения. Как только это произошло, США, Великобритания и Франция не предприняли никаких мер для поддержки забастовщиков. Более того, в то время обер-бургомистром Западного Берлина был представитель СДПГ Ройтер, который отличался радикальным антикоммунизмом и неоднократно говорил, что готов практически всеми имеющимися ресурсами поддержать возможные выступления берлинцев против коммунистической диктатуры. Всеобщая забастовка в Восточном Берлине началась именно тогда, когда Ройтер отсутствовал в городе. Позднее он утверждал, что Соединённые Штаты сделали всё, чтобы он не мог вернуться в Берлин и организовать практическую помощь забастовщикам до тех пор, пока советские войска не стали хозяевами положения[160].

Одновременно в первые же часы забастовки в западном секторе Берлина американскими военными было решено поддерживать жёсткий порядок и категорически, вплоть до стрельбы на поражение, не допускать перелива демонстрантов из Восточного Берлина. Митинги солидарности с восточными берлинцами было разрешено проводить лишь на окраинах Западного Берлина в максимальном удалении от границы с советским сектором. Когда же советские войска начали предпринимать меры против забастовщиков, западные коменданты выпустили пресс-релиз, в котором отмечалась необходимость нормализации ситуации и подчёркивалось, что западные

[158] Филитов А.Н. Ук. соч.

[159] Платошкин Н.Н. Ук. соч.

[160] Платошкин Н.Н. Ук. соч.

вооружённые силы никак не будут участвовать в событиях в ГДР, а также отмечалось, что поведение советских властей в ГДР является осторожным и адекватным.

Понятно, что в Берлине имела место классическая провокация с заранее предусмотренным итогом. Можно предположить, что координация западной стороны и группы Хрущёва и военных в СССР осуществлялась именно через военных. Советские архивы содержат огромное количество документов, представляющих собой отчёты встреч советских высокопоставленных военных со своими американскими и реже — британскими коллегами. Как правило, встречались командиры, имевшие опыт взаимодействия или человеческих контактов в ходе Великой Отечественной войны. Темы контактов были самые разнообразные. Анализ такого рода материалов, содержащихся в советских и американских архивах, осуществлённый американскими исследователями, позволил им сделать вывод о том, что данный канал связи использовался для прямых неформальных, доверительных контактов между высшим советским и американским руководством в различного рода конфликтных ситуациях[161].

Мало сомнений в том, что такие контакты сработали и в случае Берлинской провокации. Итог этой провокации хорошо известен — арест в начале июля 1953 г. (и, весьма вероятно, убийство в то же время Л.П. Берии) и многих высокопоставленных представителей советского разведывательного сообщества, включая тех, кто, как П. Судоплатов, был связан с атомным проектом.

После ареста, а скорее всего убийства Л.П. Берии в июле 1953 г. ни о каких совместных советско-германских действиях в Иране речи идти не могло. Поэтому план Б, имевшийся у сил, стоящих за Мосаддыком, был вслед за планом А отложен в сторону. По необходимости в действие вступил план С.

Кермиту Киму Рузвельту уже не надо было противодействовать подполью «чёрного интернационала» в Иране. Наоборот, в сложившейся ситуации противники стали друзьями. Буквально в считанные дни он, согласно его собственным воспоминаниям, установил контакты с армейскими офицерами, активизировал взаимодействие с генералом Захеди и, главное, получил заверение от аятоллы Кашани и других прогерманских симпатизантов, до июня 1953 г. поддерживавших Мосаддыка, что они не только не будут мешать перевороту, но и окажут ему необходимое содействие.

19 августа 1953 г. Мосаддык, как это и предсказывал И. Садчиков, был свергнут. Шах со своей женой-полунемкой вернулся в страну. Бывший агент Абвера генерал Захеди стал премьер-министром. Британское нефтяное наследство было разделено между британцами, американцами и вездесущей «Ройял Датч Шелл», за которой стояла и стоит Оранская династия. Все иранцы, связанные с «чёрным интернационалом», не претерпели никаких репрессий, не только оставшись на своих местах, но и укрепив позиции в иранском обществе. «Чёрный интернационал» получил свои преференции через инжиниринговые компании, поставку химреактивов и других компонентов реорганизованной международной нефтяной компании в Иране. Что до СССР, то Никита Сергеевич Хрущёв вскоре стал лучшим другом опекаемых нацистским интернационалом режимов Гамаль Абдель Насера, Хафиза Асада и пришедших в 1957 г. к власти в Ираке военных и баасистов, возглавляемых Хасаном аль-Бакром и Саддамом Хусейном.

[161] Ball K. The Direct Line. US – Soviet Military Personal Contacts in the 1944–1960. Sydney: HarperCollins Publishers Australia, 2013.

Глава 4 Александр Кинг: на пути к Римскому клубу

1

Бесценный опыт, полученный Александром Кингом как консультантом Британского правительства в ходе кризиса с Англо-иранской нефтяной компанией, окончательно убедил его, что времена британского владычества миновали и наступил момент, когда необходимы экстраординарные усилия, чтобы страна осталась в ряду великих держав. В ту пору с подобными убеждениями А. Кинг выглядел белой вороной среди британского истеблишмента, цеплявшегося за иллюзии былого имперского величия. Кстати, одним из немногих людей в высших кругах правящей элиты, солидарных с мнением А. Кинга, был его давний знакомый, коллега по разведывательной работе и участию в Фабианском обществе барон Виктор Ротшильд.

Поиск новых нетривиальных решений подтолкнул А. Кинга к тесному знакомству с известным американским журналистом, главой европейского бюро газеты «Нью-Йорк Таймс» Кларенсом Стрейтом — человеком, поддерживавшим близкие, если не сказать дружеские отношения с Уинстоном Черчиллем и Франклином Рузвельтом. Эти отношения привели к тому, что в 1955 г., ещё продолжая занимать ключевые позиции в британском правительственном кабинете, А. Кинг вступил в комитет Атлантического Союза. В этом комитете А. Кинг продолжал оставаться до 1960-х годов и тесно работал с такими известными людьми, как Ричард Никсон, Хьюберт Хамфри, Джекоб Джавитс, Джон Фостер Даллес, Генри Киссинджер, а также со своими друзьями — британскими политиками и бизнесменами, членами Фабианского общества.

При анализе приведённого перечня имён в глаза бросается, что большинство упомянутых в нём людей самым тесным образом взаимодействовали и осуществляли совместные проекты с Аурелио Печчеи. Ещё более интересна суть работы комитета Атлантического Союза. Комитет, действовавший по обе стороны Атлантики, ставил своей задачей создание политической организации, которая объединит сначала Соединённые Штаты и Великобританию, затем страны Западной Европы и на финальной стадии — советского блока.

Впервые идея Атлантического Союза как трансатлантической надгосударственной структуры была сформулирована Стрейтом в опубликованной перед войной книге «Союз сейчас» в дословном переводе, или «Основание Союза» в смыс-

ловом эквиваленте[162]. До написания книги Стрейт учился в университете в США. С началом Первой мировой войны он прервал обучение в штате Монтана, добровольно поступил на военную службу и служил в военной разведке во Франции. Там был замечен за выдающиеся аналитические способности и в юном для аналитика-дипломата возрасте был включён в состав американской делегации на Версальскую конференцию. В ходе конференции он познакомился с крупным американским юристом, знатоком военного права, одним из видных деятелей сионистского и левого движения США, Францем Франкфуртером, в последующем — многолетним близким другом Ф.Д. Рузвельта и членом Верховного суда США.

Вскоре после окончания Первой мировой войны Стрейт получил грант фонда Сесиля Родса и продолжил обучение в Оксфорде. Стрейт тесно работал с лордом Милнером, душеприказчиком и продолжателем дела Родса, а также с супругами Вебб. Естественно, он вступил в Фабианское общество и в 1920-е – начале 1930-х годов несколько раз посещал СССР[163]. Следуя идеям Сесила Родса, основанного им общества Круглого стола, а также Фабианского общества, Стрейт в своей книге показывал бессмысленность и бесперспективность структур типа Лиги наций и подобных консультативно-дискуссионных образований. Он доказывал необходимость создания всемирного союза демократий. Этот союз должен был обеспечить решение наиболее острых задач, стоящих перед каждой из входящих в него стран, и одновременно предотвратить новые, ещё более разрушительные, чем Первая мировая война, вооружённые конфликты.

Надо сказать, что после своего возвращения из Британии в Соединённые Штаты, Стрейт поддерживал теснейшие отношения не только с американской политической, финансовой и интеллектуальной элитой, но и с различного рода левыми движениями, начиная от Лиги за производственную демократию и заканчивая коммунистической партией, прогрессистами и троцкистами[164].

В книге Стрейт придерживается принципа разнообразия демократии. Под демократией он понимает социально-политическое устройство, которое позволяет тому или иному обществу выбрать между капитализмом и различными моделями социализма. В этом смысле, по его мнению, коль скоро «социалистические и иные коллективистские общества, возглавляемые марксистскими правительствами, готовы войти в Атлантический Союз, они не только могут считаться, но и по сути являются демократическими. Способ республиканского самоуправления и организации хозяйственной жизни не является определяющим для вхождения в Атлантический Союз, который может и должен объединять различные страны. Более того, по мере развития индустриализма, корпоративной организации экономической жизни и техники, различия между так называемыми социализмом и капитализмом будут стираться. Главными станут культурные различия, связанные с соотношением свободы и солидарности, инициативы и справедливости и т.п.»[165].

Начало Второй мировой войны сделало книгу Стрейта всемирным бестселлером. За 20 лет с момента своего издания она была переведена на 17 языков и издана

[162] Streit C.K. Freedom's Frontier – Atlantic Union Now. http://www.constitution.org/aun/aun0--00.htm

[163] Allen G. The Rockefeller File. N.Y.: Buccaneer Books, 1998.

[164] Allen G. Op. cit.

[165] Streit C.K. Op. cit.

тиражом более полумиллиона экземпляров. В Соединённых Штатах, Великобритании, а после 1949 г. — во Франции, ФРГ, Италии создавались ячейки комитета Атлантического Союза, как для элиты, так и для представителей в основном среднего класса. С 1945 по 1965 г. в Америке и Великобритании собирались десятки голосов членов высшей законодательной власти о внесении вопроса об основании Атлантического Союза на референдум.

Интересно, что Атлантический Союз мыслился Стрейтом как метагосударственная структура, чьи конституционные принципы являются чем-то средним между конституциями США и СССР. В конечном счёте обе эти конституции предусматривали образование союза государств. Советские, а теперь российские читатели не вполне понимают, что не только в момент образования, но и до настоящего времени штаты собственно и представляют собой государства, которые часть своих полномочий делегировали федеральному правительству Соединённых Штатов Америки. В связи с этим неудивительно, что Стрейт для наименования своего метагосударственного образования выбрал слово «союз».

Идеи Стрейта имели мощную поддержку в высшем политическом и экономическом истеблишменте США и преимущественно промышленных кругах Великобритании. Основное финансирование комитетов Атлантического Союза и пропаганды идей Кларенса Стрейта, который умер почти в 90-летнем возрасте в 1987 г., взял на себя благотворительный фонд братьев Рокфеллеров[166].

Работая в свободное от служебных занятий время в комитете Атлантического Союза, А. Кинг актуализировал и расширил свои и без того обширные связи в высшем американском истеблишменте, которые он приобрёл в ходе Второй мировой войны. Поэтому неудивительно, что когда американцы всерьёз озаботились эффективностью расходования средств по плану Маршалла и занялись переструктурированием Организации Европейского Экономического Сотрудничества, они предложили на один из ключевых постовАлександра Кинга. В структуре организации было решено создать Комитет по вопросам производительности и прикладным исследованиям и в качестве его рабочего органа — Европейское агентство по увеличению промышленного производства.

В конце 1956 г. А. Кинг, как кандидатура, согласованная американской администрацией, британским правительством и правительствами, входящими в состав ОЕЭР, был предложен на пост соруководителя Европейского агентства по увеличению промышленного производства (ЕПА). Финансирование работы агентства на первых порах взяли на себя благотворительные фонды братьев Рокфеллеров и Форда. 1 января 1957 г. Александр Кинг завершил карьеру государственного служащего в Великобритании и начал работать высокопоставленным международным чиновником.

Перед ЕПА было поставлено несколько задач, главным образом связанных с повышением эффективности производства и ускорением внедрения инноваций в промышленности. Это было обусловлено двумя основными обстоятельствами. Первое и главное — вызовом со стороны Советского Союза, чья экономика в 1950-е годы стремительно прогрессировала. Второе обстоятельство коренилось в том, что, по мнению американцев, европейцы не слишком эффективно использовали средства,

[166] Allen G. Op. cit.

выделяемые по плану Маршалла. Значительная часть этих средств уходила не на создание новых институтов и повышение эффективности производства, а на повышение бюрократических издержек управления, а также нецелевое использование средств на различные социальные программы.

Как пишет Александр Кинг: «В качестве первоочередной задачи необходимо было разработать предпосылки для роста производительности всех факторов производства и прежде всего труда в промышленном, сельскохозяйственном и обслуживающем секторах экономики, обеспечить разработку и установить контроль за реализацией национальных программ в этой сфере»[167]. Столь большое внимание, уделяемое членами ОЕЭР производительности, конечно же, было связано в то время с фактором Советского Союза. В 1950–1960-е и даже в начале 1970-х годов к экономическим научным и технологическим перспективам Советского Союза на Западе относились гораздо серьёзнее, чем сегодня к Китаю. В настоящий момент сложно поверить, но факт остаётся фактом, что главное расхождение между виднейшими экспертами-экономистами того времени, включая практически всех Нобелевских лауреатов, заключались не в том, обгонит ли СССР США и кто победит в соревновании двух систем, а в обсуждении срока, когда это произойдёт и, что называется, на каких условиях социалистическая система поглотит капиталистическую.

Причём, если сегодня у серьезных западных аналитиков нет иллюзий относительно природы китайской мощи, реального уровня научно-технологического развития этой страны, глубины процессов деструкции правящей элиты и запредельной степени фальсификации государственной китайской статистики, то с Советским Союзом в те времена дело обстояло по-другому. Достаточно привести несколько цифр. Причём цифры приводятся не по государственной статистике СССР, а по исследованиям межотраслевых балансов, которые осуществил один из крупнейших мировых статистиков, специалист номер один по советско-российской статистике в мире, Г. Ханин. В своей статье «Десятилетие триумфа советской экономики» он приводит данные, объясняющие тогдашний прогрессирующий пессимизм американских, британских и европейских политиков и экспертов в отношении западных шансов в соревновании двух систем.

Согласно существенно более низким, чем официальные данные, оценкам Ханина экономического роста в 1950-е годы, получается следующая картина. За 1951–1960 гг. ВВП в СССР вырос на 244%, в США — на 133%, в Великобритании — на 127%, во Франции — на 158%. И только в ФРГ, где производственный потенциал был разрушен до основания и фактический рост так же, как и в Японии начинался не то что с нулевой, а даже с отрицательной величины, темпы роста составили 217%.

Объём промышленного производства в СССР вырос на 228%, в США — на 145%, в Великобритании — на 135%, во Франции — на 180%. Даже по темпам роста производительности труда — важнейшему показателю эффективности, СССР опережал западные страны. В нашей стране он вырос в 1951–1960 гг. на 146%, в США — на 134%, в Великобритании — на 122%. Неизмеримо более высокими темпами росли реальные доходы населения СССР в 1950-е годы по сравнению с США, Великобританией и всеми европейскими странами[168].

[167] Кинг А. Ук. соч.

[168] Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые. http://saint-juste.narod.ru/hanin.htm

Следует подчеркнуть, что приведённые выше оценки, сделанные на основании данных межотраслевого баланса и статистики Госплана СССР Г. Ханиным относительно динамики советских показателей, не только значительно ниже, чем данные официальной статистики, но и существенно уступают оценкам советской экономической динамики, которые делались в то время ЦРУ США и привлечёнными им западными экономистами. В глазах западного истеблишмента того времени картина была ещё более плачевной, чем дело обстояло в действительности. Отсюда понятно, что американская правящая элита и её европейские сателлиты были как никогда озабочены вопросами повышения эффективности производства.

Пресса того времени и анализ выступлений ведущих политиков и промышленников как на публичных мероприятиях, так и на закрытых конференциях свидетельствуют, что алармистские настроения в отношении СССР сменились подлинной паникой после запуска в 1957 г. первого в мире орбитального непилотируемого космического корабля, знаменитого «Спутника». С этого момента даже самым упёртым аналитикам стало понятно, что эффективность советской экономики связана не только и не столько с ГУЛАГом и тотальным принуждением и даже не с умелой пропагандой, породившей долговременный массовый энтузиазм, а с реальным технологическим превосходством, по крайней мере, в некоторых решающих научно-технических отраслях, сферах, а также бесспорным первенством советского среднего и высшего образования и системы организации массового технического творчества и реализации крупномасштабных научно-технических программ.

Сразу после запуска советского спутника ЕПА по предложению А. Кинга и его коллег за океаном из организации «Язоны», прародителя знаменитой DARPA, был сориентирован на проведение сравнительного анализа научно-технических достижений в основных критических для экономики и безопасности сферах в СССР, США и Европе. Для этих целей ЕПА были разрешены тесные контакты с разведывательными сообществами США, Великобритании и Франции. При этом, как это уже повелось на Западе, срочные ключевые программы не ждали там одобрения и финансирования в многочисленных комитетах законодательной власти и прохождения бумаг в бюрократических лабиринтах исполнительной власти, а быстро и в полном объёме финансировались из специальных частных источников. Финансирование указанной программы полностью взял на себя благотворительный фонд братьев Рокфеллеров. Тогда же состоялось личное знакомство Джона Рокфеллера Третьего с Александром Кингом. Именно Дж. Рокфеллер являлся не только главной фигурой среди пяти братьев, но и отвечал в братском разделении труда за международную политику, благотворительность и взаимодействие с государственными органами власти. Программа разрабатывалась ЕПА в течение трёх лет вплоть до середины 1961 г., когда западный мир получил ещё более сокрушительный удар, чем «Спутник», увидев над планетой уже не собак и прочую живность, а первого в мире человека, запущенного в космос. Сегодня даже сложно себе представить политико-психологическое воздействие запуска в космос Юрия Гагарина и по-настоящему кардинальные перемены, к которым привёл этот запуск в отношении к Советскому Союзу со стороны западной правящей элиты, отличавшейся в те времена адекватностью, образованностью и умением трезво смотреть на вещи.

В ходе работы над программой ЕПА были разработаны уникальные методики сопоставления уровня развития фундаментальной, прикладной науки, опытно-

конструкторских разработок, массовости и эффективности их внедрения на технологический уровень и, наконец, эффективность технологий в уже действующих производственных паттернах. Необходимо отметить, что подобного уровня исследований в мире до того момента достигнуто не было. Под руководством А. Кинга была создана поистине бесценная система научно-технического прогнозирования и сопоставления в привязке к конкретным производственно-экономическим задачам. В последующем эта технология, переданная благотворительному фонду Рокфеллеров, послужила основой для разработки под руководством полковника М. Секоры проекта «Сократ». Этот проект был инициирован в первые годы администрации Рейгана для выяснения реального уровня конкурентоспособности Америки в сфере военных технологий, технологий двойного назначения и технологий гражданского сектора. Базируясь на разработках ЕПА, группа Секоры, созданная в рамках разведывательного сообщества США создала постоянно действующую систему тотального всеобъемлющего мониторинга технологий. В конце правления Дж. Буша-старшего в 1992 г. проект «Сократ» был свёрнут и реанимирован под другим названием в рамках Агентства IARPAв 2013 г. Сегодня этот проект реализуется как частно-государственное партнёрство, где вместе с IARPAкак координатором участвуют другие разведывательные агентства и исследовательские центры 32 крупнейших американских высокотехнологических корпораций[169].

Трёхлетняя титаническая работа ЕПА была востребована в первую очередь американцами и французами. Другие страны в силу самых разных причин оказались в стороне. Кроме того, практической реализации выводов, полученных в результате работы, помешала реорганизация ОЕЭР. Поскольку к 1961 г. план Маршалла был завершён, то возникла идея несколько изменить функции организации, превратив её из инструмента реализации плана Маршалла в координационную структуру ведущих стран Запада. В соответствии с этой идеей ОЕЭР был реструктуризирован в Организацию Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), в которую наряду с США и странами-получателями помощи по плану Маршалла вошли Австралия, Канада, Новая Зеландия и Япония. В процессе реорганизации А. Кинг расширил сферы своих полномочий, став из сопредседателя единоличным директором Совета по производительности, который сменил ЕПА.

В 1963 г. руководящий Комитет ОЭСР, состоящий из министров экономики и финансов, поставил перед командой А. Кинга задачу разработки мер по повышению эффективности управления крупными национальными и транснациональными корпорациями в связи со снижением нормы их прибыли. На заседании Комитета, инициированном прежде всего американской стороной, были озвучены данные, поразившие как высших государственных чиновников, так и руководителей корпораций. Выяснилось, что за период с 1935 по 1961 г. норма прибыли в корпорациях обрабатывающей промышленности в странах ОЭСР снизилась почти в два раза — с 14,8 до 7,5%[170]. Падение нормы прибыли сужало возможности самофинансирования корпораций, сокращало поступление в государственные бюджеты, вело к затруднениям финансирования научно-исследовательских и опытно-

[169] Ackman E. President Reagan's Program to Secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates. http://projectsocrates.us/

[170] UN Trends and Issues in Foreign Direct Investment and Related Flows. L., N.Y.: United Nations, 1962.

конструкторских работ. По решению Комитета была создана комиссия по повышению эффективности работы национальных и транснациональных корпораций, в которую наряду с командой А. Кинга вошли представители 27 крупнейших транснациональных корпораций по обе стороны океана. В качестве своего заместителя А. Кинг пригласил знаменитого американского экономиста, специалиста по корпоративной эффективности и собственности Альфреда Бёрли.

Сегодня экономическая мысль того периода связывается прежде всего с влиянием Дж. Кейнса. Однако в 1930–1960-е годы считалось, что наиболее влиятельной экономической книгой, идеи которой воплощаются в реальность правительствами и корпорациями многих стран, являлась не только знаменитая и по сей день работа Д.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», но и книга А. Бёрли и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность»[171]. А. Бёрли и Г. Минз в своей книге впервые выдвинули ставшую в последующем широко известной теорию управленческой или менеджерской революции. Работа была написана на основе огромных массивов статистического материала с привлечением обширных юридических данных. Детальный анализ фактических данных как количественного, так и качественного характера позволил авторам сделать несколько основополагающих выводов.

Авторы смогли выделить несколько ключевых тенденций развития капитализма. В их числе:

– во-первых, два параллельно идущих процесса в американской экономике: с одной стороны, происходил рост экономической концентрации богатства, а с другой — увеличение числа акционеров. Эти процессы впервые были описаны в книге А. Бёрли и Дж. Минза и в последующем находились под пристальным вниманием экономистов и статистиков в США и Западной Европе. В результате многочисленных исследований выяснилось, что впервые обнаруженные в начале 1930-х годов параллельные процессы формирования суперэлиты и размывания собственности в крупнейших корпорациях продолжались в 1940-е, 1950-е и 1960-е годы;

– во-вторых, возрастание роли в акционерном капитале институтов, аккумулирующих деньги мелких и средних инвесторов, включая пенсионные фонды, профсоюзные фонды, страховые организации, фонды доверительного управления и т.п.;

– в-третьих, постоянное увеличение разнообразия форм и методов контроля над корпорациями, которые в своей совокупности ведут к уменьшению процента акций, необходимого для господства над корпорацией;

– в-четвёртых, значительное влияние на структуру собственности в корпорациях, государственных юридических норм и политики, направленной против картелей, концентрации собственности в руках немногих юридических лиц и т.п. В совокупности эти меры, по мнению авторов книги, выдержавшей более девяти изданий, объективно вели к запутыванию и распылению собственности крупных корпораций;

– наконец, в-пятых, под воздействием указанных выше тенденций авторы выделяли такое важнейшее направление в практике корпораций, как прогрессирующее усиление контроля высшего топ-менеджмента над корпорациями. Фактически авторы подвели статистическую и юридическую базу под высказанное ещё

[171] Berle A.A., Means G.C. Modern Corporation and Private Property. N.Y.: Macmillan, 1932.

К. Марксом предвидение об отделении капитала-собственности от капитала управленческой функции в монополистических структурах. По мнению Бёрли и Минза, топ-менеджеры становились, по сути, ключевыми людьми, определяющими решения, политику и эффективность в современных корпорациях.

Книга Бёрли и Минза оказала огромное влияние на кабинет Рузвельта, была уже в 1933 г. переведена на немецкий язык в Германии и пропагандировалась Ялмаром Шахтом как основа для построения германской корпоративной экономики. Однако поскольку книга была написана в академической манере и требовала высокого уровня профессиональных знаний, понадобился другой человек, а именно Джеймс Бернхем с его «Революцией менеджеров», для того, чтобы идея, что называется, пошла в политические и деловые массы, стала господствующей практической парадигмой.

А. Кинг привлёк Бёрли в свою комиссию не только из-за его всемирной известности и авторитета, но и вследствие его совершенно уникальных тесных связей и доверительных отношений с руководством крупнейших транснациональных корпораций.

2

В ходе исследования, проведённого командой А. Кинга в период с 1963 по 1966 г., удалось установить несколько ключевых параметров, определяющих как развитие капитализма того времени, так и возможности и ограничения повышения эффективности крупнейших корпораций, господствующих в экономике своих стран и мировой экономике. Прежде всего выяснилось, что в послевоенный период происходило ослабление контроля финансового капитала над крупнейшими корпорациями в промышленности, на транспорте, в торговле.

Авторы исследования и их консультанты из крупнейших транснациональных корпораций пришли к выводу, что это происходило в силу трёх основных причин. Во-первых, увеличение объёмов производства, послевоенное оживление экономики расширило возможности промышленного капитала для самофинансирования, изыскания собственных средств. Во-вторых, ещё в довоенный период в США и в послевоенный период в Европе правительства целенаправленно проводили политику ограничения возможностей экспансии финансового капитала в другие отрасли в виде владения банками и другими финансовыми институтами крупными пакетами акций. Образцом для подражания стал принятый администрацией Ф.Д. Рузвельта в конце 1930-х годов знаменитый закон Стигола – Гласса. Он был подготовлен при непосредственном участии Бёрли и Стюарта Чейза, руководителя мозгового центра при президенте и одного из ведущих деятелей американского Фабианского движения. В-третьих, в послевоенный период прежде всего в Европе и чуть в меньшей степени — в США всё большую роль в обеспечении финансирования отраслей и корпораций стали играть различного рода пенсионные, страховые, профсоюзные фонды.

Наряду с повышением независимости промышленного и торгового капитала вообще и ТНК в частности от финансового капитала группа пришла к выводу о том, что несмотря на жёсткую антитрестовскую политику, проводимую начиная с 1930-х годов в США и после Второй мировой войны в Европе, ТНК склонны к созданию различного рода альянсов неформальных, а потому не преследуемых по закону картелей, синдикатов и других форм согласованного раздела рынков сбыта капиталов и т.п. Наряду с отрицательными последствиями этого процесса группа А. Кинга увидела и положительные, состоящие в том, что корпорации создавали своего рода пулы для финансирования тех или иных разработок. При этом было отмечено, что государство, особенно в США, борясь в сбытовой сфере с картелями, фактически поощряет создание надмонополистических групп в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, подчас само организует такие группы.

Наконец, в докладе был сделан вывод о том, что заметное повышение эффективности и нормы прибыли ТНК видят в снижении неопределённости внешней среды и на этой основе в развитии программно-целевых методов управления. За 30 лет до появления современного маркетинга в исследовании впервые был сделан вывод о том, что магистральным направлением деятельности ТНК является создание программируемых ими рынков сбыта, где реализация продукции будет заранее гарантированной. Фактически речь шла о том, что ТНК не только на неформальной основе производят раздел рынков сбыта и фактически уничтожают конкурентную среду и рынки в их классическом понимании, но и практически переходят к целенаправленному формированию потребностей потенциальных покупателей как на рынках товаров народного потребления, так и на рынках производственной продукции. Едва ли не единственную возможность повышения эффективности в долговременном периоде ТНК видели в то время в решительном отказе от режима свободной конкуренции и переходе к различного рода формам так называемого активного планирования. Характерно, что в ходе написания доклада А. Кинг неоднократно встречался с Д. Гэлбрейтом, одним из ключевых советников администраций Д. Кеннеди и Л. Джонсона, автором знаменитого «Нового индустриального общества»[172], лауреатом Нобелевской премии и одним из гуру теории конвергенции.

Поскольку финальная шлифовка доклада перед представлением правительствам стран ОЭСР проходила в небольшом курортном итальянском городке Фраскати, работа получила название «Меморандум Фраскати». Меморандум был высоко оценен руководителями крупнейших ТНК, но крайне неоднозначно воспринят министрами, представлявшими страны ОЭСР. Эта неоднозначность достигла такой степени, что в отличие от всех других работ ЕПА доклад был засекречен и было принято решение не распространять его от имени ОЭСР и не предоставлять средствам массовой информации. Лишь спустя 40 лет он был официально рассекречен ОЭСР.

Поскольку в «Меморандуме Фраскати» тщательно рассматривались основополагающие для анализа наднациональных внутриэлитных взаимоотношений вопросы, представляется целесообразным несколько забежать вперёд и оценить, насколько выводы меморандума подтвердились результатами более поздних исследований, основывавшихся на достоверной фактологической базе.

Из небольшого числа первоклассных работ, осуществлённых в 1970-е годы, заметно выделяется своей документальной основой и тщательностью аналитической проработки серия докладов, выполненных авторским коллективом Е. Хермана, Ф. Берча, Ж. Шевалье и Д. Котца. Этот коллектив представлял собой специальную экспертную группу, созданную в рамках темы «Корпоративная собственность

[172] Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.

и контроль» по решению Конгресса США в 1969 г. и проработавшую до 1978 г. Группа имела беспрецедентный доступ ко всем, включая засекреченные, документам и к отчётности Комиссии по ценным бумагам и Налоговой службы США, а также к документации регистрационных служб всех 50 штатов. Нельзя не подчеркнуть, что ни до, ни после этой работы подобного доступа к публичным и засекреченным документам профессиональным исследователям, экономистам и юристам в США не предоставлялось.

Сами по себе доклады были засекречены Конгрессом США и использовались для рассмотрения на закрытых заседаниях соответствующих комитетов Сената и Палаты представителей. Однако участникам созданной группы было разрешено опубликовать фрагменты этих докладов в качестве авторских монографических исследований. Это сделало материалы доступными для внешних экспертов. В ходе работы над докладами группе удалось сделать несколько документально обоснованных выводов, которые почти полностью переплетались с основными идеями «Меморандума Фраскати», подготовленного группой А. Кинга.

Во-первых, был сделан вывод о том, что в 1960–1970-е годы произошло радикальное изменение функционала богатейших семей американского корпоративного мира. Если с конца XIX до 1930-х годов в американской деловой элите преобладали империи, которые структурно были характерны для Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов, Диллонов и т.п., то в 1960–1970-е годы на их место пришли холдинги и трасты, управляющие портфелями ценных бумаг, зачастую принадлежащих относительно старому для Америки семейному капиталу. Если первонакопители, своеобразные «разбойники-предприниматели создавали свои империи, как правило привязанные к определённым, конкретным отраслям и секторам экономики, и непосредственно руководили и контролировали корпорации, входящие в состав империи, то их наследники превратились в основном в миллиардеров-инвесторов, устранившихся от непосредственного руководства и стратегического управления корпорациями. Их перестал интересовать бизнес как таковой, а главное внимание стало уделяться доходности портфелей ценных бумаг, которые постоянно изменяются и диверсифицируются»[173].

Во-вторых, был сделан вывод о том, что в американском корпоративном мире снижается фактор персонифицированного контроля и управления со стороны собственников. В работе участника группы Ф. Бёрча «Переоценка управленческой революции» указывается, что в результате анализа «500 крупнейших промышленных корпораций США, а также 50 крупнейших корпораций в таких отраслях, как финансы и банковское дело, транспорт, предприятия общественного пользования, типа электроэнергетики и связи, а также торговли, сложилась следующая картина в отношении персонифицированного контроля. При этом под персонифицированным контролем и управлением корпорации понимается ситуация, когда в руках одной или нескольких семей, связанных юридически закреплёнными отношениями, находится не менее 10% пакета акций, а также семьи представлены своими участниками в совете директоров или менеджменте соответствующих корпораций. Этот критерий выполняется для 31% крупнейших промышленных, транспортных и торговых корпораций, для 12% крупнейших корпораций в сфере связи и электроснабжения и 17% банков и финансовых институтов»[174]. В итоге Комиссия сделала вывод о том, что, хотя семейный клановый контроль в корпорациях — как в промышленном, так и в финансовом секторах — сдал свои позиции по отношению к довоенному периоду, сократившись в количественном выражении почти в два раза, тем не менее семейно-клановые собственники по-прежнему оставались, по крайней мере в 1970-е годы, одними из ключевых акторов американской корпоративной, а соответственно, и политической жизни.

[173] Herman E. Corporate Control, Corporate Power. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1981.

Исследования группы подтвердили вывод «Меморандума Фраскати» о том, что в послевоенный период, вплоть до конца 1970-х годов, наблюдался своего рода реванш промышленного капитала как в лице собственно корпоративных капиталистов, так и топ-менеджмента над финансовым капиталом, фактически безраздельно господствующим в период классического империализма как высшей стадии капитализма, особенно вплоть до Великой депрессии.

Крупнейший специалист по банкам, включённый в состав группы, Д. Котц опубликовал на основе материалов докладов книгу «Банковский контроль в крупных корпорациях США». В книге он пишет: «83 корпорации из числа 300 крупнейших, или 26,7%, находятся под контролем банков, входящих в список топ-25. В 1935 г. таковых было 62,4%. При этом, следует отметить, что лишь треть крупнейших корпораций не имеет чётко выраженных центров внешнего контроля со стороны банков, иных финансовых институтов или другого типа институциональных инвесторов. В этих корпорациях власть действительно в значительной степени принадлежит их топ-менеджменту, который в реальности осуществляет контроль, зачастую в своих интересах и в ущерб распылённым частным собственникам»[175].

В работе Д. Котц пишет, что «при значительном сужении сферы банковского контроля над корпорациями старым династиям — Рокфеллерам, Дюпонам, Меллонам, Кунам, Леебам, Барухам и Гарриманам — удалось не только сохранить, но и в некоторых отраслях, например, в авиакосмическом и химическом бизнесе, даже упрочить свои позиции. В этом смысле плутократия, несмотря на все предпринятые против неё меры, сохраняет такое же влияние не только на экономику, но и на политику и общественную жизнь, что и 100 лет назад»[176].

Поскольку одним из финансовых спонсоров работы над «Меморандумом Фраскати» был фонд братьев Рокфеллеров, А. Кинг в 1962 г. возобновил достаточно частые встречи с Джоном Рокфеллером Третьим. В ходе этих встреч он познакомил А. Кинга со своим братом, который, по его мнению, хотя и не занимался благотворительностью, по своему складу гораздо больше подходил для участия в подобных исследовательских проектах. Речь шла о Дэвиде Рокфеллере. Американская пресса того времени называла его самым образованным, контактным и скрупулёзным из Рокфеллеров. В семье его прозвали «исследователь». Д. Рокфеллер и А. Кинг быстро установили между собой доверительные отношения и поддерживали тесные взаимоотношения до последних дней жизни А. Кинга.

[174] Burch Rh.I. The Managerial Revolution Reassessed. Family control in Americas Large Corporations. Lexington: D.C. Heath a. Co., 1979.

[175] Kotz D. Bank Control of Large Corporations in the United States. Berkeley: University of California Press, 1978.

[176] Ibid.

Этому в немалой степени способствовали три обстоятельства. Прежде всего Д. Рокфеллер получил блестящее образование, много общался и непосредственно учился у лучших экономистов своего времени, занимавших зачастую диаметрально противоположные научные и политические позиции. На разных этапах обучения и подготовки диссертации научными руководителями Д. Рокфеллера были Нобелевские лауреаты Й. Шумпетер, Ф. Хайек, О. Норт и О. Ланге. Таким образом, Д. Рокфеллер познакомился из первых уст с основоположниками наиболее влиятельных школ экономической мысли: создателем теории экономического роста Й. Шумпетером, представителем австрийской экономической школой и убеждённым антикоммунистом — Ф. Хайеком; создателем неоинституционализма О. Нортом и марксистом и звездой математической экономики и планирования О. Ланге. Если добавить, что при написании диссертации «Неиспользованные ресурсы и экономические потери в промышленности» Д. Рокфеллера консультировал Дж. Кейнс, нетрудно понять, что он был интересен А. Кингу не только как представитель могущественнейшей финансовой семьи, но и как самостоятельно и оригинально мыслящая личность, чьи научные и практические интересы были близки А. Кингу.

Сближению А. Кинга с Д. Рокфеллером весьма помог их военный опыт. Оба в годы Второй мировой войны служили в разведывательных структурах: А. Кинг — в научно-технической разведке Великобритании, а Д. Рокфеллер — в военной разведке США. Наконец, немаловажную роль, по всей видимости, имел и тот факт, что, как и А. Кинг, Д. Рокфеллер был связан с Фабианским движением и, более того, активно помогал ему финансово.

При всём этом, конечно же, А. Кинг видел в Дэвиде Рокфеллере прежде всего представителя клана Рокфеллеров с его поистине безграничным влиянием в мировой правящей элите. В связи с этим он с удовольствием откликнулся на предложение Д. Рокфеллера поучаствовать в работе сначала неформального, а затем и официального Международного консультативного комитета (МКК) при «Чейз Манхеттен Бэнк», который возглавлял Д. Рокфеллер. Этот комитет был создан для анализа важнейших глобальных проблем, изучения новых тенденций в экономике, политике, социальной жизни и стал своего рода предшественником знаменитой Трёхсторонней комиссии. Как пишет в своих воспоминаниях Д. Рокфеллер: «Он должен был состоять из выдающихся и уважаемых бизнесменов, многие из которых были моими личными друзьями в странах, считавшихся нами наиболее важными для успеха нашей работы»[177].

В состав комитета входили такие представители мировой элиты, как Д. Лоуден — председатель правления «Ройял Датч Шел» Дж. Аньелли — председатель правления «Фиата», У. Баумгартен — президент компании «Рон-Пуленк», Т. Исидзака — руководитель объединения крупнейших компаний Японии, крупнейший индийский магнат Дж. Тата, Дэвид Паккард из «Хьюлет-Паккарда», Генри Форд Второй, лорд Каррингтон, Сайрус Вэнс, Генри Киссинджер и др.

МКК поручил А. Кингу разработку методологии анализа и прогнозирования глобальных проблем и, что ещё более важно, выявления кризисных тенденций и наиболее опасных процессов как в международном, так и в региональном развитии. Вот что пишет сам А. Кинг: «В 1968 году мы организовали симпозиум, посвящённый долгосрочным планированию и прогнозированию, проводившийся на вилле Д. Рокфеллера в Белладжио, и собравший выдающуюся группу аналитиков планирования. В своей "Декларации Белладжио" эксперты предупредили, что социальные и технологические разработки могут обострять вопросы вне политического контроля. Они выступили в поддержку гуманитарной системы планирования, учитывающей последствия для отдельных людей и общества с максимальным участием общественности. Отличительной чертой этого собрания стали противоположные и часто взаимно враждебные взгляды двух участников — Хасана Озбекхана с его философским подходом и Дж. Форрестера из Массачусетского Технологического Института, строгого технократа и практика… Спустя пару лет эти два человека вновь противостояли, на этот раз на советах Римского Клуба»[178].

[177] Рокфеллер Д. Клуб банкиров. М.: Алгоритм, 2013.

Совещание на вилле Д. Рокфеллера инициировало создание «думающего танка», т.е. «фабрики мысли» принципиально нового типа. Необходимость в нём обуславливалась тем, что традиционные «фабрики мысли» того времени не были сориентированы на глобальные проблемы, не позволяли собрать под одной крышей экспертов и исследователей, не только работающих на разные элитные группы на Западе, но и представляющих основные политические силы того времени антикапиталистической направленности, включая Советский Союз. Важнейшим итогом встреч на Вилле Белладжио стало решение Д. Рокфеллера и его братьев приступить к созданию неформальной организации нового типа. В итоге это решение вместе с планами европейской промышленно-аристократической элиты, создавшей «Италконсульт» А. Печчеи и, наконец, мыслями различных групп в высшем советском руководстве, привели к началу практической работы по организации Римского клуба.

[178] Кинг А. Ук. соч.

Глава 5
Джермен Гвишиани: на пути к Римскому клубу

1

В последние годы благодаря усилиям телепроповедников — гипнотизёров, а по совместительству политтехнологов, а также различных исследователей с остервенением, но малым пониманием, разоблачающих мифы «устойчивого развития», Д.М. Гвишиани вместе с его тестем А.Н. Косыгиным стали располагать где-то между вампирами и людоедами. «Патриотам на окладе» кажется, что, занимаясь такой горе-аналитикой, они делают что-то полезное для Отечества. Все их построения сводятся к простой незатейливой формуле, которая особую популярность получила с началом нынешнего века. Суть её в том, что все проблемы, неудачи и исторические катастрофы страны связаны исключительно с внешним врагом, его происками против самого древнего, умного и деятельного, обладающего единственно правильным миропониманием народа-богоносца. Однако уроки истории показывают, что такой подход не только не патриотичен, но и преступен по отношению к собственной стране. Подобного рода авторы оказываются весьма в специфической компании исторических персонажей, включая тех, кто оказался на скамье подсудимых в Нюрнберге. Это отнюдь не голословное суждение. Из числа многочисленных аргументов и примеров его подтверждающих, достаточно выбрать фрагмент выступления Германа Геринга на Нюрнбергском процессе. «Разумеется, народу не нужна война... Однако, политику всегда определяют лидеры, а им втянуть страну в войну проще простого: демократия ли это, парламентская республика, фашистская или коммунистическая диктатура. С голосованием или без него, народ всегда можно заставить делать то, что выгодно властителям. Это дело нехитрое. Всё, что нужно сделать, — так это сказать людям, что на них напали и обличить пацифистов в отсутствии патриотизма, а также в том, что они подвергают страну опасности и предают её интересы...»[179].

Что же касается Д. Гвишиани, то люди, долгое время работавшие либо общавшиеся с ним, практически единодушно отмечали редкую для руководителей того времени воспитанность, образованность, корректное отношение не только к равным по должности или влиянию, но и к подчинённым, подчёркнутую доброжелательность к молодым сотрудникам и т.п. Однако, как любой человек, занятый прак-

[179] Нюрнбергский процесс. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.

тической политикой, Д. Гвишиани не был «ни белым, ни пушистым». Он являлся одним из лучших мастеров политической интриги своего времени. Несомненно, в межэлитных взаимоотношениях он был не только верным партнёром для узкого круга людей, но и предельно циничным, хитрым и безжалостным функционером, без зазрения совести использовавшим людей в качестве строительного материала или инструмента для достижения целей.

Не только в рассчитанных на оболваненные массы книжках, заполненных масонами, бильдербержцами и прочей нечистью, но и в работах, претендующих на аналитичность, типа труда В. Павленко «Мифы устойчивого развития», М. Гвишиани называется космополитом и одновременно грузинским националистом типа Э. Шеварднадзе. Здесь мы имеем дело с наличием у авторов подобных работ феномена двоемыслия, детально описанного в романе «1984» Дж. Оруэллом. Такое двоемыслие неудивительно, поскольку подобного рода работы не написаны на основе обработки документального материала и прошедших проверку на достоверность источников, а используют в качестве таковых книги своих же единомышленников, заполненные оценочными суждениями.

Будучи воспитанным в семье генерала госбезопасности, Д. Гвишиани всю жизнь был убеждённым сторонником социализма. При этом он, так же как и его тесть, исходил из реалий, а не доктринёрских фантазий и прекрасно отдавал себе отчёт в том, что советский вариант социализма в его классическом понимании не является и не может являться единственным. Что касается грузинского национализма, то подобный вывод показывает вопиющую безграмотность тех, кто его сделал, и отсутствие каких-либо знаний в области этнопсихологии. Дело в том, что мать Джермена, Ирма Христофоровна, была чистокровной армянкой. Более того, родители Джермена претерпели в молодости множество неприятностей от своих родственников вследствие их межнационального брака. Как пишет Д. Гвишиани в своих весьма откровенных мемуарах «Мосты в будущее»: «Хотя мои родители ничего своего не имели, кроме радужных надежд на будущее, молодая и красивая пара привлекала к себе внимание самим фактом своего союза: чистокровный грузин женился на девушке армянского происхождения. Поэтому националистически настроенные кланы отнеслись к этому не вполне дружелюбно»[180]. В силу этого, а также того, что всё свое детство Д. Гвишиани провёл в русской и частично корейской среде Владивостока, он был типичным советским человеком, интернационалистом и совершенно не обращал внимания на вопросы первенства той или иной национальности.

Кем Д. Гвишиани однозначно не был, так это одномерной личностью и однозначным политическим деятелем. Впрочем, это неудивительно, поскольку не менее сложным человеком был его отец Михаил Максимович Гвишиани. Он окончил два класса фабричной школы, на протяжении всей своей жизни не только сам тянулся к знаниям, но и сделал всё, чтобы дать наилучшее образование своим детям — Джермену и его младшей сестре Лауре, впоследствии — жене Е.М. Примакова. Практически вся трудовая деятельность М. Гвишиани была связана с госбезопасностью. Он не только был начальником личной охраны Л.П. Берии, но и длительное время, в том числе всю войну, возглавлял управление НКВД по Примор-

[180] Гвишиани Д.М. Мосты в будущее. М.: URSS, 2004. С. 17–18.

скому краю, а в послевоенный период — по Куйбышевской области. С его именем, с одной стороны, прочно связывается массовое убийство населения в ауле Гайбах во время депортации чеченцев и ингушей, в которой он принимал самое активное участие в качестве одного из ключевых руководителей. С другой стороны, в период реабилитации и массового освобождения из лагерей после смерти Сталина выяснилось, что М. Гвишиани не только способствовал выживанию немалого числа людей, обеспечив им вынесение мягких приговоров, но и более того, не передал в Москву сообщения о проживании в Приморском крае нескольких разыскиваемых по политическим обвинениям граждан. Нельзя не согласиться, что такое поведение для начальника НКВД области было весьма нетипичным для того времени. Кстати, в этом факте, возможно, кроется одно из объяснений того, что в отличие от практически всех соратников Л.П. Берии он не был ни расстрелян, ни заключён подобно П. Судоплатову на долгие годы в тюрьму. М. Гвишиани был всего лишь уволен из органов МВД СССР с лишением воинского звания генерал-лейтенанта. Более того, ему было разрешено работать после этого в Совете народного хозяйства Грузии.

Что касается судьбы и роли Джермена Гвишиани, то видимо и для людей иногда оказывается справедливой известная примета: как яхту назовёшь, так она и поплывёт. Имя Джермен образовано из первых слогов фамилий известных чекистов — Дзержинского и Менжинского. Сегодня не без основания говорится о том, что В. Менжинский был слабым руководителем, не избежавшим редкого для того времени пагубного пристрастия к наркотикам. Это было связано с тем, что он страдал тяжёлым неизлечимым заболеванием, сопровождавшимся время от времени сильнейшими болями, с чем, собственно, и было связано употребление морфия. Однако надо иметь в виду, что данное обстоятельство справедливо лишь для последних лет жизни Менжинского. До этого Менжинский был известен не только как один из наиболее образованных и эффективных руководителей ЧК, но и как дока в финансовых вопросах, имевший обширнейшие связи среди банковского мира Лондона, Парижа и Берлина.

Оказавшись руководителем НКВД на Дальнем Востоке, М.М. Гвишиани, естественно, обладал немалыми возможностями. Когда Джермен и приёмная дочь Михаила Максимовича Лаура пошли в школу, он нашёл им среди заключённых лагерей преподавателей по основным школьным предметам и, что особенно пригодилось в последующей жизни, преподавателей — носителей английского и немецкого языков. Поэтому к окончанию школы Д. Гвишиани помимо солидной общеобразовательной подготовки бегло говорил и практически безупречно писал по-английски и по-немецки, а также знал многие, казалось бы, бесполезные в СССР нормы и навыки публичного поведения в англо-саксонских странах и Германии.

После окончания с отличием в 1946 г. школы Д. Гвишиани первоначально хотел поступать в военно-морское училище. Однако именно в тот год начал принимать в качестве абитуриентов школьников Московский институт международных отношений. Вполне очевидно, что, обладая отличным знанием английского и немецкого языков, золотой медалью, да вдобавок отцом — руководителем управления НКВД, Д. Гвишиани без труда поступил в этот институт.

В качестве важнейшего события институтской жизни Д. Гвишиани выделяет женитьбу на Людмиле Косыгиной. Сам Гвишиани пишет об этом так: «Там я встретился с необычайно милой синеглазой русской девушкой — Людмилой Косыгиной — и эта встреча во всех отношениях сказалась на моей дальнейшей жизни и судьбе. В январе 1948 года мы поженились. Мы жили с самого начала самостоятельной семьёй, но все выходные дни и отпускное время проводили с семьёй Косыгиных, где Людмила была единственной дочерью. Большая часть моей жизни прошла в кругу этой семьи, ставшей мне родной, с мамой Людмилы, Клавдией Андреевной, и отцом, Алексеем Николаевичем, благодаря тесному общению с которым я оказался свидетелем многих событий, связанных с деятельностью высшего руководства нашей страны»[181].

В рамках столь популярной борьбы с космополитизмом и прочими «измами», развернувшимися в рунете в последние годы, брак Д. Гвишиани и Л. Косыгиной рассматривается как один из железобетонных аргументов в пользу низких нравственных качеств Д. Гвишиани, его беспринципности и стремления любой ценой сделать карьеру. Поскольку авторами такого рода публикаций являются, как правило, профессиональные историки, которые издают не только публицистические, а вполне традиционные исторические работы, есть смысл заострить внимание на следующем обстоятельстве. Подобная аргументация говорит о резком падении уровня российской исторической школы и деградации профессиональных исследовательских навыков у многих представителей этой профессии. Основой для приведённых выше суждений является достаточно распространённая в житейской среде привычка анализировать прошлое исходя из ситуации, сложившейся в настоящем. Однако то, что позволено обычным, не обременённым специальной исторической подготовкой людям, совершенно не позволительно представителям этой профессии — историкам.

Внимательно посмотрев на ситуацию, сложившуюся в Советском Союзе в 1930–1940-е годы, мы поймём, что вариант с женитьбой на дочери или замужестве за сыном представителя тогдашней советской элиты ни в коем случае не мог рассматриваться как верный способ устроить жизнь. Если в отдельных случаях такой план мог появиться у мало смыслящих в тогдашних реалиях представителей советских низов, то уж категорически это было невозможно для людей из элитной группы. Коренным отличием тогдашней ситуации от сегодняшней являлся тот факт, что в те времена советская элита вне зависимости от принадлежности её к партийной, хозяйственной или военной группам представляла собой группу не с минимальной, как сейчас, а с максимальной степенью риска. Именно на элиту в первую очередь обрушивались различного рода репрессии, исключительно её касались знаменитые дела и процессы того времени. Кроме того, сначала де-юре, а затем де-факто последствия низвержения с верхов советского государства в лагерь или в расстрельную камеру касались не только самого представителя советской элиты, но и членов его семьи, вплоть до детей и ближних, а иногда и дальних родственников.

Д. Гвишиани, будучи умным молодым человеком и сыном высокопоставленного руководителя НКВД, как никто другой отлично знал эту истину. Поэтому женитьба на Людмиле Косыгиной, особенно в 1948 г., во времена позднего сталинского правления, для которого были свойственны непрогнозируемые элитные чистки, категорически не способствовала спокойной, уверенной и благополучной жизни в будущем. Она не снижала, а увеличивала и без того немалые риски принадлеж-

[181] Гвишиани Д. Ук. соч. С.21–22.

ности к советской элите того времени. А вот если кому женитьба в январе 1948 г. Джермена на Людмиле и принесла вполне ощутимую практическую пользу — совершенно парадоксальным образом — так это Алексею Николаевичу Косыгину.

В 1948–1950 гг. в стране были организованы знаменитые «Ленинградское» и «Госплановское» дела, закончившиеся уничтожением нескольких десятков крупных советских партийных и хозяйственных руководителей. Не касаясь существа, целей и причин «Ленинградского дела», что заслуживает отдельного рассмотрения, отметим в контексте нашего исследования лишь одно обстоятельство.

В рамках обоих дел чрезвычайно важно было создать впечатление максимально разветвлённого, проникшего во все поры советского руководства заговора. Соответственно, использовались, а когда надо фабриковались, доказательства причастности к антипартийной и антигосударственной деятельности руководителей ленинградской партийной организации по возможности большего числа высших советских руководителей, чья судьба когда-либо была связана с городом на Неве. В этом плане большой интерес представлял А.Н. Косыгин. В тот период времени он был министром финансов СССР и успешно подготовил и проводил денежную реформу, связанную с восстановлением нормального монетарного обращения после Великой Отечественной войны. За его плечами было руководство беспрецедентной эвакуацией промышленности в 1941–1942 гг., организация знаменитой Дороги жизни в Ленинграде, осуществление кризисных миссий на различные участки фронта, как правило, в составе бригад с участием Г.М. Маленкова и Л.П. Берии. К тому же супруга А.Н. Косыгина Клавдия Андреевна была родственницей семьи одного из главных фигурантов «Ленинградского дела» — руководителя Ленинградской партийной организации А.А. Кузнецова.

В связи с этим до сих пор идут споры, кто же тогда спас А.Н. Косыгина. Среди историков, придерживающихся профессионального, т.е. базирующегося на источниках подхода к исследованиям, в основном высказывались две точки зрения. Согласно первой, Косыгина спас весьма влиятельный и близкий к Сталину Л.З. Мехлис, который возглавлял партийную комиссию по рассмотрению деятельности Минфина СССР на предмет кражи золота. Высказывается также мнение, что А.Н. Косыгина спас А.И. Микоян, который в самое горячее время отправил его в длительную командировку на Алтай[182]. На это другая часть историков резонно отвечает, что в те времена в Советском Союзе отъезд в сколь угодно дальнюю командировку ничего не менял, поскольку людей успешно доставали не то что с Алтая, а из Европы и Америки. Поэтому вторая группа историков отмечает, что Косыгина спас И.В. Сталин, который сам и был инициатором «Ленинградского дела»[183]. Они ссылаются на воспоминания партийных деятелей того времени, которые отмечают, что после возвращения из командировки на Алтай Косыгин в качестве министра финансов присутствовал на заседании правительства. Во время заседания к нему подошёл Сталин и сказал: «Ничего, Косыга, ещё поработаешь»[184].

[182] Гвишиани А. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004. С. 75–76.

[183] Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.

[184] Гвишиани А. Ук. соч. С. 80.

Относительно данной позиции можно высказать следующее соображение. Вполне очевидно, что без решения Сталина судьба ни одного видного советского руководителя не решалась. Разговоры о том, что Сталин чего-то не знал или кто-то из видных фигур того времени был заключён в тюрьму, расстрелян или сослан в лагеря без его ведома, является глупостью, которую серьёзным исследователям просто обсуждать неудобно. Поэтому мемуаристы, безусловно, зафиксировали имевший место факт, показывающий, что в какой-то момент времени Сталин изменил первоначальное решение под воздействием одному ему ведомых обстоятельств. Такое тоже было достаточно характерно для поведения этого без сомнения великого мастера политической борьбы и государственного управления.

Нет оснований не доверять и перекрёстным свидетельствам мемуаристов, подтверждённых данными из партийных архивов о том, что именно А.И. Микоян отправил в достаточно спонтанную командировку А. Косыгина. Что в связи с этим историки не объяснили, так это то, зачем этот чрезвычайно осторожный, лишённый собственных амбиций и преданный Сталину партийный функционер, лично не относящийся к числу друзей Косыгина, сделал этот шаг. Правда, по мнению заместителя председателя Совета Министров СССР В.Н. Новикова, «Микоян всегда хорошо относился к Алексею Николаевичу… И вот Анастас Иванович, видимо, решил как-то обезопасить Косыгина, хотя прекрасно понимал, что от Берии не скроешься»[185]. Самое смешное в этом воспоминании — это упоминание Л.П. Берии. Уж кто-кто, а А.Н. Новиков прекрасно знал, что в то время Л.П. Берия не только был в опале у И.В. Сталина, но и не имел никакого отношения к силовым структурам и занимался атомным проектом в его решающей стадии, а не погоней за Косыгиным. Впрочем, чего не напишешь, когда это нужно руководящим товарищам. Кстати, подобным же подходом грешат и воспоминания самого А.И. Микояна «Так было»[186]. Они написаны в непростой период, когда многие члены его семьи так или иначе имели прямое отношение к власти. Соответственно, пенсионер союзного значения Микоян в своих воспоминаниях не столько повествовал о прошлом, вспоминая минувшие дни, сколько решал текущие задачи клана.

Иными словами, и первая, и вторая группа сведений подтверждены документально. Однако ни одна из точек зрения не может объяснить, почему произошло спасение Косыгина, и кто в этом был заинтересован. Возникает вопрос, а при чём здесь М.М. Гвишиани? Его в стабилизировавшейся советской иерархии послевоенного периода отделяла пропасть от уровня тех людей, которые могли принять решение относительно судьбы высших советских руководителей, к числу которых без сомнения относился А.Н. Косыгин.

Не так давно С.Е. Кургинян постарался объяснить ситуацию со спасением Косыгина следующим образом: «Этот Гвишиани очень долгое время работал на Дальнем Востоке. Он руководил там госбезопасностью. Партийным руководителем при нём был Пегов — тоже знаковая фигура внутри партийной обоймы того времени. Затем Гвишиани-старший переехал в Ленинград, где ему, наряду с другими, было поручено разбираться с "Ленинградским делом" знаменитым. Он и разбирался. И, как тогда это делали все, действовал по инструкциям и достаточно жёстко.

[185] Там же. С. 79.

[186] Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999.

Потом в ходе "Ленинградского дела" этому Гвишиани-старшему попался на глаза, в виде подследственного, молодой Косыгин — будущий советский Председатель Совета Министров, премьер. Косыгин был убеждённым сталинистом, и по каким-то непонятным причинам Гвишиани-старший его пожалел. Поскольку в сталинские времена это было не принято и даже механизмов-то реализации этой жалости не было, то речь могла идти только о достаточно экзотических вещах. Но "из песни слов не выкинешь". Это было»[187].

Нельзя не отметить, что С.Е. Кургинян весьма вольно относится к историческим фактам и особенно к их интерпретации. В этом, в частности, проявляется режиссёрская натура нынешнего политаналитика. Любой режиссёр не исследует реальность, а создаёт свою собственную из подручных средств и материалов. В приведённом фрагменте вольностью является вывод о том, что М.М. Гвишиани мог спасти А.Н. Косыгина. Как отмечалось выше, он не обладал возможностями и статусом, позволявшим сделать это. Однако нельзя не отметить, что С.Е. Кургинян действительно обладал и обладает в последние 20 лет весьма эксклюзивным набором информаторов, позволяющим в ряде случаев получать достаточно редкую, недоступную другим информацию. К свидетельству С. Кургиняна об участии М.М. Гвишиани в судьбе Косыгина следует подойти максимально серьёзно не только в силу обладания Кургиняном эксклюзивнымиисточниками. Главное состоит в том, что данное свидетельство подтверждается ещё одним достоверным и совершенно независимым источником.

В число участников узкого «мозгового треста» Л.И. Брежнева, подготавливавшего его доклады и книги, входил наряду с Г. Арбатовым, Е. Бовиным, А. Аграновским и зампред Госкомтруда СССР Б.М. Сухаревский. Важно отметить, что Б.М. Сухаревский был любимым учеником и ближайшим сотрудником А. Вознесенского и одним из немногих людей ленинградской команды, не только выжившим, но и не попавшим в заключение по результатам «Ленинградского» и «Госплановского» дел. В значительной степени поэтому отношения Б.М. Сухаревского со многими людьми, причастными прямо или косвенно к «Ленинградскому делу», типа А. Вознесенского были весьма неоднозначны. В 1970-е годы, после одного из совместных заседаний с Д.М. Гвишиани, Сухаревский сказал своим сотрудникам, что отец Д.М. Гвишиани неоднократно его (Сухаревского) допрашивал и играл не последнюю роль в бригаде следователей по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. При этом на протяжении конца 1970-х – начала 1980-х годов Б.М. Сухаревский поддерживал тесные рабочие и дружеские отношения с Д.М. Гвишиани.

Чем важно свидетельство Б.М. Сухаревского? Не только тем, что оно получено, что называется, из первых уст, от человека — непосредственного участника «Ленинградского» и прежде всего «Госплановского» дела, но и тем, что позволяет с высокой степенью вероятности разобраться, что же тогда происходило, и кому А.Н. Косыгин обязан своим спасением. Но перед этим необходимо расставить точки над «i» применительно к мнению внука А.Н. Косыгина А. Гвишиани относительно роли Л.П. Берии. В своей книге он пишет, что «Берия и Маленков начали кампанию по компрометации "Ленинградской группы". Одна из их целей — член

[187] http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=2&id=93

Политбюро Косыгин»[188]. Из текста книги очевидно, что данное мнение высказано не на основе бесед с дедом, а сформировалось под воздействием бесед с ответственными советскими работниками брежневской эпохи, когда на Л.П. Берию было принято «вешать всех собак».

Главным же аргументом для А. Гвишиани является попавший в его распоряжение проект закрытого письма Политбюро, подготовленный Г. Маленковым и Л. Берия 12 октября 1949 г. В своей книге он приводит значительные фрагменты этого письма[189]. В частности, в проекте документа, подготовленного Маленковым и Берия, говорится: «Следует указать на неправильное поведение Косыгина А.Н., который оказался как член Политбюро не на высоте своих обязанностей… Он не разглядел антипартийного вражеского характера группы Кузнецова, не проявил необходимой политической бдительности и не сообщил в ЦК ВКП(б) о непартийных разговорах Кузнецова и др.»[190].

Относительно приведённого проекта письма возникает целый ряд вопросов, на которые нет ответов. Прежде всего, копия письма отсутствует в Сборнике документов «Политбюро ЦА ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953» (М.: РОССПЭН, 2002), в разделе, посвящённом «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. Из архивных документов выяснилось, что данный проект существует в виде машинописной копии, без аутентичных подписей. Сама по себе машинописная копия не может считаться достоверным документом, тем более в условиях тотальной фальсификации, которой подвергались советские архивы, начиная с времён правления Н.С. Хрущёва. Мало того, в документе упоминается о политических просчётах, допущенных А.А. Ждановым. Хорошо зная аппаратный стиль Берии и тогдашнюю его ситуацию во взаимоотношениях со Сталиным, невозможно себе представить, что он в отличие от Маленкова мог подписать какой-либо документ, бросающий тень не просто на близкого И.В. Сталину, хотя и умершего человека, но главное, его родственника. Ведь в момент якобы подписания письма Светлана Аллилуева только что вышла замуж за сына А. Жданова Юрия. К тому же именно в момент якобы подписания письма Л.П. Берия отнюдь не охотился за Косыгиным, а с блеском завершил первую стадию Атомного проекта. Иными словами, практически нет ни малейших сомнений, что мы имеем дело с очередным историческим фейком, которых в последние годы появилось огромное множество. Чтобы разобраться в событиях свинцового времени послевоенного Советского Союза, необходимо осмыслить несколько фактов. В своей совокупности они и позволяют разгадать загадку спасения А. Косыгина.

Факт первый. «Ленинградское дело» было направлено против всех ключевых выдвиженцев А. Жданова — второго человека в СССР послевоенного периода. Началось «Ленинградское дело» практически сразу же после его скоропостижной смерти. Смерть Жданова в корне изменила баланс сил в околосталинской верхушке советского руководства и, соответственно, стимулировала зачистку команды, которая, будь ей дано время, могла консолидироваться и не только сохранить, но и упрочить свои позиции.

[188] Гвишиани А. Ук. соч. С. 76.

[189] Там же. С. 76–77.

[190] Там же. С. 76.

Факт второй. Документально установлено, что вся работа по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам велась В. Абакумовым, тогдашним руководителем МГБ СССР. Что до Л.П. Берии, то он в это время был полностью отодвинут Сталиным от органов государственной безопасности и сосредоточился на реализации Атомного и, в значительной мере, Ракетного проектов, за который формально, но не фактически, отвечал Маленков. Объективно в деле против Вознесенского, Кузнецова и других в наибольшей мере был заинтересован именно Маленков. Суть в том, что именно Маленков, а не Берия и тем более не другие члены «узкого» руководства, рассматривался в то время в качестве потенциального преемника И. Сталина. Кроме того, в период начального развертывания «Ленинградского дела» И.В. Сталин, судя по анализу врачебной и партийной документации, был тяжело болен и редко принимал участие в решении практических вопросов[191].

Факт третий. Л. Берия как выдающийся аналитик и человек, изначально сориентировавший себя на роль не первого руководителя, а «серого кардинала», естественно, был заинтересован иметь полную информацию о ходе «Ленинградского» и «Госплановского» дел, причём не на уровне бесед с ответственными работниками, а на уровне возможности ознакомления с первичными материалами и знания о ходе следствия изнутри. Для этого ему необходим был человек, который участвовал бы в основной следственной бригаде по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам, причём в качестве одного из её ключевых членов.

Факт четвёртый. М. Гвишиани, без сомнения, входил в круг наиболее доверенных людей Берии. В то же время, будучи руководителем самого дальнего от Москвы управления НКВД, он не относился к числу приближённых к Берии людей. Кроме того, хорошо известно из многочисленных мемуаров чекистов, а также от исследователей жизни и деятельности Абакумова[192], что у него были хорошие рабочие отношения с М. Гвишиани. Также известно, что он привлекал Гвишиани к решению ряда важных задач, непосредственно не связанных с деятельностью управления Приморского края. Делал он это в значительной степени вследствие того, что М. Гвишиани хорошо показал себя в качестве члена оперативных бригад, например, осуществлявшей депортацию чеченцев и ингушей.

Факт пятый. Достоверно известно, что М. Гвишиани удалось обеспечить своё включение в состав оперативной бригады, работающей по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. Это помимо оспоримого свидетельства Кургиняна подтверждает неоспоримый рассказ Б.М. Сухаревского, относимый к концу 1970-х годов.

Факт шестой. Не подлежит сомнению, что М. Гвишиани прекрасно отдавал себе отчёт, что попадание А. Косыгина в число основных фигурантов «Ленинградского дела» с неизбежным его расстрелом в качестве такового, будет иметь трагические последствия не только для Людмилы Косыгиной, но и для её мужа Джермена. Располагая всей полнотой материалов (а технология работы оперативных следственных групп особой важности состояла в том, что каждый из её участников допросы проводил самостоятельно, но аналитическая работа велась сообща), он никак не мог повлиять на конечные выводы. То есть всё зная и располагая полной кар-

[191] Политбюро ЦА ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. Сборник документов / Составители: О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002. http://ttolk.ru/?p=15473

[192] Смыслов О.С. Генерал Абакумов. Палач или жертва? М.: Вече, 2012.

тиной, а, следовательно, и возможностью разработать способы выведения А.Н. Косыгина из-под удара, М. Гвишиани ни в коем случае не мог практически реализовать свои задумки.

Факт седьмой. Вполне понятно, что, будучи доверенным лицом Л.П. Берии и неся немалые риски, в том числе для своей личной судьбы, исполняя данную роль, он не только был обязан докладывать Берии о ходе «Ленинградского» и «Госплановского» дел, но и имел право на проведение с ним доверительных бесед. О таком принципе взаимоотношений Л.П. Берии с его личными доверенными людьми свидетельствуют немногочисленные опубликованные и неопубликованные воспоминания ближнего круга Л.П. Берии, начиная с широко известных мемуаров П. Судоплатова[193].

Факт восьмой. Л.П. Берия никогда не отличался сентиментальностью и вполне понятно, факт угрозы Д. Гвишиани — сыну его доверенного сотрудника, вследствие попадания А.Н. Косыгина в число основных фигурантов дела, ни в коей мере не мог выступить побудительным мотивом для каких-либо практических его действий. Однако Берия как никто другой умел использовать имевшуюся у него информацию для решения тех или иных задач. Отлично понимая, что в результате «Ленинградского» и «Госплановского» дел произойдёт усиление Г. Маленкова и сработавшегося с ним В. Абакумова, он, вполне очевидно, был весьма заинтересован в наличии запасных вариантов противодействия Г. Маленкову и дискредитации В. Абакумова. А.Н. Косыгин как нельзя лучше подходил для решения этих задач. Маленков позиционировал себя не только в качестве партийного руководителя, но и как специалиста в области организации и управления экономикой. Поэтому его первоочередной целью и был Вознесенский. А.Н. Косыгин вообще никогда принципиально не рассматривал себя как партийного деятеля, а исключительно как организатора и, как тогда принято было говорить, — хозяйственника. Выводя Косыгина из-под удара, Л. Берия одним махом решал две задачи. С одной стороны, он получал лично обязанного ему человека, который потенциально в нужный момент мог заменить Г. Маленкова. С другой стороны, А.Н. Косыгин всегда мог выполнить роль наиболее квалифицированного из имеющихся в Советском Союзе консультантов по вопросам экономики, финансов и управления хозяйством. Одновременно, Косыгин, хорошо осведомлённый не только о формальных, но и о неформальных отношениях внутри Ленинградской группы, в нужный момент мог много рассказать о В. Абакумове и методах его работы. Кстати, такой момент вскоре и настал.

Факт девятый. Л. Берия на протяжении длительного периода времени имел достаточно устойчивые, хорошие отношения с Л. Мехлисом и А. Микояном. Внимательное изучение личного почерка Л. Берии в процессах внутриэлитной борьбы в советском руководстве указывает на то, что в наиболее деликатных случаях он предпочитал на начальной стадии той или иной комбинации действовать чужими руками и лишь в решающий момент, когда дело уже сделано, подключаться к нему лично, в качестве фронтмена. Поэтому вполне логично подтверждённое архивными данными участие Л. Мехлиса и А. Микояна в судьбе Косыгина. Кроме того, весьма вероятно, что именно Л. Берия как лицо, лично никак не заинтересованное и не поддерживающее каких-либо близких, дружеских отношений с А. Косыгиным,

[193] Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.

мог самостоятельно или вместе с Л. Мехлисом подсказать стареющему и больному вождю мысль о том, что полезно сохранить А.Н. Косыгина в руководстве. Он как никто другой подходил для использования столь любимой Сталиным комбинации, когда текущему любимцу из правящей элиты, занимающему господствующие позиции, создаётся своего рода двойник. Именно в роли фаворита тогда выступал Г. Маленков. Поэтому идея о том, что «Косыге надо дать поработать» с чрезвычайно высокой степенью вероятности могла быть донесена до Сталина исключительно или при решающем участии Л. Берии.

2

Почему мы столь подробно разобрали ситуацию со спасением А.Н. Косыгина от, казалось бы, неизбежных трагических последствий? Дело в том, что по своей личной характеристике Косыгин, по свидетельству абсолютно всех людей, знавших его, включая даже его идеологических противников, отличался высокими человеческими качествами. В их число входили исключительно редкие для политика качества человеческой благодарности, порядочности и верности. Будучи умным человеком, из имеющихся в его распоряжении сведений он не мог не сделать вывод о том, кто и как его спас. При этом совершенно исключено, что об этом когда-либо мог ему рассказать, Д. Гвишиани.

О понимании Косыгиным того, что он своей политической послевоенной судьбой в значительной степени обязан семье Гвишиани, свидетельствует близкий круг его знакомств, хорошо известный благодаря мемуаристам[194]. К числу весьма немногих людей, с которыми дружил и общался дома А.Н. Косыгин, относились, например, Л. Ойзерман — философ, научный руководитель Д. Гвишиани, В. Кириллин — академик АН СССР, председатель Госкомитета по науке и технике, непосредственный начальник Д. Гвишиани, и ещё несколько человек, тесно связанных с последним. Причём со всеми этими людьми до начала работы с ними своего зятя Косыгин никогда тесно не общался, не говоря уже о вхождении в чрезвычайно узкий круг его друзей[195]. Тесные и доверительные отношения между Д.М. Гвишиани и А.Н. Косыгиным сыграли огромную роль в событиях, связанных с Римским клубом, Международным институтом прикладного системного анализа в Вене, оказали серьёзное воздействие на ключевые процессы в поздней истории Советского Союза.

После завершения обучения в МГИМО Д.М. Гвишиани стал офицером Советской Армии, а точнее, как он пишет в своих воспоминаниях, Военно-морского флота. Вероятно, реальным местом его службы было Главное разведывательное управление Министерства обороны СССР. Хотя прямо в своих воспоминаниях он об этом не пишет, тем не менее, в них рассказывается, например, о командировке в Австрию, где вряд ли дислоцировался Военно-морской флот СССР.

Любопытно, что после смерти И.В. Сталина и убийства Л. Берии, несмотря на увольнение и лишение воинского звания его отца, Д. Гвишиани не пострадал, а продолжал служить, одновременно начав работать над кандидатской диссертацией на философском факультете МГУ. Тема диссертации по тем временам была совершенно немыслима не то что для философа, но и тем более для офицера Советской Армии. Речь шла о «Социологии американского менеджмента». Д. Гвишиани пишет: «В годы службы я наладил научные контакты с философским факультетом МГУ и начал изучать основные направления развития американской прикладной социологии, прежде всего социологии индустрии, а также знакомился с некоторыми теоретическими трудами по организации и управлению вооруженными силами США»[196].

[194] Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по http://padaread.com/?book=57442

[195] Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. Сост. Т.И. Фетисов. М.: Республика, 1977; Андриянов В.И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003.

Попутно нельзя не отметить, что А.Н. Косыгин в то время вряд ли мог защитить Д. Гвишиани и тем более его отца от возможных репрессий. Дело в том, что в то непростое время места его работы и, соответственно, аппаратный вес постоянно менялись, хотя он неизменно оставался в обойме высших хозяйственных руководителей. Однако Косыгин был бесконечно далёк от тех лиц, которые принимали решения в отношении офицеров МГБ СССР и ГРУ МО СССР. Единственно, можно предположить, что старший Гвишиани оказался чем-то полезен новым хозяевам страны, располагая, вероятно, некоей эксклюзивной информацией, полученной за счёт его близости к Л. Берии.

В 1955 г. Д. Гвишиани демобилизуется из Вооружённых сил страны и поступает на работу в Государственный комитет по внедрению новой техники — будущий ГКНТ. В воспоминаниях Д. Гвишиани пишет: «…в структуре комитета, куда я поступил на работу, был специальный отдел изучения зарубежной науки и техники. Большинство работников отдела были дипломированными инженерами, и я вначале испытывал некий комплекс неполноценности, не имея формального инженерного диплома, и лишь некоторую военно-техническую подготовку»[197].

Обращает на себя внимание, что при формировании комитета отставной офицер Военно-морского флота был сразу назначен начальником отдела изучения зарубежной науки и техники. По своей направленности до 1965 г. комитет занимался практически исключительно военно-промышленной тематикой и возглавлялся такими крупнейшими руководителями военной промышленности, как В.А. Малышев, М.В. Хруничев и К.Н. Рудник. Жёсткая военно-промышленная ориентация комитета и жёсткий принцип формирования кадров исключительно из прикомандированных офицеров ГРУ и представителей военно-промышленной комиссии Совмина СССР изменились только в 1965 г., когда его возглавил многолетний друг сначала Д.М. Гвишиани, а затем и А.Н. Косыгина академик Владимир Кириллин.

Начиная с 1956 г. Д. Гвишиани в качестве руководителя отдела и, вероятно, прикомандированного офицера ГРУ или действующего резерва ГРУ фактически полностью берёт на себя все внешнеэкономические контакты Комитета и в ходе осуществления визитов его руководства в большинство европейских стран и США завязывает необходимые контакты и взаимоотношения с ведущими западными чиновниками, занятыми схожей тематикой, а также представителями бизнеса. Например, Д. Гвишиани устанавливает дружеские отношения с президентом «Фонда Круппа» Бертольдом Байтцем и знаменитым руководителем Ассоциации крупнейших западногерман-

[196] Гвишиани Д. Ук. соч. С. 26.

[197] Там же. С. 31.

ских промышленных корпораций Отто Вольфом фон Амеронгеном. В первый же год своей работы Д. Гвишиани устанавливает тесные административные контакты, сопровождающиеся личными дружескими отношениями с Пьеро Саворетти — руководителем довольно необычной фирмы из Турина "Новасидер". «Долгие годы знакомства и совместной работы дают мне право с полным основанием отметить его выдающуюся роль в развитии советско-итальянского сотрудничества в области науки, техники и экономики. Часто ему приходилось нелегко. Надо было преодолевать трудности. Бороться с необоснованной подозрительностью как наших, так и итальянских официальных и неофициальных органов, препятствующих его деятельности. Постоянно показывать своей работой важность и эффективность его миссии»[198].

В прежние времена даже профессиональный аналитик пробежал бы эти строчки быстрым взглядом и перешёл к дальнейшему тексту. Еще 5–10 лет назад узнать, что такое «Новасидер», было либо просто невозможно, либо настолько хлопотно, что потребовало бы подключения специальных государственных структур. Однако в современном мире оцифровано всё и вся, особенно что касается сферы бизнеса. Поэтому при наличии желания, времени, навыков и некоторых возможностей не представляется затруднительным выяснить информацию не только о существующих, но и об уже закрытых фирмах.

В нашем случае для этого достаточно обратиться к услугам Info Camere di Commercio Italiane. Поработав в электронном архиве, несложно выяснить, что фирма «Новасидер» была создана в 1954 г., а закрыта в 1993 г. В современном мире информационной и юридической корпоративной прозрачности не составило труда установить и учредителей компании. Ими были её руководитель Пьеро Саворетти с 9% акций и две структуры, обладавшие по 45,5% акций. Одна из них называется PHC — зарегистрирована в Люксембурге и существует до сих пор; другая — IFI-IFIL — теперь она преобразована в холдинг Exorс регистрацией в Италии. Касательно последней структуры, дальше ничего искать не требовалось, поскольку хорошо известно, что это холдинговая компания семьи Аньелли. Что же до PHC, то здесь пришлось повозиться с электронными архивами Registre de commerce et des sociétés de Luxembourg. Однако длительные поиски были вознаграждены фантастически интересной информацией. Выяснилось, что эта организация полностью принадлежит семье итальянских промышленно-строительных магнатов Писенти. С 1950 по 1982 г. холдинговую компанию возглавлял сын одного из шести братьев — основателей династии Писенти — Карло Писенти.

Семьи Аньелли и Писенти находились на протяжении всего XX в. в достаточно неоднозначных отношениях. В сферах, связанных прежде всего с политикой, владением средствами массовой информации, а также предприятиями пищевой промышленности они выступали как партнёры и совладельцы, а в промышленности строительных материалов выступали как жёсткие конкуренты, и, более того, Аньелли отняли у Писенти их кирпичный бизнес, оставив им только монополию в цементной промышленности Италии. Кстати, с Карло Писенти через Личо Джелли и Роберто Кальви был хорошо знаком Аурелио Печчеи[199].

[198] Там же. С. 42–43.

[199] Naylor R.T. Hot Money and the Politics of Debt. Montreal: Black Rose Books, 1994. P.81–91, 113, 195, 140.

3

Наш интерес, однако, связан не с их бизнес-взаимоотношениями, а с персоной Карло Писенти. Не только рассчитанные на массового читателя, но и серьёзные профессиональные исследования полны материалов о Бильдербергском клубе, Трёхсторонней комиссии, Богемской роще, обществе «Череп и кости» и проч. Между тем российскому читателю вообще неизвестна неформальная организация «Круг», или Le Cercle. Немногим больше осведомлены о ней не только широкая публика, но и большинство профессиональных исследователей на Западе. Причина состоит в том, что в отличие от Бильдерберга, носящего характер статусных посиделок, и практически почивших в бозе Трёхсторонней комиссии, Богемской рощи и сообщества «Череп и кости», Le Cercle остаётся и в настоящее время активно действующей наднациональной структурой, объединяющей элитные группы в Европе, Америке и Азии. Подробнее речь об этой уникальной организации пойдёт позже.

В рамках данного фрагмента отметим три важных корпуса фактов, известных частично из единственной книги, посвящённой этой организации, — работе «Rogue Agents. The Cercle Pina Complex 1951–1991»[200], а частично из рассеянных по университетским архивам, включая Архив национальной безопасности Университета Вашингтона, отрывочных материалов, а также материалов ISGP.

Первый корпус фактов связан с теми, кто основал эту организацию в 1951 г. Двумя людьми, которые сформулировали идею «Круга» и стали её продвигать среди представителей европейской католической элиты, были Жан Виоле и Карло Писенти. Что касается Виоле, то перед Второй мировой войной он был одним из руководителей CSAR — секретной, ориентированной на финансово-промышленную группу в Национал-социалистической партии Германии, и Кливденский круг Великобритании организации, тесно связанной с французским движением «Аксьон Франсез». Во время войны Жан Виоле переехал в Швейцарию, в Женеву, где взаимодействовал одновременно с доверенными людьми М. Бормана, ближним кругом Я. Шахта и представителями В. Шелленберга. Наряду с нацистами Виоле тесно работал с руководством известного католического Ордена OpusDeiи легендарным тайным европейским французским обществом «Синархия», с которым после Второй мировой войны враждовал и взаимодействовал генерал де Голль. Кроме того, Ж. Виоле был близким другом известного французского политика, который стал в 1951 г. премьер-министром Франции, Антонио Пине. Именно Ж. Виоле и людьми, стоящими за ним, Пине был обязан своей карьерой и должностями.

Что касается Карло Писенти, то помимо принадлежности к итальянскому олигархическому семейству по линии матери он принадлежал к фамилии Пачелли. Его мать была сестрой Пия XII, который занимал папский престол с 1939 по 1967 г., а также родственницей других крупных ватиканских чиновников, включая главного юриста Ватикана Филиппа Пачелли, и финансового советника пап Эрнесто Пачелли. Есть все основания полагать, что первоначальный план создания «Круга» был разработан высшими кардиналами Ватикана, а его доработка и практическая реализация была поручена Карло Писенти и Жану Виоле.

[200] Teacher D. Rogue Agents. The Cercle Pina complex 1951–1991. Geneva: Christie Books. 2003.

В число основателей Le Cercle после проведённой с ними работы вошли Антонио Пине — выбранный первым председателем неформальной организации; Жан Монне — французский политический деятель, в последующем получивший титул отца Евросоюза, принц Отто фон Габсбург — неформальный глава католической германской аристократии, Конрад Аденауэр — действующий канцлер ФРГ и сэр Джон Синклер — представитель одной из самых родовитых семей британской аристократии, втайне исповедующий католичество и ведущий родословную от шотландских тамплиеров.

Второй корпус фактов связан с целями организации и информацией о различных течениях, образовавшихся в ней. Le Cercle был создан Ватиканом и католической старой аристократией для реализации идеи создания Европы от Лиссабона до Владивостока. Эта идея была оформлена как панъевропейский проект. В рамках этого проекта «Круг» максимально способствовал созданию сначала европейских органов различного типа, например, Европейского союза угля и стали, затем Общего рынка и, наконец, ЕЭС. Также совет приложил большие усилия для вступления в ЕЭС Великобритании и установления тесных взаимоотношений с США. В настоящее время члены «Круга» активно лоббируют создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского торгового партнёрства, а также максимально глубокую интеграцию Китая с европейской экономикой.

С первых дней в рамках Le Cercle образовалось два течения. Преобладающее течение просто патологически ненавидело Советский Союз и прилагало усилия к максимальному его ослаблению, а затем и разрушения. Наиболее яркими представителями этого течения среди отцов-основателей организации были Ж. Виоле, А. Пине, К. Аденауэр, Й. Штраус и вошедший в состав организации в 1956 г. А. Даллес. И, конечно же, один из высокопоставленных сотрудников французский спецслужб, «серый кардинал» «Круга» Б. Крозье.

Была и другая, хотя и более слабая, но влиятельная группировка в организации, которая видела перспективы в налаживании сотрудничества с Советским Союзом и его постепенной интеграции в единую Европу. Эту группировку возглавляли Отто фон Габсбург и влиятельнейший деятель Христианско-демократической партии, близкий к Ватикану Джулио Андреотти. К ней же принадлежал и близкий к де Голлю Жан Монне. К. Писенти относился к нейтральной группе, которая старалась не вмешиваться в политику, а обеспечивала связь высших кругов Ватикана с наиболее высокопоставленными членами Le Cercle.

Третий корпус фактов связан с судьбой Le Cercle. На протяжении всего периода деятельности организации она по сути представляла собой структуру взаимодействия между Ватиканом, старой католической аристократией, католически ориентированными ведущими политиками и элитой европейской и англо-американской разведки.

В деятельности организации можно выделить два этапа. Первый — когда основная активность была сосредоточена в Европе, а штаб-квартирой организации являлся отель «Негреско» в Ницце. Этот период охватывает 1951–1991 гг. Второй этап — американский. Он начался в 1994 г. и продолжается по настоящее время. Сегодня рабочий орган «Круга» расположен предположительно в католическом Бостоне, а организация сменила неформальный статус на статут бесприбыльной корпорации или НКО — «Atlantic Cercle, Inc.».

В настоящее время документально подтверждено членство в «Круге» в разные периоды времени примерно 200 человек. Список поражает воображение и даёт возможность однозначно квалифицировать организацию не как элитную тусовку, подобную Давосу, или собрание элитного, в чём-то показушного клуба, как Бильдерберг, а как эффективную дееспособную и активную наднациональную структуру.

Подробно о «Круге», как уже говорилось, речь пойдёт позже, однако для придания интриги, приведём несколько фамилий людей, которые являлись членами Le Cercle на момент знакомства Д. Гвишиани с директором компании «Навосидер» Пьеро Саворетти, а также несколько фамилий, относящихся к более позднему периоду деятельности «Круга», начиная с 1970-х годов.

Помимо упомянутых выше основателей в число примерно 70 человек, активно работавших в Le Cercle в 1956 г., входили, например, А. Даллес; генерал-майор сэр Джон Синклер — руководитель МИ-6; вездесущий Дэвид Рокфеллер; молодой Хуан Карлос Бурбон, будущий король Испании; Мишель Дебре, будущий министр обороны Франции, ближайший сподвижник генерала де Голля; Отто фон Амеронген и т.п. В более поздний период в «Круг» входили до и после своего назначения французский премьер-министр Лоран Фабиус, Сильвио Берлускони, директора ЦРУ в разные периоды времени Уильям Колби, Уильям Кейси, Дж. Бреннан.

Возникает вопрос, а мог ли быть Д. Гвишиани в курсе относительно учредителей столь понравившейся ему маленькой энергичной итальянской компании? На первый взгляд ответ, учитывая сегодняшнюю точку зрения на период 1950–1960-х годов, должен быть отрицательным. Не только в общественном мнении, но и среди весьма квалифицированных историков бытует точка зрения, что чиновники-функционеры того времени плохо ориентировались в западных реалиях и были бесконечно далеки от понимания элитных расстановок за рубежом. Однако данная точка зрения представляется ошибочной. Прежде всего она игнорирует просто огромное количество достоверных, перекрестно подтверждённых фактов, позволяющих с уверенностью сделать вывод о том, что высшая советская элита с первого до последнего дня советской власти тесно взаимодействовала с западными элитными группами. Причём данный вывод верен для всего периода советской истории, включая время реального господства И.В. Сталина. Более того, существует много оснований утверждать, что именно Сталину удалось установить совершенно уникальные по своей разветвлённости и, если можно так сказать, экзотичности и необычности, а также эффективности связи с различными группами мировой элиты. Однако развёрнутое фактологическое доказательство этого тезиса выходит далеко за рамки данного текста и требует написания специальной обширной работы. Пока же обратим внимание на следующее.

В нынешнем не только общественном, но и коллективном сознании Н.С. Хрущёв представляется кем-то вроде деревенского безграмотного дурачка с социопатическим психотипом. Однако факты говорят о том, что «дорогой Никита Сергеевич» при всей своей необразованности не только отличался цепким и раскованным умом, но и, подобно некоторым представителям высшей советской элиты, хорошо понимал, что к чему на Западе. Вместо того чтобы приводить многочисленные факты, подтверждающие сделанный вывод, позволим себе выдержку из книги весьма осведомлённого инсайдера А. Виноградова «Тайные битвы XX столетия». «В 1958 году, при-

нимая итальянскую делегацию, он внезапно прервал беседу с двумя ключевыми министрами и подошёл к президенту "Фиата" Джованни Аньелли: "Вот с Вами я хочу поговорить. Эти клоуны исчезнут, а Вы будете всегда. Вы — настоящая власть"»[201].

Принимая во внимание, что, согласно второму тому «Архивов Митрохина»[202], Италия периода 1950–1970-х годов была просто напичкана высокопоставленными политиками, бизнесменами, военными, которые контактировали с итальянской коммунистической партией и через неё — с Советским Союзом, можно с уверенностью сказать, что Д. Гвишиани с чрезвычайно высокой степенью вероятности был отлично осведомлён, кто стоит за его новым итальянским знакомым и его консультативной фирмой. Здесь возникает вопрос, почему в таком случае Д. Гвишиани не просто установил рабочие и дружеские отношения с Пьеро Саворетти, и, кстати, Отто Вольфом фон Амеронгеном, входившим в Le Cercle, но и заключил с маленькой фирмой «Новасидер» поистине уникальное соглашение, о чём речь впереди. Конечно, как это сегодня принято, легче всего объяснить данное обстоятельство изощрённым долговременным и коварным планом Д. Гвишиани и, конечно же, А.Н. Косыгина по подрыву великого и могучего Советского Союза. Сегодня подобные бредни стали общим местом в так называемой псевдопатриотической исторической, с позволения сказать, литературе.

Представляется, однако, что дело обстояло прямо противоположным образом. Разведывательное обеспечение деятельности высшего советского руководства во второй половине 1950-х годов пребывало в крайне плачевной ситуации. Суть в том, что к 1955 г. были полностью разгромлены советские разведывательные сети в Великобритании и США, о чём писалось ранее применительно к так называемой Кембриджской пятёрке. С учётом того, что эти разведчики были в значительной степени интерлокерами, соответственно оказались безвозвратно утерянными связи с теми элитными группами Великобритании и США, которые были готовы к взаимодействию с высшим советским руководством.

С расстрелом Л.П. Берии, гибелью или заключением в тюрьмы и лагеря наиболее осведомлённых и эффективных членов его команды были порушены связи с высшей элитой Германии, других центральноевропейских стран, Франции и в значительной степени, если не считать контакта Григулевича, в Италии и с католическими кругами. Плюс на всё это наложилась чехарда, интриги, бесконечные реорганизации в конце 1940-х – начале 1950-х годов органов советской политической и в несколько меньшей степени военной разведок. В общем и целом, политическая и концептуальная разведка, в чьи функции входит организация межэлитных контактов и взаимодействий, пребывала в самом начале 1960-х годов в крайне запущенном и плачевном состоянии.

В связи с этим назначение одного из ближайших соратников Н.С. Хрущёва В. Серова руководителем сначала КГБ СССР, а впоследствии ГРУ МО СССР никак не могло улучшить ситуацию. Между тем осуществление политического, военного и экономического руководства было невозможно без устойчивого межэлитного взаимодействия. В условиях развала работы в официальных разведывательных структурах

[201] Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 265.

[202] Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West. L.: Gardners Books, 2000.

практическую монополию на осуществление межэлитных взаимодействий получил «серый кардинал», в значительной степени обеспечивший победу Н.С. Хрущёва в схватках сначала с Л.П. Берией, а в последующем с Г. Маленковым и Н. Булганиным, Анастас Ованесович Микоян. В советской литературе, посвящённой истории разведки, неформальным разведывательным структурам, существовавшим в советское время, не принято уделять какого-либо внимания. Прямо противоположная картина сложилась за рубежом. В частности, на конференции по национальной безопасности, проводимой совместно с Джорджтаунским университетом и ЦРУ, был сделан доклад о неформальной разведывательной структуре, созданной и контролируемой А. Микояном на базе армянской диаспоры, оперировавшей во Франции, США, Бельгии, Великобритании и некоторых странах Южной Америки.[203].

Вполне очевидно, что Н.С. Хрущёв, не терпевший попадания в полную зависимость от кого-либо, стремился разнообразить не только источники получаемой им информации, но и иметь иные, нежели те, что обеспечивал ему А. Микоян, каналы межэлитного взаимодействия. В этом смысле А.Н. Косыгин, который с конца 1953 г. плотно вошёл в команду Н.С. Хрущёва, без сомнения, был заинтересован в предоставлении ему таких возможностей. Это, с одной стороны, соответствовало интересам дела, а с другой стороны, укрепляло позиции А.Н. Косыгина внутри команды Хрущёва. Поэтому нет больших сомнений, что Д. Гвишиани, которому по должности было положено взаимодействовать с научными, промышленными, деловыми и в какой-то степени политическими кругами западных стран, являлся как раз тем самым человеком, который должен был наработать такого рода связи. И с этой задачей Д. Гвишиани, без сомнения, справился.

Лучшим подтверждением высказанных соображений является ещё одна цитата из воспоминаний Д.М. Гвишиани: «Нелёгким делом стала организация итальянской выставки 1962 года, проведённой по личной инициативе Саворетти. Трудности возникли прежде всего в связи с негативным отношением к СССР на Западе после Карибского кризиса. Представители итальянского правительства ответили отказом на просьбу Саворетти выступить на открытии, и Италию представлял посол Карло Странес. Присутствовали на открытии и крупнейшие итальянские бизнесмены. Руководители советского государства — Н.С. Хрущёв и А.Н. Косыгин присутствовали на церемонии открытия»[204].

Любой человек, знакомый со строжайшим дипломатическим официальным этикетом, легко сделает вывод, что в данном случае имело место грубейшее, можно сказать, недопустимое нарушение канонов, когда ранг советских руководителей даже близко не соответствовал рангу государственного итальянского открывающего лица. Тем не менее, глава СССР Н.С. Хрущёв не только посетил выставку и провёл много времени с крупнейшими итальянскими промышленниками, финансистами и владельцами газетно-журнальных корпораций, но и, как вспоминает Гвишиани в своей книге, остался крайне довольным этой выставкой. Более того, сразу после завершения выставки он разрешил Гвишиани начать подготовку беспрецедентного соглашения между государственным органом ГКНТ и небольшой

[203] Lieberman M., Pogosyan M. The Armenian Diaspora and Soviet intelligence 1921–1991. Washington, DC: Georgetown University Center for Security Studies, 2003.

[204] Гвишиани Д. Ук. соч. С. 43.

частной итальянской компанией о научно-техническом сотрудничестве. Как пишет Гвишиани, «это было первое соглашение такого рода, что стало важным событием и для нас. За ним последовали другие подобные соглашения с компаниями из иных западных стран.

Принципиальная новизна этих соглашений в те годы заключалась в том, что в них, с одной стороны, субъектом выступал государственный орган, представляющий правительство, а с другой — частное или национализированное западное предприятие… Соглашение закрепляли принцип наибольшего благоприятствования во взаимоотношениях партнёров. В целом более 300 фирм и корпораций из всех стран Запада подписали подобные соглашения с ГКНТ»[205]. Интересно, что фактически соглашение с маленькой, но чрезвычайно важной компанией «Новасидер», было подписано сразу же после смены советского руководства. Одним из первых решений, принятых на Политбюро под руководством Л.И. Брежнева, было принципиальное разрешение ГКНТ заключать подобного рода соглашения. Архивы ГКНТ СССР позволяют сделать выборку по компаниям, с которыми были подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве, предусматривающими статус наибольшего благоприятствования. Из общего числа 321 компаний 215 входили в список Форчун 500. Ещё шесть компаний входили в список 20 наиболее крупных и серьёзных юридических, консультативных и аудиторских компаний. Львиную долю остальных компаний, по всей вероятности, представляли собой структуры, похожие на приснопамятный «Новасидер». Фактически ГКНТ в лице Д. Гвишиани удалось установить доверительные отношения с элитой мирового бизнеса.

В связи с этим важно отметить несколько любопытных обстоятельств, сопряжённых с подписанием и реализацией столь обширной сети межэлитных соглашений. Прежде всего, нельзя не сказать, что подписание подобных соглашений было абсолютной новацией для советской послевоенной системы, но главное всё же состояло в другом. Предоставление конкретным компаниями статуса наибольшего благоприятствования несомненно предполагало интенсивный информационный и человеческий обмен, благоприятствовало и создавало необходимые формальные основания для интенсификации межэлитных контактов. Нельзя также не отметить тот факт, что подобные соглашения взламывали сложившуюся практику распределения контрактов между зарубежными фирмами, сложившуюся в Советском Союзе к началу 1960-х годов. Как правило, всю необходимую информацию, шлифовку контрактов и подготовку решений для ЦК и Политбюро осуществляли экономический и международный отделы ЦК, МВТ, МВС и соответствующие подразделения Госплана при участии КГБ СССР. С широкой практикой подписания эксклюзивных соглашений с зарубежными фирмами ГКНТ создавал параллельный, по многим параметрам гораздо более мощный канал организации реальных финансовых, товарных, патентных и иных потоков между СССР и Западом.

Понятно, что пробить такую брешь в окостеневшей, в значительной мере неэффективной и с каждым годом всё более отстававшей от изменившейся действительности системе советской внешней торговли и научно-технического сотрудничества одному Д. Гвишиани было не по силам. Это было возможно только для председателя Совета министров А.Н. Косыгина, который к тому же до 1971–1972 гг. играл главную роль в представительстве СССР на мировой арене.

[205] Там же. С. 43–44.

В исследовательской литературе, посвящённой истории позднего Советского Союза, а также в специальных работах по вопросам конвергенции, феномена Римского клуба и Международного института системного анализа в Вене, часто утверждается, что изначально проект Римского клуба был проектом КГБ СССР, а ГКНТ был его филиалом. Однако подобная точка зрения, особенно что касается периода до 1973–1974 гг., практически не имеет под собой сколько-нибудь серьёзных фактологических оснований. Начнём с того, что до своей реорганизации в 1965 г., когда собственно и появилась аббревиатура ГКНТ СССР и роль первого руководителя занял академик В. Кириллин, а Д. Гвишиани был назначен его замом по международным вопросам, Комитет был полностью подчинён Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и курировался не КГБ СССР, а ГРУ МО СССР. После реорганизации и вплоть до середины 1970-х годов ГКНТ в значительной части своих функций, в первую очередь касающихся международного сотрудничества, которую курировал Д. Гвишиани, по сути представлял собой автономную, относительно независимую от КГБ СССР и ГРУ МО СССР разведывательную структуру, напрямую подотчётную А.Н. Косыгину и через него — Л.И. Брежневу.

Понятно, что в ГКНТ СССР, так же как в других центральных министерствах и ведомствах, существовали должности, которые заполнялись прикомандированными офицерами или офицерами действующего резерва КГБ СССР и ГРУ. Однако максимальным рангом этих должностей был начальник отдела и они не имели сколько-нибудь заметного влияния внутри ведомства. К тому же большинство нынешних историков, не говоря уже о производителях псевдоаналитических сочинений, не очень знакомы с неформальными и формальными реалиями взаимоотношений между КГБ СССР и ЦК КПСС, не варились во внутренней кухне КГБ. В связи с этим надо иметь в виду, что на практике до последних дней советской власти действовал введённый ещё во времена правления триумвирата Маленкова – Булганина – Хрущёва, категорический формальный запрет КГБ СССР не только проводить вербовку руководящих работников центрального аппарата министерств и ведомств, но и осуществлять различные формы наблюдения за ними, а также устанавливать какие-либо формальные или неформальные контакты, не регламентированные специальными строгими правилами, с членами семей работников центрального аппарата ЦК КПСС и уж тем более членов ЦК КПСС, не говоря уже о небожителях из Политбюро. Вследствие этого запрета руки советской контрразведки были в значительной степени связаны. Именно из-за этого возникли дела О. Пеньковского, А. Шевченко и проч. Однако, несмотря на эти дела, запрет никто и не думал не то что отменять, но даже ослаблять.

В этом смысле в противоположность многим нынешним писаниям Д. Гвишиани, по крайней мере до конца 1970-х годов, не мог работать на КГБ СССР. Более того, любые его контакты с этой организацией носили чрезвычайно регламентированный характер и могли осуществляться только по инициативе самого Д. Гвишиани, а не каких-либо работников КГБ СССР независимо от их статуса. Как зять члена Политбюро А.Н. Косыгина Д. Гвишиани был личностью неприкасаемой с точки зрения контактов с КГБ СССР и абсолютно свободной от их возможного влия-

ния. Поэтому всё, что происходило и делалось в ГКНТ СССР в рамках международных формальных и неформальных связей Гвишиани, по крайней мере, до периода 1974–1975 гг., было внутренними операциями отдельной, находящейся внутри ГКНТ своеобразной неформальной разведывательной службы, подотчётной высшему советскому партийному руководству в лице А.Н. Косыгина и Л.И. Брежнева.

С начала 1960-х годов именно Д. Гвишиани, как правило, представлял Советский Союз в наиболее интересных с точки зрения завязывания контактов и получения информации международных организациях. К их числу, несомненно, относился Консультативный комитет по применению науки и техники в целях развития, созданный в системе ООН в 1964 г. Д. Гвишиани в своих воспоминаниях отмечает: «…предполагалось, что одобренные правительством своих стран члены комитета будут работать в комитете не как представители своих правительств, а в своём личном качестве, что обеспечивало некоторую независимость, давало определённую свободу действий и позволяло новому комитету избежать политизации и постоянной конфронтации, осложнявшей работу многих других учреждений ООН»[206].

В число участников комитета наряду с другими входили, например, член наблюдательного совета Массачусетского технологического института, Стэнфордского университета, а впоследствии Института сложности в Санта-Фе, профессор Кэролл Уилсон; секретарь Британской научной ассоциации сэр Норман Райт; руководитель ЕПА Александр Кинг; один из руководителей корпорации РЭНД, он же — один из основателей группы «Язоны», о которой речь впереди, он же — один из инициаторов создания DARPA Левис Брамскомб; президент Вейцмановского института, будущий министр иностранных дел и один из самых влиятельных политиков Израиля Абба Эбан и другие не менее влиятельные в международных политических, чиновничьих и научных кругах люди. Собственно, благодаря знакомству в комитете с К. Уилсоном и А. Кингом именно Д. Гвишиани сыграл, можно сказать, ключевую роль в создании Римского клуба. Подавляющее большинство исследователей и поголовно все специалисты в России, кто занимается этим вопросом, искренне полагают, что Римский клуб был создан по инициативе либо Аурелио Печчеи, либо, в крайнем случае, Александра Кинга. Но настало время внимательно, базируясь строго на фактах, а не на мнениях, оценочных суждениях и собственных желаниях, рассмотреть реальную историю создания Римского клуба. И далее, опираясь на достоверные факты истории создания, постараться реконструировать побудительные мотивы, цели, возможный профит ключевых акторов, участвовавших в этом известном на весь мир международном проекте.

[206] Там же. С. 58.

Глава 6
Римский клуб. Основание

1

Исследование межэлитных взаимодействий на примере деятельности Римского клуба или, например, Международного института прикладного системного анализа с экскурсами в сопутствующие темы мы, наконец, добрались до движущих мотивовоснования Римского клуба и связанных с ним ожиданий у его организаторов. Далее есть два пути. Один продемонстрировал В. Павленко в своём объёмистом труде «Мифы устойчивого развития», где пользуясь, к сожалению, некоторыми недостоверными, а то и фейковыми источниками, с одной стороны, и ссылками на работы собственных единомышленников, с другой, в качестве аргументов последней инстанции, заклеймил «мондиалистов», «диджитал номадов» и прочих злостных конвергентов. Однако в практическом плане от такого рода трудов нет никакой пользы, если только не рассматривать за таковую разжигание ксенофобских настроений и искоренение привычки самостоятельно думать и критически анализировать массивы материалов. Поэтому лучше выбрать второй путь. Он предполагает внимательное вчитывание в первоисточники. Благо все три главных действующих лица — основатели Римского клуба — Аурелио Печчеи, Александр Кинг и Джермен Гвишиани — оставили мемуары. Есть прямой резон заняться анализом текстов этих мемуаров, их критическим изучением и сопоставлением. А уж затем, на основании полученных в ходе интеллектуального расследования сведений постараться прийти к каким-либо более-менее обоснованным выводам.

В различного рода спорных случаях, возникающих в ходе не только интеллектуальных, но и уголовных расследований, принято сначала знакомиться с самым ранним источником. В нашем случае это — книга Аурелио Печчеи «История моей жизни», написанная и вышедшая в свет до опубликования мемуаров Александра Кинга и Джермена Гвишиани. На данном этапе анализа текстов главная задача — выяснить, кто же был подлинным инициатором создания Римского клуба и сыграл решающую роль в той его конкретной конфигурации, которая дала миру знаменитые доклады. Итак, обратимся к тексту А. Печчеи. Вот что он пишет: «Я считаю, что создание Римского клуба, основной целью которого стало изучение и выявление нового положения, в котором оказался человек в век своей глобальной империи, явилось волнующим событием в духовной жизни человечества… Я всё искал

подходящих сподвижников, с которыми мог бы приступить к осуществлению донкихотского проекта, как вдруг случай неожиданно свёл меня с ним. В 1967 году я окольными путями вышел на генерального директора по Вопросам науки ОЭСР Александра Кинга. "Всё началось с того, — рассказывал мне потом Кинг, — что один мой коллега, учёный из Советского Союза, листая журнал в ожидании самолёта в зале ожидания одного из аэропортов, случайно наткнулся на статью о выступлении Аурелио Печчеи на конференции промышленников Буэнос-Айреса. Заинтересовавшись прочитанным, он послал мне в ОЭСР этот номер журнала с краткой припиской "над этим стоит поразмышлять", тогда я впервые услышал имя Печчеи и оно мне ничего не говорило. Я навёл о нём справки и немедленно написал, предложив встретиться. Сразу же, примерно через неделю, состоялся наш первый разговор". Мы с Александром Кингом поняли друг друга с первого слова… Вслед за этим я, заручившись финансовой поддержкой Фонда Аньелли, выбрал вместе с Кингом около 30 европейских учёных — естественников, социологов, экономистов, специалистов в области планирования и написал им, предложив всем приехать 6–7 апреля 1968 года в Рим для обсуждения многих вопросов. Надеясь, что эта встреча станет знаменательным событием, я обратился к президенту основанной в 1603 году и, следовательно, старейшей из ныне существующих академий — Национальной академии деи Линчеи — с просьбой предоставить нам своё помещение, которое, как я считал, было бы достойным местом для нашего совещания. Он любезно отдал в наше распоряжение виллу Фарнезина… По окончании встречи под сводами Академии мы собрались в моём доме и сформировали "постоянный комитет", в состав которого вошли Эрих Янч, Александр Кинг, Макс Констам (правая рука Жана Монне), Жан Сен-Жур, Гуго Тимман и я (негласным членом Клуба стал Джермен Гвишиани). Так родился Римский клуб, получивший имя своё от города, где появился на свет»[207].

В этом фрагменте важно всё, включая не только составы основателей и первого рабочего комитета Римского клуба, но и место первого его заседания — вилла Фарнезина Академии деи Линчеи («Академия рысьеглазых»). Оно столь же символично, как и место расположения Международного института прикладного системного анализа, который организовали всё те же Аурелио Печчеи, Александр Кинг и Джермен Гвишиани в Лаксенбургском дворце в Вене, принадлежавшем долгое время Габсбургам. О смысле этого символизма речь пойдёт позднее, пока лишь отметим, что вилла Фарнезина принадлежала знаменитому средневековому монарху Рене Анжуйскому, происходящему из рода герцогов Лузиньяна, потомку принцессы Мелюзины. Более того, одним из трёх основателей академии был прямой потомок Рене Анжуйского. О значении выбора виллы Фарнезина и дворца в Лаксенбурге речь пойдёт, когда мы подробно посмотрим, кто стоял за спиной Аурелио Печчеи.

Теперь обратимся к воспоминаниям Александра Кинга. Вот что он пишет о тех событиях: «В сентябре 1965 года АДЕЛА (финансируемая выдающимися американскими деятелями, включая Дэвида Рокфеллера) организовала встречу латиноамериканских банкиров и предпринимателей в Буэнос-Айресе, пригласив Печчеи для произнесения программной речи, что он и сделал на беглом испанском. Его речь под

207 Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. С.117–121.

названием "Проблемы современного мира в 70-е годы", охватывала очень широкий спектр тем и поднимала вопросы резкого увеличения численности населения, ухудшения окружающей среды, разделения на Север и Юг и потребности в долгосрочном глобальном планировании и управлении. По-видимому, копия речи на английском была передана в Государственный Департамент в Вашингтоне и попалась на глаза госсекретарю, Дину Раску, на которого она произвела впечатление и, говорят, он заметил, что она была особенно полезной, поскольку её автором был не янки.

Вместе с другими бумагами и брошюрами она была выложена на приставных столиках заседания комитета по экономическим и социальным вопросам и консультативного совета по прикладным наукам и технологиям (АКАСТ). В конце одного заседания АКАСТ советский делегат, академик Джермен Гвишиани, взял экземпляр этого доклада и внимательно проштудировал его в Москве. Гвишиани с восторгом принял идеи Печчеи и решил пригласить его для переговоров в Советский Союз. Но кто такой Аурелио Печчеи и где его искать? Доклад здесь никак не помогал. Заголовка у него не было… Гвишиани отправил экземпляр своему американскому коллеге в АКАСТ, моему старому другу Кэроллу Уилсону (Кэролл Уилсон долгие годы был ректором Стэнфордского университета. В этом качестве он ещё в начале 1930-х годов принял активное участие в работе спонсированного семьёй Рокфеллеров, семьёй Карнеги, Фредериком Вандербильдом и семьёй Вертхаймов Института Тихоокеанских исследований. В Институте работали резидент ГРУ Джон Шерман, Озаки Козуми — член группы Р. Зорге, советские разведчики Оуэн Латтимор и Гюнтер Штайн. — *И.С.*), попросив его выяснить, кто такой этот Печчеи, и познакомить их. Кэрол также ничего не слышал о Печчеи, поэтому он переслал документ мне с просьбой сделать всё от меня зависящее, чтобы найти его и связать с Гвишиани. Я тоже представления не имел, кто такой Печчеи, но быстро это выяснил и нашёл его.

Вскоре Гвишиани пригласил Аурелио в Россию, и интересно, что они встретились в Академгородке под Новосибирском, далеко от политических интриг Москвы, насколько это было возможно, и где Гвишиани мог в относительной безопасности говорить и слушать… переговоры были крайне плодотворны и привели к основанию Римского клуба и долгому сотрудничеству Гвишиани с ним. В письме к Печчеи я упоминал, что читал его работу и разделяю с ним беспокойство относительно того, куда мы идем; я предложил ему, если он когда-либо окажется в Париже, пообедать со мной и обсудить ситуацию. Через дней 10 после возвращения Печчеи из России в моём кабинете раздался звонок: "Это Аурелио Печчеи. Я сегодня в городе. Можем мы вместе пообедать?"...

Хотя озабоченность у нас вызывали прежде всего глобальные проблемы, мы не могли не обсуждать глобальные проблемы Европы, включая актуальный в то время вопрос её отставания от Америки… Поэтому мы сели однажды в моём кабинете в ОЭСР и набросали списки людей, которых мы могли бы пригласить. Аурелио надеялся убедить Фонд Аньелли спонсировать мероприятие… Оно состоялось в апреле 1968 года на красивой вилле Фарнезина в Риме, где располагалась Академия Линчеи»[208].

[208] Кинг А. Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека. М.: Институт Экономических Стратегий, 2012. С. 326–328 (с правками неточностей перевода).

Со всей очевидностью истории создания Римского клуба, представленные Печчеи и Кингом, заметно разнятся. Поэтому теперь обратимся к мемуарам ещё одного отца-основателя клуба, Д. Гвишиани. В них содержится самый оригинальный рассказ об этих событиях: «В 1967 году Печчеи встретил человека, который был ему нужен… Уолтер Клеменс, автор книги “Мученик во имя будущего”, посвящённой Печчеи, считает, что Кинга вывел на Печчеи никто иной, как я, и пишет об этом следующее: “В 1967 году Гвишиани участвовал в проходившем в Нью-Йорке заседании комитета ООН по науке и технике в целях развития. Там обнаружил экземпляр речи Аурелио Печчеи, которую разложили по столам для всех участников члены американской делегации, посчитавшие замечания Печчеи интересными. Это была лекция, прочитанная в военной академии в Аргентине, где Печчеи одно время возглавлял отделение фирмы Fiat. Вернувшись в Москву, Гвишиани ознакомился с лекцией Печчеи и захотел встретиться с ним, но не знал, как это сделать, так как в американском источнике не содержалось никаких сведений. Тогда Гвишиани написал своему коллеге по АКАСТ, профессору МТИ Кэроллу Уилсону, спрашивая, как найти Печчеи. Уилсон, тоже не знавший Печчеи, отослал запрос Гвишиани доктору Александру Кингу, в то время возглавлявшему отделение ЮНЕСКО в Париже, снабдив письмо выразительным замечанием “об этом надо было бы подумать”. Кинг установил связь с Печчеи и они несколько раз встретились в Париже и в других местах”. Эти сведения Клеменс почерпнул из интервью с Кингом, данным им в Вашингтоне 4 февраля 1987 года и его статье “Оглядываясь в будущее”»[209].

Достаточно экзотично, когда мемуарист вспоминает о случившемся с ним, приводя цитату из статьи автора, описывающего события из вторых уст, но подобная экзотика отражает общую нетривиальность ситуации. Прежде всего, надо ещё раз вернуться к биографиям А. Печчеи и А. Кинга. Их изучение позволяет понять, что не знать друг друга они просто не могли. Прежде всего А. Кинг был генеральным директором ЕПА — Совета по повышению промышленного производства ОЭСР. А Печчеи в самом начале 1967 г., т.е. до описываемых событий, был назначен руководителем экономической комиссии Атлантического института мировых проблем при ОЭСР в том же Париже. При этом ОЭСР — это был совсем не Совет Министров СССР с десятками министерств. У ОЭСР на тот момент в Париже было только четыре организации, причём две — специализированные, экономические. Вполне понятно, что руководитель экономической комиссии главного мозгового центра ОЭСР просто не мог не знать генерального директора ключевого экономического органа ОЭСР.

Однако и это не всё. Аурелио Печчеи теснейшим образом взаимодействовал с сенатором Соединённых Штатов Джекобом Джавитсом и Дэвидом Рокфеллером при создании венчурной инвестиционной компании ADELA, ориентированной на деятельность в Латинской Америке. Печчеи, согласно его воспоминаниям, достаточно долго уговаривали взяться в первой половине 1960-х годов за создание этой корпорации именно как крупнейшего специалиста по Латинской Америке. С другой стороны, Александр Кинг находился в дружеских и деловых отношениях с Дэвидом Рокфеллером и входил в состав международного консультативного комитета Чейз Манхеттен Банк, во главе которого стоял Д. Рокфеллер. Причём, согласно воспоминаниям

[209] Гвишиани Д.М. Ук. соч. С. 154–155.

Рокфеллера, которые приведены в других частях данного текста, в этот период Совет ключевое внимание уделял именно Латинской Америке как наиболее перспективному региону развития сети банка. Таким образом и в этой сфере А. Кинг и А. Печчеи были обречены не просто на знакомство, но и на совместную работу. Есть и другие, менее очевидные общие связи по линии Бильдербергской группы и группы «Язоны».

Ещё смешнее обстоит дело с Д. Гвишиани и А. Печчеи. Гвишиани в своей книге пишет: «Я впервые встретился с Аурелио Печчеи в начале 60-х годов, когда он возглавлял компанию “Оливетти”. По делам фирмы он приехал в Москву, где мы и познакомились. Этим было положено начало нашим регулярным контактам, продолжавшимся на протяжении более 20 лет»[210]. Но и это не всё. Джермен Михайлович отмечает: «О деятельности фирмы “Италконсалт” в нашей стране, к сожалению, было мало известно. Но она, безусловно, представляла большой интерес и для нас. Я несколько раз встречался с Печчеи и ведущими сотрудниками этой фирмы в Москве, познакомился с её работой на месте — в Италии»[211]. Наконец, как мы выяснили, необычная фирма «Новосидер» во главе с Пьеро Саворотти, которая сыграла большую роль в жизни Гвишиани, также была совсем непростой компанией, прямые следы от которой вели не только к LeCercle, но и к группе Аньелли. Чтобы как-то связать концы с концами, Д. Гвишиани пишет следующее: «Замечу… я уже был знаком с Печчеи как с руководителем фирмы “Оливетти”, однако мне не приходило в голову, что он и автор доклада, полученного мной в Нью-Йорке на заседании АКАСТ, — это одно и то же лицо. Я решил, что это просто однофамилец, специалист по Аргентине, поэтому и обратился за разъяснениями к Уилсону»[212].

В этом фрагменте Д. Гвишиани несколько изменила память. Хорошо известно, что при приёме любых иностранных делегаций государственными чиновниками в СССР, начиная с ранга члена коллегии министерства СССР, а уж тем более заместителей министров и приравненных к ним руководителей, обязательным было представление от соответствующих спецслужб детальной справки на персону и представляемую им компанию. Такие справки содержали биографию, основные данные по компании, а также, когда было необходимо, более детальную закрытую информацию. Таким образом, при первой же встрече с А. Печчеи как руководителем «Оливетти» или «Италконсалта» Гвишиани, несомненно, получил соответствующую справку, в которой был отражён латиноамериканский период деятельности Печчеи. В этом периоде не было ничего секретного. Деятельность его на посту руководителя латиноамериканской сети «Fiat» широко освещалась. Кроме того, как пишет сам Д. Гвишиани, он многократно встречался с А. Печчеи в первой половине 1960-х годов не только в СССР, но и в Италии, и понятно, что между ними не могли не состояться беседы по самым разным вопросам, включая Латинскую Америку, к которой в то время СССР испытывал особый интерес, а также по вопросам, касающимся глобальной повестки дня. Не менее интригующим является тот факт, что у всех мемуаристов, за исключением А. Кинга, совершенно выпала многозначительная поездка А. Печчеи в Новосибирск, где ему надо было поговорить с Д. Гвишиани без посторонних ушей и глаз.

[210] Гвишиани Д.М. Ук. соч. С. 77.

[211] Там же. С. 78.

[212] Там же. С. 155.

Любой непредубеждённый человек может сделать вывод о том, что все три основателя Римского клуба отлично друг друга знали, но прямо об этом говорить не хотели. Это первое. Второе, что обращает на себя внимание, — это подчёркивание как Александром Кингом, так и Аурелио Печчеи роли Джермена Гвишиани в том, чтобы разрозненные усилия были объединены, сложились в единое целое и привели к созданию Римского клуба. Отсюда, если не пытаться искать масонов, розенкрейцеров и адептов культа Тота, а просто и буднично сопоставлять факты, придётся сделать с чрезвычайно высокой степенью вероятности вывод о том, что фактически Римский клуб был создан в значительной мере по инициативе, как это принято ныне говорить, при помощи методов рефлексивного управления, именно советской стороны. Именно советская сторона, как минимум, выступила триггером этого процесса, а как максимум — инициировала его в той неформальной организационной форме, в которой Римский клуб и появился на свет.

Естественно, не подлежит сомнению, что фронтменом и стратегом этого процесса был Д.М. Гвишиани. Однако вполне понятно, что в советских реалиях он не мог выступить ни идеологом, ни инициатором этой программы. Таковым безусловно, и это не требует каких-либо дополнительных доказательств, являлся А.Н. Косыгин. Однако также понятно, что он не мог в одиночку поднять такую программу, хотя бы потому, что на всех её стадиях были необходимы комплексные проверки контрагентов, с одной стороны, и сложные официально-протокольные процедуры, с другой. Поэтому есть смысл постараться очертить круг людей, так или иначе вовлечённых на первом этапе в программу создания Римского клуба. Одновременно следует особо тщательно осуществить временную привязку этих событий. Такая привязка, как станет понятно позднее, позволит решить одну из главных загадок, связанную с тем, что фактические инициаторы, а тем более кураторы с советской стороны проектов Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа в Вене различались не только персонально, но и командно. Справедливым будет даже ещё более сильное утверждение. Несмотря на то, что многими участниками и даже главными действующими лицами этих программ являлись одни и те же люди, это, по сути, два отдельных проекта, имевшие разнонаправленные последствия как для мировой динамики, так и для судеб СССР. Но об этом позже. Пока же сосредоточим внимание на лицах, вовлеченных в проект по созданию Римского клуба. По служебной необходимости автор текста имел возможность беседовать с рядом активных участников этого процесса ещё в начале 1980-х годов. В силу этого их свидетельства свободны от ангажированности, обусловленной нынешней политической конъюнктурой.

2

В то время Римский клуб в СССР не демонизировался, а собеседования носили скорее характер не расследования, а изучения, как тогда было принято выражаться, передового опыта. При этом, следуя традициям наиболее взвешенной и благородной английской мемуаристики, в данном тексте будет использоваться британский принцип упоминания фамилий и имен только ушедших из жизни людей, либо ссылки на мемуары наших современников.

Принципиально важно, что вопрос об использовании итальянских наработок Д. Гвишиани для создания некоей организации, которая могла бы стать деловым аналогом широко признанного и весьма ценимого в Советском Союзе Пагуошского движения, созданного виднейшими западными и советскими учёными, был сформулирован перед Д. Гвишиани А. Косыгиным уже в конце 1964 г. То есть фактически сразу же после смещения Н.С. Хрущёва и занятия А.Н. Косыгиным поста председателя Совета Министров СССР. При этом работа велась максимально осторожно, скрытно от посторонних глаз и непублично. В рамках ГКНТ к ней были привлечены лишь двое ближайших подчинённых и, более того, в какой-то степени друзей Д.М. Гвишиани, которые затем долгие годы работали на ключевых должностях во ВНИИСИ ГКНТ СССР, а позднее РАН.

Постановка задачи по созданию некой неформальной структуры, которая объединяла бы ведущих промышленников и специалистов в области экономических наук, однозначно не выходила за пределы компетенций А.Н. Косыгина. Хотя сегодня это и забылось, фактически до начала 1970-х годов именно А.Н. Косыгин являлся главным внешнеполитическим лицом Советского Союза. Л.И. Брежнев не обладал в тот период ни необходимым внешнеэкономическим опытом, ни соответствующими навыками, да и в значительной мере международным авторитетом. Соответственно, по негласному и впоследствии нарушенному Л.И. Брежневым соглашению между ним и А.Н. Косыгиным именно на последнего ложилась главная нагрузка, связанная с поддержанием международных контактов на высшем уровне.[213]

Ключевая внешнеполитическая роль А.Н. Косыгина в 1960-е годы была обусловлена и ещё одним обстоятельством. После некорректного по международным дипломатическим стандартам поведения А.А. Громыко во время Карибского кризиса, его авторитет в ведущих мировых столицах был близок к нулю. Поэтому в течение долгого времени, вплоть до середины 1970-х годов, министры иностранных дел, не говоря уже о главах государств, встречаясь с А.А. Громыко, старались ограничиться обсуждением официальных, протокольных вопросов, не выходящих за рамки дипломатической рутины.

С кем же ещё на этапе разворачивания программы по созданию Римского клуба работал А.Н. Косыгин среди высшего советского руководства? Прежде всего, с председателем КГБ СССР Владимиром Ефимовичем Семичастным. Автору текста Владимир Ефимович подтвердил этот факт, будучи уже в глубокой опале в середине 1980-х годов и являясь заместителем председателя правления всесоюзного общества «Знание». При всех возможностях внутренней разведки Д. Гвишиани он не мог без нарушения регламента и риска скомпрометировать своего тестя, проводить многие мероприятия, монополия на которые принадлежали ПГУ КГБ СССР. Именно оно могло в те годы проводить глубокие проверки не только персоналий, но и компаний, используя как собственные материалы, так и сведения, получаемые от резидентов в стране локализации и из международного отдела ЦК КПСС.

У А.Н. Косыгина и В.Е. Семичастного сразу же сложились добрые, деловые и доверительные отношения. Этому в значительной степени способствовало почти-

[213] Стукалин Б. и др. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004; Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: Республика, 1997; Андриянов В.И. Косыгин. Молодая гвардия, 2003; Кирпиченко В.А., Гришин В.В., Байбаков Н.К. и др. Косыгин. Вызов премьера. М.: Алгоритм, 2014.

тельное отношение председателя КГБ СССР, который не достиг в то время ещё возраста сорока лет, к А.Н. Косыгину, имевшему за плечами два десятилетия пребывания на высших государственных постах, включая период работы непосредственно с И.В. Сталиным. Более того, В.Е. Семичастный был лично весьма благодарен А.Н. Косыгину за то, что он решил одну, по-настоящему ключевую для КГБ СССР задачу. Семичастный, оказавшись во главе КГБ СССР, который был беспредельно далёк от его комсомольско-партийной карьеры, поступил очень умно. Он отдал всю профессиональную деятельность на откуп выдающимся советским разведчикам, в том числе генералам О. Грибанову и П. Ивашутину, а сам сосредоточился на политических, организационных и хозяйственно-материальных вопросах. Во многом благодаря этому ему после Серова, заметно уронившего уровень советской разведки, удалось нормализовать работу КГБ СССР, создать в организации хорошую внутреннюю обстановку и добиться перелома как в разведывательно-агентурной и аналитической работе, так и в сфере технической и организационной оснащённости разведки.

Во времена Серова ассигнования на КГБ СССР были резко снижены. Н.С. Хрущёв, также с подозрением относившийся к Лубянке, отказывал в просьбах А. Шелепину изменить ситуацию даже по самому животрепещущему вопросу, связанному с увеличением фонда вознаграждения разведчикам, агентам, информаторам. Сразу же после смещения Н.С. Хрущёва Семичастный обратился к Л.И. Брежневу с аналогичной просьбой. Дело было в том, что «хотя Комитет государственной безопасности формально был подчинён Совету Министров СССР, а его председатель находился официально на одном уровне с остальными министрами, тем не менее, моим непосредственным и, по сути, единственным шефом был первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. В 1961–1964 годах им был Никита Сергеевич Хрущев, позже его сменил Леонид Ильич Брежнев»[214].

Л.И. Брежнев сказал, что у него нет времени решать хозяйственные вопросы. В итоге со своей бедой Семичастный отправился к Косыгину. Алексей Николаевич нашёл, как помочь делу подведомственных Совету Министров СССР. Он предложил, чтобы Комитет начал помимо своих прямых обязанностей собирать информацию по заказам министерств. Соответственно, министерства, имевшие значительные финансовые фонды, связанные с научно-технической информацией и научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, могли из своих средств пополнять фонд вознаграждений КГБ. Получив радостное согласие Семичастного, А.Н. Косыгин убедил Л.И. Брежнева в необходимости повышения народнохозяйственной эффективности КГБ СССР и закрепил это закрытым постановлением Совета Министров СССР. В результате «материальное вознаграждение рядовых информаторов находилось в компетенции резидента конкретной страны. Однако, чем выше в общественной иерархии находился источник информации, тем и в системе КГБ смещалось вверх право на определение его ценности. Ни размеры гонораров, ни подлинные имена наиболее значительных агентов КГБ за границами страны не были известны даже заместителям председателя КГБ, не говоря уже

[214] Семичастный В.Е. Беспокойное сердце (Биографии и Мемуары). М.: Вагриус, 2013.

о людях из других государственных органов. Отдельные промышленные министерства брали на себя расходы по научно-технической разведке, и мы отчитывались перед ними конкретными материалами по интересующим их вопросам»[215].

В том числе, благодаря втягиванию аппарата КГБ в практическую повседневную работу ключевых министерств и ведомств и самого Совета Министров СССР, у Семичастного и Косыгина сложились не только дружеские, но и деловые повседневные отношения, в рамках которых, что называется, хорошо легендировалась и работа по созданию новой неформальной организации. Для этой работы огромное значение имел факт возможности прямого участия в ней председателя КГБ СССР. Люди, не посвящённые в тонкости разведки, полагают, что агентурной работой, работой с источниками занимаются в лучшем случае руководители структурных подразделений. В большинстве случаев именно так дело обстоит и на практике. Однако есть и исключения. Уверен, мало кто из читателей мемуаров Семичастного оценил несколько экстраординарных строк. «Чекист грибановского уровня не подвергался риску ради того, чтобы добыть второстепенную информацию и поддерживать связь с людьми второго плана. Для этого у него достаточно было оперативных работников. Но если уж он принимался за дело лично, можно было со стопроцентной уверенностью делать вывод, что оно касается очень важного контакта. Объектом его интереса мог быть известный журналист, посол, резидент иностранной разведки или серьёзный предприниматель, торгующий с Советским Союзом.

И у меня как председателя КГБ были на связи некоторые агенты. Но их было немного, как говорится, для поддержания квалификации. Если мне приходилось принимать важные решения по делам контрразведки, то мне самому следовало знать, что эта оперативная работа собой представляет»[216].

Поскольку Владимир Ефимович писал мемуары в расчете на обычных читателей, то он не счёл необходимым уточнить разницу между агентом и конфиденциальным источником. Первый работает на разведку, а, следовательно, подписывает определённые письменные документы. Второй же сотрудничает с разведслужбой в силу тех или иных причин. Он не подписывает никаких письменных документов и в формальном плане не несёт никаких обязательств перед разведслужбой, с которой осуществляет контакты. Причём подобное сотрудничество зачастую сводится к некоему обмену информацией или совершению неопределённых действий. По характеру работы председатели КГБ СССР имели дело именно с источниками, а не с агентами. Поэтому Семичастный мог встречаться, например, с ведущими политиками, деловыми людьми, ведущими журналистами, раскрывая или не раскрывая своё подлинное лицо и должность и при этом не требуя от них принятия на себя каких-либо обязательств. Как правило, такие встречи и контакты, согласно установленным правилам, осуществлялись без информирования о конкретной встрече высшего государственного руководства.

У Семичастного сложились очень хорошие отношения с П. Ивашутиным, выдающимся руководителем разведки XX века, по масштабам и длительности работы на посту руководителя крупнейшей разведывательной структуры сравнимым разве только с

[215] Там же.

[216] Там же.

Э. Гувером. После успешной операции, проведённой О. Грибановым под руководством В. Семичастного по раскрытию О. Пеньковского, последовали суровые меры против советских руководителей самого высокого ранга, в том числе был отправлен в отставку начальник ГРУ И. Серов. На его место по рекомендациям В. Семичастного и Р. Малиновского Политбюро ЦК КПСС назначило заместителя В. Семичастного, Петра Ивашутина, который успешно руководил ГРУ на протяжении 25 лет.

В начале 1965 г. параллельно с КГБ СССР и ГРУ ГШ МО СССР тоже было разрешено выполнять работы по добыче научно-технической информации для так называемой «Девятки» — министерств, курируемых Военно-промышленной комиссией Совета Министров СССР с получением вознаграждения за добытые материалы. До последних дней своей жизни А.Н. Косыгин поддерживал добрые отношения с П. Ивашутиным.

Кстати, во время разработки О. Пеньковского и определения степени виновности различных должностных лиц в связи с этим, В. Семичастный и курировавший его секретарь ЦК КПСС и одновременно лучший друг и старший товарищ А.Н. Шелепин максимально объективно подошли к делу и не стали применять санкции к Д.М. Гвишиани. При другом раскладе с его государственной карьерой и членством в партии было бы покончено. Подобное событие, без сомнения, наложило бы крайне негативный отпечаток на репутацию самого А.Н. Косыгина и его перспективы в высшем советском руководстве. Дело в том, что в большую часть своих зарубежных поездок О. Пеньковский выезжал от лица Госкомитета СССР по науке и технике. Д.М. Гвишиани в то время не был зампредом, т.е. прямым руководителем международного направления, но возглавлял международный отдел этой организации, а, следовательно, по негласным правилам, существовавшим в Советском Союзе в ту пору, нёс прямую ответственность за работу с кадрами по международному направлению. В начале 1960-х годов даже за меньшую халатность в работе с кадрами по международной линии было принято снимать с должности начальника международного отдела организации и либо исключать его из партии, либо выносить выговор с занесением в личное дело с понижением в должности как минимум на два ранга. Однако в данном случае ничего подобного не произошло. Более того, в конечном счёте именно по итогам дела О. Пеньковского Госкомитет был реорганизован, а в новый комитет был назначен председателем товарищ Гвишиани и близкий знакомый А.Н. Косыгина академик В. Кириллин, а Гвишиани стал его замом по международной линии.

Протокольно-дипломатическая часть работы по программе легла на плечи Василия Васильевича Кузнецова, первого заместителя министра иностранных дел, с которым Косыгин близко сошёлся во время своих международных визитов и особенно в рамках работы, связанной с конечным урегулированием Карибского кризиса. Необходимо особо отметить, что в противоположность мнению, высказываемому во множестве нынешней публицистической и околоисторической литературы, ключевую роль в окончательном урегулировании Карибского кризиса сыграли отнюдь не А.Н. Микоян и тем более не Н.С. Хрущёв. Такое мнение сложилось благодаря мемуарам самого А.Н. Микояна «Так было». Если же вникнуть в мемуары ведущих американских участников процесса урегулирования той поры, а также коллективные монографии, изданные на этот счёт серьёзными, профессиональными

историками[217], то становится ясна ключевая роль именно В.В. Кузнецова в окончательном урегулировании Карибского кризиса.

Это совершенно не удивительно. В своих воспоминаниях один из самых известных и информированных советских дипломатов Виктор Левонович Исраэлян пишет: «История была такая: в феврале 1957 года Хрущёв более не захотел терпеть на посту Министра иностранных дел Дмитрия Шепилова, который за несколько месяце встал для остального мира на редкость привлекательным “лицом Москвы”. Хрущёв к этому моменту решил, что звездой внешней политики должен стать он сам. Оставалось только найти нового министра. Вопрос Шепилову, кого он рекомендует на своё место, хотя бы для профомы, нельзя было не задать. Ответ был таков: у меня есть два зама, один — Василий Кузнецов — гений, виртуоз, может всё (кстати, примерно так же — точнее “дипломатом-чародеем” — называли Кузнецова вице-президент США Никсон, его британский коллега лорд Карадон и другие), другой — Андрей Громыко. Не виртуоз, служака. Но если ему что-то поручить, то он разобьётся, а выполнит именно Ваше поручение, причём в точности, по инструкции. Больше любит Громыко давать отпор западной дипломатии, а не улаживать двусмысленные ситуации. После чего судьба Кузнецова была решена. И судьба Громыко — в другом смысле — тоже»[218].

Известно, что в научном плане А.Н. Косыгин по стратегическим вопросам консультировался с М. Келдышем, а предметное научное обеспечение проекта в части западной корпоративной экономики возлагалось на замечательного российского экономиста, доктора экономических наук, профессора ИМЭМО Станислава Михайловича Меньшикова. Кстати, любопытно, что позднее, на рубеже 1970-х, пользуясь в том числе разработками, сделанными на предварительной стадии программы подготовки того, что впоследствии превратилось в Римский клуб, он создал уникальную модель американской экономики. Эту модель Меньшиков дорабатывал вместе с лауреатом Нобелевской премии Лоуренсом Клейном в Принстоне. Там же он подружился с Генри Киссинджером. Но об этом речь впереди.

Как таковой команды по подготовке программы не существовало. Скорее можно говорить о группе людей, осведомлённых об этом проекте и принимавших в меру своих должностных возможностей и личных способностей участие в этой работе. Причин тому было много. Едва ли не главная из них состояла в том, что по своим личным качествам А.Н. Косыгин был человеком некомандным. Жизнь в верхах советского руководства научила его осторожности, недоверчивости и необходимости избегать любых потенциальных конфликтов. Уроки «Ленинградского дела» были усвоены А.Н. Косыгиным раз и навсегда и наложили неизгладимый отпечаток на его поведение. Стиль его отношений с людьми базировался на примате деловых контактов над личными взаимоотношениями.

Восприятие такого стиля было весьма различным. Как правило, люди из партийной среды, привыкшие снимать проблемы при помощи личных взаимоотноше-

[217] Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года. М.: URSS, 2012; Феклисов А. Рузвельт, Кеннеди, советская агентура. М.: Алгоритм, 2011; Фурсенко А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958–1964. М.: Гея этерум, 2001.

[218] Исраэлян В. Дипломатия — моя жизнь. Из личного архива российского дипломата. М.: МБА, 2006.

ний, отторгали такой стиль и считали А.Н. Косыгина сухим, малообщительным и бездушным человеком, который к тому же ничего не смыслил в охоте, рыбалке и других серьёзных мужских занятиях.

Хозяйственные руководители всех уровней — от директоров заводов до министров — в подавляющем большинстве ценили такой стиль, поскольку он, с одной стороны, позволял решать сложные задачи, а с другой, гарантировал объективность и способствовал устранению различного рода привходящих внешних обстоятельств. Именно поэтому по прошествии времени ключевые министры СССР с теплотой отзывались о А.Н. Косыгине. Например, Б. Гостев, министр финансов СССР, в своих воспоминаниях пишет так: «За время моей работы в Центральном Комитете партии мне часто приходилось встречаться с А.Н. Косыгиным — на заседаниях Политбюро и Совета Министров, на совещаниях в более узком составе по рассмотрению экономических проблем, решению социальных задач. Могу сказать, что А.Н. Косыгин был крупным политиком, подлинным государственным деятелем, выделялся среди тогдашних руководителей глубокими знаниями в области отраслей народного хозяйства, экономики в целом, планирования и финансов, социальных проблем, территориального развития и внешних связей. По многим вопросам имел свою точку зрения, умел её отстаивать и проводить в жизнь. В то же время он умел выслушивать мнения других, соглашаться с ними, если они были обоснованными и полезными для общего дела. Неоценимый вклад внёс А.Н. Косыгин в совершенствование управления народным хозяйством. С его именем связана экономическая реформа 1965 года, давшая толчок развитию инициативы трудовых коллективов, повышению их заинтересованности в результатах труда и росте эффективности»[219].

Подобно министрам, прочные деловые отношения сложились у Косыгина и с первыми секретарями партийных организаций крупнейших промышленных городов. Например, Виталий Сырокомский, многолетний первый зам. главного редактора «Литературной газеты», человек, который, собственно, её и сделал, вспоминает: «Конечно, очень важной была поддержка Косыгина. Надо сказать, что у первого секретаря МГК и Предсовмина сложились очень хорошие деловые отношения. Правительство всегда помогало Москве, но и Москва не оставалась в долгу: она всё заметнее превращалась в крупнейший промышленный, транспортный и научный центр»[220].

Сознательное и подчёркнутое дистанцирование А.Н. Косыгина от любых команд и группировок в составе высшего партийного руководства сыграло судьбоносную роль в истории Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа. В итоге они появились и существовали совершенно в иной роли, нежели задумывались А.Н. Косыгиным. В силу каких причин и вследствие каких событий это произошло — отдельный вопрос. Пока же важно разобраться, в чём состоял первоначальный замысел А.Н. Косыгина и какие побудительные мотивы вызвали к жизни столь нетривиальные и неоднозначные проекты Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа.

[219] http://www.minister.su/article/1242.html

[220] Сырокомский В. Загадка патриарха. Воспоминания старого газетчика. М.: Эксмо, 2011.

3

Однако перед этим позволим себе короткое отвлечение. Если отбросить фолк-историю и замаскированную под историю пропаганду, то тексты, посвящённые прошлому, можно подразделить на мемуарные и исследовательские. Вполне понятно, что мемуарные тексты просто обречены на известную, а подчас и чрезмерную необъективность. Этот практически неотъемлемый недостаток мемуарной литературы является вполне объяснимым и, более того, извинительным не только в общежитейском, но и в научном смысле. Мемуары — это весьма парадоксальный жанр, обязанный своим существованием невозможности для мемуаристов участвовать в привычной им деятельностной жизни. Иными словами, любой мемуарист до некоторой степени занят не своим делом. Занимаясь не своим делом, он фактически использует литературу даже не столько для самооправдания и самовозвеличивания, хотя такое нередко присутствует даже в самых интересных воспоминаниях, но, прежде всего, для своего рода переписывания уже произошедших событий, создания реальности заново. Понятно, что, зная действительное прошлое и в глубине души понимая сделанные ошибки, практически любой мемуарист воспроизводит в своих текстах не то, что было на самом деле, а то, что должно было бы быть, но не случилось. Если понимать, спокойно относиться и уметь элиминировать данное обстоятельство, то качественная мемуаристика является неоценимым источником для исследовательской работы.

Однако то, что допустимо и простительно для мемуаристов, категорически неприемлемо для исследовательских работ. Между тем, многие, даже глубокие, без сомнения, значительные по любым меркам исследователи не свободны в своих работах от ярко выраженной пристрастности. Пристрастность эта имеет основанием как минимум два свойства исследовательской натуры. Во-первых, любой исследователь смотрит на материал сквозь призму сложившихся у него и дорогих именно ему, особенно в том случае, если разработаны самим, теоретических концептов. Однако любой теоретический концепт в сфере познания общества — не более чем инструмент, который либо работает, либо нет, на вполне определённом промежутке времени. Поэтому подчинение материала концепту означает примерно то, что описывалось греками как укладывание «в прокрустово ложе». Иными словами, исследованию подвергается не реальность как таковая, а лишь её фрагмент, ограниченный тем тоннелем восприятия, который сложился под воздействием используемых исследователем концептов. Полностью освободиться от этого, конечно, не дано никому, но необходимо понимать наличие этого недостатка у себя и стараться по возможности его устранить или свести к минимуму.

Что касается второго обстоятельства, то оно ещё более распространено. К сожалению, в последнее время не только в России, но и в мире вообще исследователи оказываются во всё возрастающей мере ангажированными и вынужденными в силу самых различных обстоятельств не занимать позицию наблюдателя, а принимать ту или иную сторону в различного рода тянущихся десятилетиями, а иногда и столетиями конфликтов. Как только исследователь отходит от позиции наблюдателя, привычной любому специалисту в естественных науках, он так или иначе вынужден асимметрично воспринимать реальность. Проще говоря, те, кто в силу

В число основателей Le Cercle после проведённой с ними работы вошли Антонио Пине — выбранный первым председателем неформальной организации; Жан Монне — французский политический деятель, в последующем получивший титул отца Евросоюза, принц Отто фон Габсбург — неформальный глава католической германской аристократии, Конрад Аденауэр — действующий канцлер ФРГ и сэр Джон Синклер — представитель одной из самых родовитых семей британской аристократии, втайне исповедующий католичество и ведущий родословную от шотландских тамплиеров.

Второй корпус фактов связан с целями организации и информацией о различных течениях, образовавшихся в ней. Le Cercle был создан Ватиканом и католической старой аристократией для реализации идеи создания Европы от Лиссабона до Владивостока. Эта идея была оформлена как панъевропейский проект. В рамках этого проекта «Круг» максимально способствовал созданию сначала европейских органов различного типа, например, Европейского союза угля и стали, затем Общего рынка и, наконец, ЕЭС. Также совет приложил большие усилия для вступления в ЕЭС Великобритании и установления тесных взаимоотношений с США. В настоящее время члены «Круга» активно лоббируют создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского торгового партнёрства, а также максимально глубокую интеграцию Китая с европейской экономикой.

С первых дней в рамках Le Cercle образовалось два течения. Преобладающее течение просто патологически ненавидело Советский Союз и прилагало усилия к максимальному его ослаблению, а затем и разрушения. Наиболее яркими представителями этого течения среди отцов-основателей организации были Ж. Виоле, А. Пине, К. Аденауэр, Й. Штраус и вошедший в состав организации в 1956 г. А. Даллес. И, конечно же, один из высокопоставленных сотрудников французский спецслужб, «серый кардинал» «Круга» Б. Крозье.

Была и другая, хотя и более слабая, но влиятельная группировка в организации, которая видела перспективы в налаживании сотрудничества с Советским Союзом и его постепенной интеграции в единую Европу. Эту группировку возглавляли Отто фон Габсбург и влиятельнейший деятель Христианско-демократической партии, близкий к Ватикану Джулио Андреотти. К ней же принадлежал и близкий к де Голлю Жан Монне. К. Писенти относился к нейтральной группе, которая старалась не вмешиваться в политику, а обеспечивала связь высших кругов Ватикана с наиболее высокопоставленными членами Le Cercle.

Третий корпус фактов связан с судьбой Le Cercle. На протяжении всего периода деятельности организации она по сути представляла собой структуру взаимодействия между Ватиканом, старой католической аристократией, католически ориентированными ведущими политиками и элитой европейской и англо-американской разведки.

В деятельности организации можно выделить два этапа. Первый — когда основная активность была сосредоточена в Европе, а штаб-квартирой организации являлся отель «Негреско» в Ницце. Этот период охватывает 1951–1991 гг. Второй этап — американский. Он начался в 1994 г. и продолжается по настоящее время. Сегодня рабочий орган «Круга» расположен предположительно в католическом Бостоне, а организация сменила неформальный статус на статут бесприбыльной корпорации или НКО — «Atlantic Cercle, Inc.».

В настоящее время документально подтверждено членство в «Круге» в разные периоды времени примерно 200 человек. Список поражает воображение и даёт возможность однозначно квалифицировать организацию не как элитную тусовку, подобную Давосу, или собрание элитного, в чём-то показушного клуба, как Бильдерберг, а как эффективную дееспособную и активную наднациональную структуру.

Подробно о «Круге», как уже говорилось, речь пойдёт позже, однако для придания интриги, приведём несколько фамилий людей, которые являлись членами Le Cercle на момент знакомства Д. Гвишиани с директором компании «Навосидер» Пьеро Саворетти, а также несколько фамилий, относящихся к более позднему периоду деятельности «Круга», начиная с 1970-х годов.

Помимо упомянутых выше основателей в число примерно 70 человек, активно работавших в Le Cercle в 1956 г., входили, например, А. Даллес; генерал-майор сэр Джон Синклер — руководитель МИ-6; вездесущий Дэвид Рокфеллер; молодой Хуан Карлос Бурбон, будущий король Испании; Мишель Дебре, будущий министр обороны Франции, ближайший сподвижник генерала де Голля; Отто фон Амеронген и т.п. В более поздний период в «Круг» входили до и после своего назначения французский премьер-министр Лоран Фабиус, Сильвио Берлускони, директора ЦРУ в разные периоды времени Уильям Колби, Уильям Кейси, Дж. Бреннан.

Возникает вопрос, а мог ли быть Д. Гвишиани в курсе относительно учредителей столь понравившейся ему маленькой энергичной итальянской компании? На первый взгляд ответ, учитывая сегодняшнюю точку зрения на период 1950–1960-х годов, должен быть отрицательным. Не только в общественном мнении, но и среди весьма квалифицированных историков бытует точка зрения, что чиновники-функционеры того времени плохо ориентировались в западных реалиях и были бесконечно далеки от понимания элитных расстановок за рубежом. Однако данная точка зрения представляется ошибочной. Прежде всего она игнорирует просто огромное количество достоверных, перекрестно подтверждённых фактов, позволяющих с уверенностью сделать вывод о том, что высшая советская элита с первого до последнего дня советской власти тесно взаимодействовала с западными элитными группами. Причём данный вывод верен для всего периода советской истории, включая время реального господства И.В. Сталина. Более того, существует много оснований утверждать, что именно Сталину удалось установить совершенно уникальные по своей разветвлённости и, если можно так сказать, экзотичности и необычности, а также эффективности связи с различными группами мировой элиты. Однако развёрнутое фактологическое доказательство этого тезиса выходит далеко за рамки данного текста и требует написания специальной обширной работы. Пока же обратим внимание на следующее.

В нынешнем не только общественном, но и коллективном сознании Н.С. Хрущёв представляется кем-то вроде деревенского безграмотного дурачка с социопатическим психотипом. Однако факты говорят о том, что «дорогой Никита Сергеевич» при всей своей необразованности не только отличался цепким и раскованным умом, но и, подобно некоторым представителям высшей советской элиты, хорошо понимал, что к чему на Западе. Вместо того чтобы приводить многочисленные факты, подтверждающие сделанный вывод, позволим себе выдержку из книги весьма осведомлённого инсайдера А. Виноградова «Тайные битвы XX столетия». «В 1958 году, при-

осознаваемой или неосознаваемой ангажированности воспринимаются как свои, должны наделяться достоинствами, а их недостатки должны находить убедительное оправдание и извинение. Ну а противная сторона по возможности должна состоять из мерзавцев и жуликов, а в случае, если неумолимые факты и совесть исследователя заставляют признать, что в их ряды по недоразумению затесались приличные персонажи, то важнейшей задачей становится нахождение различного рода объяснений — как же так могло произойти, а также поиск обязательного негатива у позитивных с виду персонажей. В различные времена менялись лишь обоснования такой ангажированности. Если в советский период главной выступала преданность идеям мирового коммунизма, социализма и мира, то теперь на их место заступили историософские концепты превосходства той или иной цивилизации, страны, народа и т.п.

Особенно сложно с таким подходом приходится исследователям, которые занимаются страновыми и мировыми элитами, что называется, «разреженными высотами» власти. Здесь исследователи оказываются сразу перед двумя проблемами: во-первых, перед проблемой ангажированности и связанностью собственными концептами, а во-вторых, перед невозможностью полностью понять людей на вершинах власти, не имея опыта нахождения внутри её. Природа власти такова, что главная её задача — это собственное расширенное воспроизводство. Власть рождает власть, укрепляет власть и стремится, прежде всего, продлить существование власти. Решить такую задачу отдельным людям или их группам невозможно. Для её решения необходимы организованности. Любая же сложная организованность имеет собственную внутреннюю логику, своего рода поведение, которые с неизбежностью подчиняют входящих в организованности людей.

Таким образом, любой человек на вершинах власти или человек, тесно связанный по роду своей деятельности с этими людьми, оказывается обречённым на двойную деформацию собственной личности. С одной стороны, любая власть в конечном счёте — это прямое, скрытое или латентное принуждение, внешнее управление людьми. Понятно, что принуждение, даже в тех случаях, когда оно добровольно принимается, а подчас и остро желается принуждаемыми, не может не трансформировать личность человека во власти. На это искажение накладываются деформации, связанные с принадлежностью к властительным организованностям, имеющим свою логику и требующим вполне определённую цену не только за присутствие, но и за попадание в эти самые организованности. Высокий уровень власти, будь то в политике, военном деле, разведке или бизнесе — это всегда королевство двойных кривых зеркал, или, как говорил Уильям Донован, «мутное двойное зазеркалье».

В этом смысле аристократический и тем более монархический тип правления в определённом смысле оправдан и целесообразен, поскольку при этих типах правления резко снижается цена за вхождение в организованности для определённой, ограниченной группы людей. Соответственно, при наличии продуманных механизмов, обеспечивающих поступление новой крови и дозированный приток со стороны в верхние элитные слои, деформации человеческой личности людей во власти при таком типе правлении существенно меньшие, чем при тех типах, которые установились повсеместно в современном мире и связываются с так называемой демократией.

Может возникнуть справедливый вопрос: а как же народное благо и всё, что с этим связано? Можно со всей определённостью ответить, что власть как феномен, неотъемлемо присущий организации человеческого общества, сама по себе является благом для народа. При отсутствии власти народные бедствия и лишения увеличиваются в геометрической прогрессии. Поскольку, как показала история всех известных цивилизаций, в конечном счёте за любые властные перемены и формирование новых организованностей во вторую очередь платит элита, а в первую — сам народ. Причём плата не сводится только к снижению уровня жизни, а, как правило, предполагает массовые беспорядки, гражданские войны, убийства мирного населения и т.п. Что касается других народных благ, связанных с властью, то это не более чем бонусы, которые могут быть, а могут и не быть. Их наличие зависит не только и не столько от личных качеств властителей и людей, входящих в организованности, сколько от различного рода долговременных факторов неравновесной социальной динамики и подчас случайных обстоятельств.

Одним из следствий такого положения дел является неприменимость к людям во власти или около неё обычных, вполне оправданных и более того, необходимых в общежитейском плане шкал оценки, построенных на дихотомиях нравственного и безнравственного, плохого и хорошего, доброго и злого и т.п. В каком-то смысле власть лежит по другую сторону добра и зла, а соответственно, люди в ней должны оцениваться несколько по иным критериям. Поскольку любой критерий, по своей сути более или менее субъективен и, более того, привязан к конкретной временной шкале (в том смысле, что что-то хорошее в одном временном интервале может оказаться гибельным в другом), а оценивать всё-таки необходимо, то едва ли не единственным общеупотребительным критерием может служить элементарный принцип выживаемости, но не властителя или властителей, а подвластных, т.е. народа, этноса, государства или, что более точно, некоей цивилизационной или культурной общности в длительной перспективе.

Данное отступление потребовалось, чтобы прояснить позицию относительно А.Н. Косыгина. В контексте исследований незачем оценивать его человеческие качества, тщательно анализировать, где и за кого он не заступился и т.п. Гораздо важнее понять его побудительные мотивы и цели, а также то, какие последствия могли бы иметь реально его поступки и к каким результатам привела блокировка действий А.Н. Косыгина.

4

Как уже отмечалось, начало работы над программой, которая затем вылилась в создание Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа, датируется началом 1965 г., т.е. первыми месяцами пребывания А.Н. Косыгина на посту председателя Совета Министров СССР. Что же побудило или вынудило его приступить к столь опасной и неоднозначной работе? Ни в зарубежной, ни тем более в российской аналитике нет исследований, посвящённых данному вопросу. Попробуем заполнить лакуну, базируясь на анализе известных автору документов и поручений А.Н. Косыгина, зарегистрированных в соответствующих архивах.

На взгляд автора данного текста, можно выделить несколько ключевых причин. Прежде всего, как едва ли не самый осведомлённый в экономическом плане человек в советском руководстве, А.Н. Косыгин понимал, что с начала 1960-х годов с экономикой СССР начало что-то происходить. Метания Н.С. Хрущёва лишь по конкретному их выражению были следствием экономической безграмотности и известной доли авантюризма «дорогого Никиты Сергеевича», а в своей основе являлись результатом его реакции на не столько осознание, сколько чувствование буквально кожей надвигающихся проблем. При всех известных недостатках Н.С. Хрущёв, по свидетельствам знавших его людей, обладал развитой интуицией и буквально звериным чутьём на опасность, что, кстати, роднит его с Б.Н. Ельциным.

Будучи высоко эрудированным, культурным и интеллигентным человеком, А.Н. Косыгин, подобно многим представителям сталинской школы хозяйственного руководства, испытывал большое доверие к науке. Поэтому на протяжении всей своей деятельности, начиная ещё со времён руководства кооперацией в Сибири, он всегда обращался к лично знакомым представителям науки, обладавшим высоким научным авторитетом среди коллег и одновременно свободным от начётничества и склонности прятаться за цитатами из классиков марксизма-ленинизма. В этом плане он выглядел «белой вороной» среди высших советских руководителей той поры. Вот как вспоминает о них выдающийся российский экономист мирового масштаба Станислав Меньшиков: «Впрочем, истинное отношение Хрущёва к классикам марксизма было совсем не библейским. Рассказывают, что секретарь ЦК и академик Пётр Николаевич Поспелов как-то зашёл к Никите Сергеевичу напомнить, что тот опаздывает на торжественное открытие Музея Маркса и Энгельса. Вождь был сильно занят и встретил Поспелова следующей тирадой:

– Да пошёл ты подальше со своими евреями.

Оглушённый академик буквально выкатился из кабинета Хрущёва и ещё долго не мог прийти в себя, причитая: "Как он мог? Как же это он мог?".

Что касается Л.И. Брежнева, то он теории не только не любил, но и даже активно сопротивлялся, когда ему пытались, особенно на первых порах, вставлять сложные, по его понятиям, теоретические формулы. Помню, как были потрясены сочинители одного из его докладов, когда в возвращённом им варианте против слов "государственно-монополистический капитализм" стояла его пометка: "К чему здесь эта наукообразная галиматья?". Сделать из этого генсека теоретика марксизма при всём желании было невозможно»[221].

А.Н. Косыгин решил задать исследователям два вопроса, которые его волновали: какова прогнозируемая ими вероятная динамика развития народного хозяйства СССР и каковы перспективы капиталистической экономики на ближайшие 10–15 лет? При этом понятно, что, задавая вопросы, Косыгин отнюдь не предполагал получить ответы о том, что перспективы советской экономики плачевны, а западной — замечательны. Во-первых, он сам был иного мнения, а, во-вторых, получить такой ответ в те годы в СССР было просто невозможно не только по политическим и идеологическим соображениям, но и по настрою исследователей. Более того, в те годы ведущие западные экономисты, включая лауреатов Нобелевской

[221] Меньшиков С.М. О времени и о себе. М.: Международные отношения, 2007.

премии и даже спецов из экономической службы ЦРУ расходились лишь в определении сроков, когда СССР догонит по объёмам производства и другим ключевым показателям Соединённые Штаты Америки. Сегодня подобные иллюзии обуяли мировых экономистов и представителей разведывательного сообщества относительно перспектив Китая.

Прежде всего А.Н. Косыгин адресовал просьбу подготовить в короткие сроки доклад о тенденциях эффективности советской экономики ведущим экономистам той поры В. Красовскому и Я. Кваше. Они в 1964 г. опубликовали знаменитую работу «Темпы воспроизводства и структура капитальных вложений»[222]. По просьбе А.Н. Косыгина к исследователям подключились специалисты сводного отдела капитальных вложений и сводного отдела народнохозяйственного планирования Госплана СССР. Перед ними была поставлена задача рассчитать прогноз динамики роста национального дохода и производительности общественного труда в СССР и США в период 1966–1975 гг. К концу 1965 г. доклад был подготовлен. Из материалов доклада было понятно, что задача догнать и перегнать США к 1970 г. была невыполнимой. Однако темпы экономического роста СССР, по мнению авторов, на протяжении десятилетия должны были устойчиво опережать соответствующие темпы Соединённых Штатов по всем трём расчетным вариантам (оптимистический, усредненный и пессимистический). При этом важно отметить, что авторы доклада были известны как весьма добросовестные исследователи, чьи статьи в журнале «Вопросы экономики» перепечатывали ведущие американские экономические журналы и чьими оценками без стеснения пользовались в Государственном департаменте и других государственных учреждениях США, о чём сообщала советская разведка в Америке.

С просьбой сделать ещё один прогнозный доклад по экономике США и капиталистическому миру в целом А.Н. Косыгин обратился к молодому, но весьма известному в то время экономисту, одному из немногих специалистов по экономике США, стажировавшемуся в этой стране, С.М. Меньшикову. Интересно, что, вспоминая в деталях о многих других, гораздо менее значительных работах, этот выдающийся экономист, которому довелось работать с такими звёздами первой величины, как Д. Гэлбрейт, В. Леонтьев, Р. Эрроу, Д. Клейн и другие, в своих воспоминаниях ни словом не обмолвился об этом задании Косыгина. Тому есть вполне объективные причины.

А.Н. Косыгин входил в узкий круг людей, посвящённых в действительную научную специализацию С. Меньшикова. Она была связана с уникальными особенностями его биографии. Станислав Михайлович был сыном советского министра, который в годы войны работал советским представителем в Соединённых Штатах Америки и был связан с советской разведкой. Сын навещал его там, поступив в 16 лет в МГИМО. При этом надо отметить, что С.М. Меньшиков ещё во время работы отца в Лондоне советским разведчиком под крышей акционерного общества «Аркос» в совершенстве выучил английский язык и мог читать литературу, недоступную для подавляющего большинства советских людей не столько в силу цензуры, сколько в силу незнания

[222] Кваша Я., Красовский В. Темпы воспроизводства и структура капитальных вложений в СССР и США. Доклад для служебного пользования редакционной коллегии журнала «Вопросы экономики», 1964 г.

ими иностранных языков. Из Соединённых Штатов он, благодаря отцу, по работе связанному с влиятельным в военные годы в США Питиримом Сорокиным, едва ли не первый в России получил работы Н. Кондратьева. Дело в том, что П. Сорокин с детства дружил с Н. Кондратьевым, помогал ему, как мог и в итоге стал обладателем многих работ Кондратьева, своеобразным хранителем его научного наследства.

Исследования Кондратьева в значительной мере определили на долгие десятилетия научную специализацию С. Меньшикова. Несмотря на то, что в последующем работы по экономической динамике и среднесрочному и долгосрочному прогнозированию принесли ему мировую славу, в начале изучение работ Кондратьева едва ли не стоило юному студенту свободы или жизни. В 17-летнем возрасте он рассказал сверстникам о том, что готовит анализ капиталистической экономики, базируясь на теории длинных волн Кондратьева. Он мечтал повторить карьеру знаменитого в те годы советского экономиста Е. Варги. Бдительные студенты МГИМО тут же донесли об этом в инстанцию. Вопрос быстро дошёл чуть ли не до уровня самого В. Абакумова, который как руководитель СМЕРШа — а шли последние месяцы войны — представил, какие перспективы открываются перед раскрытием шпионской сети, использующей глубоко законспирированные ячейки Промпартии, по делу которой в своё время Н. Кондратьев и получил свой срок, закончившийся смертью.

В результате Меньшикова арестовали и отправили на Лубянку. Однако просидел он там, согласно его собственным воспоминаниям, недолго. О произошедшем событии стало тут же известно отцу, который по работе был связан и поддерживал хорошие отношения с Л.П. Берия. Берия вмешался, С. Меньшикова не только освободили, но и не исключили из комсомола, восстановили в институте, где он продолжил работу над кондратьевскими циклами. Ещё раз аукнулась эта история уже в 1953 г. В своих воспоминаниях Меньшиков пишет об этом так: «В 26 лет был исключён из партии за те же старые грехи, о которых кто-то внезапно вспомнил». Теперь С. Меньшиков уже проходил по делу Берии как спасённый Л. Берией то ли британский, то ли американский агент. На этот раз С. Меньшикова спас В. Молотов, который очень хорошо относился к его отцу, только что назначенному на ключевую в то время должность посла в Индию. Понятно, что о такой истории, связанной с научной специализацией, многократно битый Станислав Михайлович даже в 2007 г. лишний раз вспоминать не захотел.

С. Меньшиковым и группой приданных ему специалистов в течение 1965 г. был подготовлен уникальный доклад, в котором впервые подход длинных технологических волн Кондратьева был увязан с динамикой изменения укрупнённого межотраслевого баланса по разработкам Василия Леонтьева. В последующем эта работа стала основой для разработки знаменитого экономического доклада ООН «Будущее мировой экономики». Этой работой С. Меньшиков руководил уже в качестве заместителя директора Центра планирования и развития Секретариата ООН. Согласно докладу, безальтернативной перспективой для мировой капиталистической экономики на ближайшие 15–20 лет должно было стать снижение темпов её роста и уменьшение продолжительности периодов между фазами спадов в рамках следующих друг за другом экономических циклов. Коротко говоря, согласно модели С. Меньшикова, у капитализма были весьма туманные экономические перспективы, обусловленные безальтернативностью затухания темпов экономического развития (разумеется, при условии сохранения тех тенденций мирового развития, которые сложились в послевоенный период).

Несколько отвлекаясь, следует отметить, что прогнозная модель С. Меньшикова сработала на 100%. Начиная с 1965 по 1990 г., а затем с 1995 г. по настоящее время неуклонно происходит падение темпов экономической динамики развитых капиталистических стран – членов ОЭСР и уменьшение периодичности между циклическими спадами. Как отмечают лауреаты Нобелевской премии в области эконометрики, работа Меньшикова, опубликованная в открытой печати на английском языке на 12 лет позднее, чем она была представлена Косыгину, явилась лучшим экономическим прогнозом второй половины XX века[223].

Сопоставление двух ключевых докладов дало А.Н. Косыгину, как рассказывали его помощники и советники автору текста, серьёзный материал для размышлений. Согласно расчётам в докладах, при всех проблемах Советского Союза проблемы США и капиталистической системы оказывались ещё более значительными. И, соответственно, в длительной перспективе позиции социалистической экономики оказывались всё более и более предпочтительными. Причём эта предпочтительность чем дальше, тем более становилась очевидной. Однако сделанные выводы вряд ли обрадовали А.Н. Косыгина. Дело вот в чём. Одним из ближайших соратников А.Н. Косыгина был В.В. Кузнецов, первый заместитель министра иностранных дел СССР, главный участник финального урегулирования Карибского кризиса. А.Н. Косыгин к этой теме проявлял огромный и неослабевающий интерес. Автору текста со слов старшего офицера А.С. Феклистова, сыгравшего ключевую роль в установлении неформального контакта через Роберта Кеннеди между высшим американским и советским руководством, известно, что в 1965 г. Косыгин приглашал его к себе на дачу и расспрашивал о мельчайших деталях событий, происходивших в дни и месяцы Карибского кризиса, а также о семействе Кеннеди, о погибшем президенте, о Роберте Кеннеди, которого в то время рассматривали как наиболее вероятного кандидата на победу на президентских выборах 1968 г.

У А. Феклистова сложилось впечатление, что А.Н. Косыгин полагал, что мир находился буквально в нескольких часах, а возможно, и минутах от полномасштабной ядерной войны и, более того, что в значительной степени заслуга в её предотвращении принадлежит не советской стороне в лице Н.С. Хрущёва, а Джону и Роберту Кеннеди. В связи с этим весьма интересно, что всё в том же 1965 г. статистическая школа великого советского математика А.Н. Колмогорова получила секретное распоряжение министра обороны СССР Р.Я. Малиновского создать совместно со специалистами Министерства обороны СССР и его институтов модель для расчёта рисков возникновения ядерной войны. Здесь, кстати, нельзя не отметить, что с давних пор А.Н. Косыгина и Р.Я. Малиновского связывали взаимоуважительные рабочие отношения.

Р. Малиновский среди советских министров обороны был совершенно уникальным человеком. В отличие от любителя охоты и футбола, принципиально мало читавшего А. Гречко, Р. Малиновский в совершенстве знал французский язык, имел огромную библиотеку, постоянно общался с ведущими учёными, артистами. Он был дважды Георгиевским кавалером и кавалером одной из высших французских

[223] Histories of Econometrics (History of Political Economy Annual Supplement) / Ed. M. Boumans. Durham: Duke University Press, 2012.

военных наград за героизм на полях Первой мировой войны. По мнению понимавшего толк в стратегии Г. Гудериана, Р. Малиновский был одним из сильнейших полководцев Второй мировой войны.

Приведённые данные, а также вышедшие в США к 50-летию Карибского кризиса книги, построенные на анализе не только государственных, но и личных архивов участников тех событий, позволяют с высокой степенью вероятности говорить о том, что воздействие Карибского кризиса на высшее руководство и США и Советского Союза было поистине шоковым. Кризис показал наиболее умным и осмотрительным людям, к числу которых в СССР, несомненно, относился А.Н. Косыгин, что мир в условиях жёсткого противоборства СССР и США является крайне хрупким. А наименование «холодная война» — не что иное, как успокоительный миф. Из рассказов Н.Н. Моисеева, одного из наиболее активных участников решения задачи, которую Р. Малиновский поручил А. Колмогорову, следует, что созданная математическая модель рисков возможности ядерной войны не только не внушала оптимизма, но формировала устойчивый пессимизм.

Согласно результатам математического моделирования в СССР и, как позднее выяснилось, в США, основные и практически неустранимые в условиях сохранения состояния Холодной, норовящей перейти в локальную горячую войну, причины ядерного конфликта лежали не в плоскости реализации сознательной стратегии нанесения превентивного ядерного удара, а были связаны с реакцией на случайный отказ тех или иных систем у противников, с несанкционированным запуском ядерных носителей, а также с неконтролируемой эскалацией местных локальных конфликтов, в которых на первой стадии СССР и США даже не участвовали. Как выяснилось спустя почти 20 лет, и советская, и американская модели, использовавшие примерно одинаковый математико-статистический аппарат и сопоставимые массивы разведывательных данных, оценивали риск прямой ядерной войны между СССР и США в период до 1985 г., почти в 100%[224]. Вполне понятно, что личные впечатления А.Н. Косыгина от Карибского кризиса, подробные беседы с В. Кузнецовым, А. Феклистовым и другими участниками Карибского кризиса, а также сообщённые ему данные по математическому моделированию рисков ядерного конфликта не могли не побудить председателя Совмина к отнюдь не весёлым размышлениям.

5

Ещё одним эксклюзивным фрагментом пазла, позволяющем судить о побудительных причинах А.Н. Косыгина и о его задумках, положивших начало программе, вылившейся в отнюдь не запланированные изначально Римский клуб и Международный институт прикладного системного анализа, являются впечатления, вынесенные автором от разговоров с Ароном Кацеленбогеном, состоявшимися в первой половине 1990-х годов в Америке.

[224] Martel M., Savage P.L. Strategic Nuclear War: What the Superpowers Target and Why (Contributions in Military Studies). Westport: Praeger, 1986; Arms Race Modeling: Problems and Prospects // Journal of Conflict resolution. Anderton, 1989.Vol. 33, No. 2; Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N.Y.: Palgrave McMillan, 2008.

Сегодня в России фамилия Кацеленбогена мало кому что говорит. С одной стороны, это связано с провинциализмом сегодняшних российских макроэкономистов и финансистов, а также специалистов в области военной экономики, а с другой — с особенностями биографии самого Кацеленбогена. Между тем, в мире А. Кацеленбоген широко известен сразу в нескольких ипостасях. Прежде всего он — один из признанных авторитетов в своё время еретического, а ныне мейнстримного течения в теоретической и практической макроэкономике, связанного с неравновесной динамикой. Традиционно экономисты привыкли иметь дело с равновесными и сбалансированными процессами. Это повелось ещё от Адама Смита и продолжается по сегодняшний день в рамках подавляющего большинства направлений, разрабатывающих экономическую и монетарную политику. А. Кацеленбоген вслед за В. Парето утверждал, что любая динамика принципиально неравновесна и потому практический смысл имеет не разработка утопических мер по достижению равновесия, а поиск инструментов, которые могли бы обеспечить контролируемое неравновесие.

Наряду с разработкой общей теории экономического неравновесия, ещё живя в СССР, А. Кацеленбоген, создал трёхмерную модель экономики с учётом военно-промышленного сектора. Эта модель после его эмиграции в США была использована с подачи Эдварда Люттвака и Уильяма Кейси при разработке и реализации финансово-экономической войны против СССР во времена президентства Р. Рейгана. Кроме того, уже будучи в США, А. Кацеленбоген создал оригинальную теорию неантагонистических игр, которая в настоящее время лежит в основе стандартных процедур по модерации жёстких конфликтов и перевода их из военной в мирную фазу.

По своему образованию Кацеленбоген был математиком. В силу борьбы в СССР в 1950-е годы математических и физических школ, разделившихся по этническому признаку, Кацеленбоген не стал продолжать математическую или физическую карьеру, а занялся экономикой. В это время в СССР была реабилитирована кибернетика, и люди, разбиравшиеся в математике, стали цениться в экономических институтах Академии наук СССР буквально на вес золота. На этой же волне в 1963 г. был создан Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) во главе с академиком Н. Федоренко. А. Кацеленбоген возглавил в институте один из ведущих научных отделов, занимавшихся разработкой моделей экономической динамики или, как тогда было принято говорить, социалистического расширенного воспроизводства.

Впервые в мировой практике почти за год А. Кацеленбоген разработал достаточно простую, но имеющую большой эвристический и прогностический потенциал, модель. Как в классической, так и в марксистской политэкономии и даже в буржуазной неоклассике было принято делить весь производительный сектор экономики на две части: первое и второе подразделения. Революционной инновацией А. Кацеленбогена стала идея о том, что существует и третье производительное подразделение — военно-промышленный комплекс. До Кацеленбогена традиционно ВПК относили к части экономики, не участвующей в расширенном воспроизводстве. При этом, в отличие от первого и второго подразделения, третье подразделение являлось, согласно Кацеленбогену, производительным лишь при определённых условиях. Эти условия получили в мировой литературе наименование «условий Кацеленбогена».

Собственно, ничего сверхъестественного в этих условиях не было — они лишьфиксировали выводы здравого смысла, но для экономической науки и практики оказались открытием. Первое условие было связано с фактическим использованием конверсионных возможностей ВПК. Иными словами, в том случае, если технологии, появившиеся в ВПК, находили применение в гражданском секторе, первом и втором подразделениях, то и третье подразделение оказывалось производительным. Второе условие фиксировало тот очевидный факт, что в случае, если расходы на подготовку и ведение войны превышали прямые и косвенные доходы, полученные в результате победного завершения войны, то, опять же, третье подразделение оказывалось производительным. Наконец, третье условие было наименее очевидным. Оно состояло в том, что коль скоро страна на протяжении минимум 15-летнего периода имела незатухающую динамику темпов экономического роста, то третье подразделение опять же признавалось производительным. В основе третьего условия лежало соображение, что существование третьего подразделения обеспечивало жизнеспособность экономики и выживание страны в условиях агрессивного внешнего мира. Столь подробное описание модели Кацеленбогена потребовалось для того, чтобы понять смысл его бесед с А.Н. Косыгиным и причины, побудившие премьера неоднократно приглашать к себе академика Н. Федоренко и А. Кацеленбогена.

Как рассказывал Кацеленбоген, премьера в ходе бесед интересовали два вопроса. Первый — это предельный уровень третьего подразделения, при котором оно будет оставаться производительным. Иными словами, А.Н. Косыгин пытался понять для себя, какова граница доли военных расходов в государственном бюджете и ресурсах на воспроизводство, которые без ущерба, а лучше и с пользой для себя, может нести Советский Союз. Согласно Кацеленбогену, по результатам бесед у них с академиком сложилось впечатление, что А.Н. Косыгин по состоянию на 1965 г. считал наиболее вероятным навязывание Советскому Союзу гонки неядерных либо ядерных тактических вооружений. По его мнению, американцы вряд ли и далее будут рисковать, балансируя на грани возникновения тотальной атомной войны и скорее всего начнут переговоры по замораживанию либо даже сокращению стратегических ядерных вооружений. Но при этом, определённые круги в их руководстве постараются использовать гонку вооружений как экономическое оружие против СССР.

Поскольку ЦЭМИ с момента своего создания и вплоть до последних дней существования Советского Союза имел прерогативу высказывать любые, даже категорически недопустимые для других институтов Академии наук мнения, которые можно было списать в крайнем случае на свойственную математикам идеологическую безграмотность, то руководство страны вызывало директора института только в тех случаях, когда хотело получить ответы, выходящие за пределы традиционных точек зрения. Понимая это обстоятельство, как вспоминал Кацелебоген, они попросили у А.Н. Косыгина несколько месяцев на детальную проработку и просчёт вариантов и в декабре 1965 г. представили ему свои соображения. Суть их сводилась к следующему. В силу определённых особенностей Советского Союза, по мнению А. Кацеленбогена, конверсионная составляющая ВПК неизмеримо слабее, чем на Западе. Соответственно, и общепроизводительный потенциал ВПК в обычных условиях уступает западному. При этом, поскольку общий экономический потенциал СССР заметно меньше, чем у США и их союзников, то длительную гонку вооружений в интервале 12–15 лет он просто не сможет выдержать. С другой стороны, по мнению разработчиков ЦЭМИ, советская экономика несоизмеримо превосходила западную, особенно в её американском варианте, по своему мобилизационному потенциалу. А потому и военно-промышленный комплекс по своей технологической динамике превосходил западный, несмотря, а во многом и благодаря общему технологическому отставанию экономики СССР. Отсюда авторы доклада делали вывод о том, что парадоксальным образом в краткосрочном плане пяти, максимум десяти лет, гонка вооружении может оказаться выгодной для СССР, так как усиливает его позиции. В долгосрочном же плане, начиная от 15 лет, она будет иметь просто катастрофические последствия для советской экономики. По воспоминаниям Кацеленбогена, Косыгин внимательно изучил их доклад, однако больше к нему не возвращался. На очередной встрече, состоявшейся уже в феврале – марте 1966 г., вопреки ожиданиям учёных, разговор зашёл не об их докладе, а об экономической реформе.

Одним из самых устойчивых мифов сегодняшнего времени, который сформировался ещё во времена М.С. Горбачёва, является миф о А.Н. Косыгине как главном инициаторе реформы по Евсею Григорьевичу Либерману. Эта реформа и в народе, и в научной литературе получила название «косыгинская экономическая реформа». Безусловно, у этого мифа есть рациональная основа. По факту идеи статей Е. Либермана в «Правде», а также его разработки действительно легли в основу экономической реформы 1965 г., а он сам получил статус консультанта А.Н. Косыгина. Соответствует реальности и то, что именно на Косыгина была возложена ответственность за перевод теоретических положений на язык нормативных документов, а затем реализация этих документов в хозяйственной практике. Также объективной реальностью является факт, что торможение, а затем и сворачивание реформы уже на рубеже 1970-х означало резкое ослабление позиций А.Н. Косыгина и понижение его статуса с фигуры, практически равной Л.И. Брежневу, до как максимум третьего человека после Л.И. Брежнева и М.А. Суслова.

Анализ столь сложного и неоднозначного процесса, как экономическая реформа конца 1960-х, выходит за рамки данного исследования. В контексте последнего важно отметить лишь несколько обстоятельств. Впервые в целостном виде принципиальные положения реформы, ошибочно получившей название «косыгинской», были сформулированы в 1962 г. в статье Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия», напечатанной в «Правде». В статье впервые предлагалось сделать критерием эффективности работы предприятия прибыль и рентабельность и увязать с ними вознаграждение за труд. В Польше и Венгрии это было уже реализовано. Однако в СССР такие мысли были опубликованы впервые, тем более в партийной газете.

Сразу после выхода статьи А. Микоян и тогдашний главный редактор «Правды» Павел Сатюков подробно рассказали о статье Н.С. Хрущёву и рекомендовали ему попробовать идеи Либермана на практике. В 1962 г. Хрущёв дал добро на проведение хозяйственного эксперимента по Либерману. Он проводился на предприятиях швейной промышленности, на шахтах, а также в ряде транспортных предприятий. Косыгин, будучи в то время заместителем председателя Совета Министров

СССР и председателем Госплана в официальных документах выступал против реформы по Либерману, считая её непродуманной и неприменимой в отраслях тяжёлой промышленности и машиностроения. Однако после Октябрьского 1964 г. пленума ЦК КПСС в «Правде» появился новый главный редактор, академик А. Румянцев, который опубликовал новую статью Либермана «Откройте сейф с алмазами».

Как в 1980-е – начале 1990-х годов автору текста рассказывали независимо друг от друга Валерий Аграновский и Александр Бовин, Евсею Либерману в наибольшей степени покровительствовали главный редактор «Правды» академик А. Румянцев, тогдашний начальник отдела ЦК КПСС А.Н. Яковлев и, как это ни удивительно, М.А. Суслов. Именно Суслов после того, как Л.И. Брежнев был избран генеральным секретарём, при подготовке одного из докладов в Завидово посоветовал Л.И. Брежневу обратить внимание на талантливого экономиста из Харькова, который сформулировал дельные предложения. Как вспоминал А.Е. Бовин, Брежневу упрощённый пересказ идей Либрмана в изложении Суслова запал в душу, и он часто повторял своим спичрайтерам: «Мы, товарищи, должны дать людям заработать и отдохнуть. Народ и так уже натерпелся. Теперь ему пожить надо». Сегодня мало кто помнит, что начало экономической реформы совпало по времени с переходом на пятидневную рабочую неделю. Эти меры, прочно увязанные в народном сознании с новым партийным руководством, заметно повысили авторитет Л.И. Брежнева как руководителя страны, заботящегося о жизни простых людей.

А. Кацеленбоген вспоминает, что Косыгина особенно интересовал следующий момент. Он пытался получить от руководства Госплана СССР и учёных ответ на вполне конкретный вопрос: какие необходимо принять меры к тому, чтобы увязать стимулы экономической реформы с воспроизводственной структурой экономики. Как практический экономист, начавший свою карьеру с руководства кооперативом во времена НЭПа, а затем курировавший крупнейшую советскую концессию «Лена Голдсмит», он прекрасно понимал, что замена вала показателем прибыли к рынку никакого отношения не имеет. Она лишь увязывает вознаграждение не только с объёмами произведенной продукции, но и со снижением себестоимости, т.е. экономией ресурсов. При этом, опять же, как практик и хозяйственный руководитель высочайшего уровня, он прекрасно отдавал себе отчёт в заложенной внутри реформы бомбе. Она заключалась в том, что экономия достигалась и в первом, и во втором и в третьем — по Кацеленбогену — подразделениях экономики.

Пропорционально достигнутой экономии и увеличивающейся прибыли выплачивалось в возросших размерах вознаграждение. Однако вся проблема состояла в том, что фонды заработной платы и материального поощрения росли и в первом и во втором, и в третьем подразделении, или, если говорить привычным языком, и в группе А, и в группе Б — промышленности. А вот увеличивающуюся товарную массу создавало только второе подразделение, входящая в неё соответственно группа Б, а также сфера услуг. Взрыв бомбы становился неизбежным в том случае, если в первом подразделении и в военно-промышленном комплексе, а им в то время придавалось определяющее значение, трудовые коллективы добивались впечатляющих успехов. Это вело к нарастающему объёму необеспеченных денежных средств населения и, как следствие, очередям, дефициту и т.п. То есть к тому, что активно начало входить в советскую жизнь уже в 1970-е годы.

По впечатлениям Кацеленбогена, А.Н. Косыгин прекрасно видел эту проблему и пытался получить количественную оценку её масштабов и темпов нарастания. Однако ответственные работники Госплана уходили от ответа, указывая, что они не располагают полной оперативной статистикой, позволяющей в динамике отслеживать процессы. Они утверждали, что могут достаточно точно нарисовать картину лишь в статике. Ориентируясь на директора института академика Н. Федоренко, А. Кацеленбоген решил не рисковать и не браться за задачу разработки подобной методики. Это могло бы заметно ухудшить отношения руководства института с руководством Госплана (а формально именно Госплан выступал главным работодателем ЦЭМИ). После этого А.Н. Косыгин А. Кацеленбогена не вызывал.

Из подробных рассказов А. Кацеленбогена можно сделать два вывода. Во-первых, А.Н. Косыгин ясно видел сильные и слабые стороны советской экономики и получил важную для него информацию относительно имеющихся возможностей и грядущих угроз. Кроме того, он прекрасно понимал ограниченность, а в перспективе и потенциальную опасность экономической реформы 1965 г. По некоторым косвенным признакам можно сделать вывод, что в реформе он видел способ обеспечения высоких темпов экономического роста на ближайшие пять лет, которые были необходимы для проведения переговоров с Западом с позиций силы или, по крайней мере, на равных. Кроме того, он рассматривал реформу как своего рода полевые испытания корпуса хозяйственных руководителей на их готовность к подлинным переменам.

Завершая тему Арона Кацеленбогена, нельзя совсем коротко не остановиться на парадоксе его эмиграции. В первой половине и середине 1970-х годов, во второй волне еврейской эмиграции, неожиданно разрешение на выезд в Израиль, а фактически, как все понимали, в Америку, получил целый ряд уникальных специалистов, чьи разработки имели прямое отношение к военной и разведывательной сферам. Наряду с уже упомянутым А. Кацеленбогеном, к ним можно отнести, например, разработчика уникального метода рефлексивного управления Владимира Лефевра, лучшую в мире группу математиков — специалистов по поиску скрытых уязвимостей в сложных системах различного рода, а также целый ряд других лиц и коллективов. Нельзя не отметить, что кураторы КГБ соответствующих научных учреждений, а также руководители среднего уровня на Площади Дзержинского категорически возражали против возможности предоставления такого рода разрешений. Однако эти разрешения были даны из самых высоких кабинетов на Лубянке.

В связи с этим любопытным представляется обсуждение вопроса об эмиграции на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС.

«*Брежнев.* Закон не надо отменять. Мы условились не менять закона. Но на данном этапе, когда сионисты разожгли кампанию вокруг поправки Джексона и вокруг законопроекта о предоставлении нам режима, надо отпускать. Дело не в режиме, им надо вообще поссорить Советский Союз с Америкой. Есть группа республиканцев, которая поставила целью сорвать улучшение отношений Советского Союза с США. Никсон — за, администрация — за, а многие сенаторы против только из-за того, что у нас с евреев взимают плату (за обучение в вузах).

Косыгин. А кого мы не хотим выпускать, мы не должны выпускать.

Андропов. С понедельника едут не 600 человек, а полторы тысячи.

Брежнев. Отпусти 500 второстепенных лиц, а не академиков. Пусть они говорят, что с них ничего не взяли. Возьмите пару инженеров с высшим образованием, не имеющих никакого отношения к секретам, например, из пищевой промышленности — пусть едут. Но не с оборонной промышленности. Пускай и инженеры едут бесплатно. Это временный тактический манёвр.

Щёлоков. Леонид Ильич, я ещё хотел сказать, что может быть в связи с тем, что опубликованы данные о желающих возвратиться, использовать их здесь для пропаганды по телевидению, в печати и т.д.

Андропов. Было такое поручение, вчера мы получили телеграмму. 10 семей мы возвращаем.

Косыгин. Наш народ очень плохо реагирует на возвращение. Говорят, раз уехали, то их обратно не принимать»[225].

6

Приведённые выше воспоминания и фрагменты текстов, как представляется, дают возможность реконструировать воззрения А.Н. Косыгина в тот период, и сделать предположения относительно задач, решение которых он связывал с осуществлением программы, позднее вылившейся в Римский клуб и Международный институт прикладного системного анализа. Прежде всего, А.Н. Косыгин был убеждён, что, несмотря на наличие двух мировых систем, мировая экономика является единым целым. Выступая в июле 1964 года с лекцией в Институте общественных проблем, Косыгин говорил, что Советский Союз не намерен, не может, и не будет создавать замкнутую экономику. В записных книжках А.Н. Косыгина, которые хранятся у его внучки Татьяны Джерменовны, имеется запись, относящаяся к тезисам этой лекции: «Мы против замкнутой экономики и стоим за широкий научно-технический обмен между странами. Советский Союз хорошо понимает преимущества международного разделения труда, развитие экономических отношений между государствами». Несколькими страницами далее в записной книжке можно прочесть: «Международная экономика организована и действует по-капиталистически, и мы должны научиться использовать возможности этой экономики себе на благо».

Представляется, что в статическом плане на коротком историческом промежутке времени, около 10–20 лет, А.Н. Косыгин считал, что СССР является частью мировой экономики, организованной именно по-капиталистически. Поэтому, коль скоро СССР хочет участвовать в международном разделении труда, он не может игнорировать капиталистический характер мировой экономики и должен ему соответствовать.

В динамическом плане, с точки зрения долговременных тенденций А.Н. Косыгин полагал, что будущее принадлежит социализму как строю, соответствующему тенденциям развития производительных сил. Как рассказывал автору текста известный советский и российский экономист и государственный деятель Л.И. Абалкин, в производительные силы Косыгин был склонен включать и организацию производства и труда. Данная точка зрения у него исходила из практического опыта.

[225] Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 1996. № 1. С. 157.

В то же время виднейший экономист Д. Гэлбрейт в своих знаменитых работах «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества» называл эти отношения «организационными». А сам Л.И. Абалкин под воздействием бесед с Косыгиным вынес их в отдельный слой хозяйственного механизма социализма под названием «организационно-экономических отношений». Так или иначе, А.Н. Косыгин полагал, что будущее принадлежит социализму. При этом, по свидетельству самых различных людей, включая его зятя Д. Гвишиани[226], близкого друга, философа Л. Ойзермана[227] и известного чешского политика О. Черника[228], он отнюдь не был склонен считать, что советский вариант социализма — это единственный или лучший.

Касаясь множественности вариантов социализма, нельзя не привести выдержки из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС 19 июля 1968 г. относительно событий в Чехословакии. «Я считаю, — говорил Андропов, — что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступаете на меня. Они сейчас борются за свою шкуру и борются с остервенением. Правые во главе с Дубчеком стоят твёрдо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Всё идет против нас». На этот выпад Косыгин ответил так: «Я хотел бы также ответить т. Андропову, я на вас не наступаю, наоборот, наступаете вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию»[229].

Поскольку, по мнению А.Н. Косыгина, будущее принадлежит социализму с обобществлённым характером труда и производства, планомерной, программной и другими внерыночными формами организации деятельности, а в настоящем господствует капитализм, то время, потребное на переход настоящего в будущее, будет временем компромиссов и переходных форм, к которым СССР должен быть готов. В силу особенностей своей биографии А.Н. Косыгин видел такого рода переходные формы в кооперации и привлечении западного капитала для решения задач развития СССР. Как известно, А.Н. Косыгин окончил кооперативный техникум, где учились прежде всего по книгам Карла Каутского и Александра Чаянова. Поскольку первое систематическое образование в большинстве случаев формирует концептуальный взгляд человека, то А.Н. Косыгин, естественно, не стал исключением. И идеи Карла Каутского о многообразии форм социализма и постепенности его строительства не могли не сформировать его личное хозяйственное мировосприятие.

Свою взрослую жизнь будущий премьер начал как руководитель кооперации в Сибири. Причём там наиболее активными кооператорами были меньшевики и эсеры, которые в отличие от большевиков кооперацией занимались ещё с конца XIX в., и притом весьма успешно. Понятно, что работа с этими людьми также сформирова-

[226] Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по http://padaread.com/?book=57442

[227] Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: Республика, 1997.

[228] Млечин Л. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008.

[229] Независимая газета. М., 14 декабря 2000 г.

ла взгляд на кооперацию как на вполне социалистический способ организации хозяйства, широко использующий, а точнее построенный на комбинации общественного труда с рыночным способом экономического функционирования. На протяжении всего периода пребывания на посту предсовмина А.Н. Косыгин не оставлял попыток реанимировать систему не только потребительской, но и производственной кооперации в СССР, однако в этом деле он наталкивался на стойкое противодействие других членов Политбюро.

В связи с этим любопытным представляется выдержка из глянцево-парадной биографии А.Н. Косыгина, написанной многолетним корреспондентом «Комсомольской правды» В. Андриановым в серии ЖЗЛ. Несмотря на сусально-иконописный стиль изложения, автор использовал множество интересных и даже уникальных первичных источников, в которых содержится ценная информация. Это в полной мере относится к фрагменту, характеризующему деятельность позднего А.Н. Косыгина. «Как вспоминал Борис Терентьевич Бацанов, начальник секретариата Председателя Совмина СССР, уже будучи тяжело больным, Косыгин вынашивал идею о том, чтобы вдохнуть новую жизнь в деформированные остатки кооперации в Советском Союзе. Он часто бывал за границей, пытливый взгляд его примечал не только высокую организацию крупного производства, быстрый научно-технический прогресс, но и всепроникающую сферу услуг, доступность её простому человеку, который может хорошо отдохнуть не только по профсоюзной путёвке раз в год, но и просто расслабиться за кружкой пива в уютной и дешёвой пивной или придорожном кафе. А наш унылый и неопрятный общепит навевал на него воспоминания о работе в сибирской кооперации в годы нэпа. Он часто рассказывал, как хорошо и сытно кормили в придорожных трактирах на Ленском тракте, как чисто и уютно было на постоялых дворах. Одно удовольствие проехать на перекладных несколько сотен километров… Он вспоминал об этом с какой-то ностальгией, ведь это было тоже при советской власти, было, но ушло.

Уже в больнице, в 1980 году, он дал поручение председателю правления Центросоюза Смирнову подготовить предложения о расширении и перестройке деятельности потребительской кооперации, в руках которой находилось до 40% розничного товарооборота в стране. Суть его замысла состояла в том, чтобы на кооперативных началах коренным образом (он говорил: «до европейских стандартов») поднять качество торгового и бытового обслуживания не только сельского, но и городского населения. Он стал перечитывать ленинские работы о кооперации, выделяя в них мысль о ней как имманентном элементе социализма, а также то, что «кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом»[230].

Относительно сотрудничества с капиталистами в деле развития СССР не нужно забывать, что именно А.Н. Косыгин курировал знаменитую концессию «Лена Голдсмит», принадлежащую крупнейшему британскому магнату Л. Уркварту. В противоположность сведениям, содержащимся в исторически безграмотных и политэкономически дилетантских писаниях пропагандиста Н. Старикова, работа концессии в реальности принесла большую пользу Советскому Союзу как в финансовом, так и в технологическом плане. Что же касается её ликвидации, то это был известный в те времена способ закрытия такого рода сделок, когда «на поверхности ковра» бескомпромиссные большевики-ленинцы боролись с акулами империализма, а «под ковром» подсчитывали взаимные прибыли и намечали новые дела. При этом в отличие от нынешних времён, прибыли относились к народнохозяйственному бюджету, а не частным счетам.

[230] Андрианов В. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2004.

Концессионный опыт был переосмыслен А.Н. Косыгиным и сделал его устойчивым сторонником экономических связей, прежде всего, с крупнейшим западным бизнесом, принадлежащим в основном подлинной мировой элите. Он рассматривал эти связи одновременно и как важный инструмент решения актуальных народнохозяйственных задач, и как метод усиления взаимозависимости мира, улучшения отношения к Советскому Союзу в мировой элите и, в конечном счёте, ослабление изматывающей гонки вооружений. Не случайно в первые же дни своего премьерства в своей записной книжке он оставил следующую запись: «Передо мной, — пишет В. Андрианов, — рукописный проект рабочей записки Косыгина вот с каким заголовком "Обратиться к США, Англии, Франции, Италии и ФРГ". Говорится в ней о том, что советское правительство «поставило задачу резко увеличить в ближайшие годы производство тканей, одежды, обуви». Мы, конечно, могли бы решить эту проблему и сами, пишет Алексей Николаевич, «не прибегая к помощи других государств, но это потребует несколько большего времени, что мы считаем нежелательным. А у вас, господа капиталисты, есть большой опыт в деле развития этих отраслей». В общем, последовало деловое предложение о сотрудничестве.

«Какие вопросы мы считаем нужным решить:

1. Контакты в научных проблемах. Взаимный обмен опытом.
2. Приглашение к нам ваших отдельных специалистов.
3. Содействие со стороны правительства в размещении у вас (заказов на) оборудования для этих отраслей промышленности.

Для ведения переговоров по этим вопросам в случае благоприятного вашего отношения мы могли бы командировать специальную комиссию на высоком уровне»[231].

В разработке вопросов сотрудничества с Западом А.Н. Косыгин следовал традициям не только советской хозяйственной практики, но и русской экономической мысли. В архиве А.Н. Косыгина сохранились его выписки и подчёркивания в книгах выдающихся российских экономистов и государственных деятелей. А.Н. Косыгин тщательно штудировал работы С.Ю. Витте. Например, Косыгин подчеркнул следующий фрагмент, касающийся протекционизма: «Необходимость введения протекционизма С. Витте обосновывал следующим образом: "Достаточно самого поверхностного наблюдения, чтобы убедиться, что различные страны мира находятся на разной степени экономического развития. Одни успели достигнуть высшей степени развития — обосновать прочно свою промышленность, выработать высокую технику торговли, накопить капиталы, которые уже не находят применения дома и ищут выгодного помещения за границей; другие только развивают у себя промышленную деятельность, но не имеют еще достаточных капиталов, чтобы разрабатывать в потребной мере свои природные богатства и поднять до насто-

[231] Там же.

ящей высоты свою торговую технику; третьи, наконец, вырабатывают почти одно сырье, следовательно, очень бедны ещё капиталами и находятся вообще на весьма низкой степени культурного развития.

Если допустить, что повсюду одновременно установлено господство полной свободы торговли, как это желали бы её сторонники, то каждой стране пришлось бы оставаться почти в том же положении, в каком её застало возникновение подобного режима. Действительно, страны с высокой торговой техникой, с развитой промышленностью и крупными капиталами имели бы в странах с бедными капиталами — земледельческих или со слабо развитой промышленностью — свой естественный рынок сбыта и своих постоянных поставщиков сырья. Стоило бы стране со слабо развитой промышленностью сделать попытку для развития какой-нибудь отрасли промышленности, уже хорошо поставленной в стране с развитой промышленностью, как эта последняя страна, чтобы не потерять рынка, немедленно выбросила бы туда массу товара по убыточной даже для себя временно ценам и убила бы новое дело.

Бороться с этим стране, бедной капиталами, было бы невозможно, ибо на первых порах, без подготовленного рабочего персонала, без налаженной организации дела, без капиталов, которые можно привлечь к делу в этих условиях лишь большими барышами, конкуренция оказалась бы совершенно непосильной. Не было бы возможно и накопление капиталов, потому что накопление это шло бы только за счёт производства сырья, которое предназначалось бы исключительно для стран с развитой промышленностью, а эти последние, являясь единственными покупателями и хозяевами положения, приобретали бы сырьё, которое в самой стране имело бы незначительный спрос, лишь по самой низкой расценке, продавая наоборот, выделанный продукт дорого и беря сверх того в свою пользу за доставку. Другими словами, страна с развитой промышленностью и высокой торговой техникой выгадывала бы и на покупке сырья, и на продаже изделий, и на провозе того и другого, а бедная страна на всём этом неизбежно теряла"».

«Цель покровительственной политики, — пояснял С. Витте, — не допускать притока благ потребительских, вырабатываемых странами с развитой уже промышленностью, а привлечь производительные капиталы предоставлением им преимущественных выгод… Чтобы усилить производительность обильного у нас труда, не находящего применения, и тем ускорить процесс накопления богатства и народного благосостояния в стране, наиболее действенное средство — привлечь иностранные капиталы». С. Витте в период российского промышленного бума начала XX в. приходил к выводу, что: «вообще вопрос о значении промышленности в России ещё не оценён и не понят». «Для России необходимо, прежде всего, ускорить темпы «индустриализации»… В мире ничего не дается даром, и, чтобы создать свою промышленность, страна должна нести известные жертвы, но эти жертвы временные и, во всяком случае, ниже… выгод».

«В то время, как Франция увеличила свою выплавку чугуна за 1890–1900 годы на 58%, Великобритания на 13%, С. Штаты на 76%, Германия на 61%, в России она возросла на 220%...Прилив иностранных капиталов и иностранной предприимчивости явился могучим стимулом нашего промышленного развития последнего времени», — отмечал известный экономист того времени М. Туган-Барановский.

М. Горький летом 1917 г. писал: «Велика и обильна Россия, но её промышленность находится в зачаточном состоянии. Несмотря на неисчислимое количество даров природы… мы не можем жить продуктами своей страны, своего труда. Промышленно развитые страны смотрят на Россию, как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбывать разный товар и откуда дёшево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых… не считается зазорным». Непримиримый оппонент М. Горького философ И. Ильин приходил, тем не менее, к аналогичным выводам: «Запад бил нас нашею отсталостью, а мы считали, что наша отсталость — есть нечто правоверное, православное и священно-обязательное...»

Принимая во внимание все изложенные выше обстоятельства, можно сделать вывод о том, что А.Н. Косыгин, благословляя Д.М. Гвишиани на его тесную работу с А. Печчеи и А. Кингом, имел в виду достичь сразу нескольких целей. Прежде всего он собирался максимально активно вовлечь крупный западный капитал в реализацию проектов, связанных с развитием советской экономики и, в первую очередь, её потребительской сферы. Как говорил автору многолетний помощник А.Н. Косыгина Игорь Простяков, А.Н. Косыгин в узком кругу любил повторять: «Космический корабль мы сделаем лучше всех в мире, наш сложный станок будет выигрывать тендеры у американцев и немцев, отечественный телевизор будет весьма пристоен и его даже может быть удастся продать куда-нибудь в Латинскую Америку. Но как только дело дойдёт до машин, штанов и мебели, то даже уважающий себя негр подумает, можно ли это использовать».

В плане укрепления международного разделения труда и упрочения связей с крупнейшими корпорациями А.Н. Косыгин всерьез размышлял и даже кое-что сделал с точки зрения кооперации советских и зарубежных фирм в строительстве крупных промышленных объектов в странах Третьего мира. Думается, что в рамках программы сближения на негосударственном уровне с собственниками крупнейших корпораций он предполагал серьёзное продвижение и в этом направлении, т.е. совместную работу на рынках третьих стран вообще и Третьего мира, в частности. Базируясь на привлечении западного капитала к реконструкции второго подразделения советской экономики и совместным проектам в странах Третьего мира, он полагал возможным снизить для Запада напряжёность действия закона Розы Люксембург, а соответственно, ослабить те силы на Западе, которые были заинтересованы в навязывании СССР опасной в среднесрочной перспективе гонки вооружений. Наконец, поддерживая крупнейшие производственные корпорации, А.Н. Косыгин полагал, что будет ускорять процесс движения позднего капиталистического общества к различного рода вариантам социализма, понимаемого как строй, базирующийся на всё возрастающем обобществлении средств производства и труда и усилении не рыночных, а плановых и программных методов организации общественной жизни.

Этим планам не суждено было осуществиться. Римский клуб, а в ещё большей степени Международный институт прикладного системного анализа стали проектами, реализованными с советской стороны совершенно иными людьми, имеющими совершенно иное видение мира и диаметрально противоположные взгляды на

будущее. Частично это было связано с конкретными, в определённой мере непредсказуемыми историческими обстоятельствами. Свою роль сыграли и определённые черты личности и мировоззрения А.Н. Косыгина. В данном случае полностью справедливо известное наблюдение, что недостатки человека являются продолжением его достоинств и наоборот. Наконец, роковую роль сыграли и процессы социальной динамики, которые носили, по всей вероятности, неумолимый характер. Однако прежде чем разобраться в обстоятельствах, почему произошло отстранение А.Н. Косыгина от его детища, кто стал держателем и выгодоприобретателем от проектов «Римский клуб» и «Международный институт прикладного системного анализа», необходимо разобраться ещё с одним вопросом. А именно: какие надежды западные партнёры связывали с этими проектами в их первоначальной редакции, пока за проектами стоял А.Н. Косыгин, а его зять частично под влиянием объективной логики событий, а частично вследствие специфических черт своего характера, не перешёл на другую сторону? Короче говоря: кто стоял за спиной Печчеи и Кинга?

Глава 7
Кто стоял за спиной Печчеи и Кинга?

1

Те же вопросы, что в отношении состава, побудительных мотивов и намерений были рассмотрены применительно к группе А.Н. Косыгина, логично проработать и в отношении паттерна Аурелио Печчеи. В предыдущих частях работы мы выяснили, что непосредственно за Аурелио Печчеи из формальных структур стояли промышленно-финансовая группа «Фиат», корпорация «Оливетти», консалтинговая компания «Италконсалт», коммуникативная фирма «Новосидер» и консорциум «ADELA». К числу важнейших структур, относимых к третьему углу магического треугольника мировой капиталистической системы, стоявших за программой Аньелли, как мы уже выяснили, были мощнейшие закрытое объединение Le Cercle («Круг»), Бильдербергский клуб в его ранней, дееспособной стадии, неформальные структуры Ватикана и в определённой степени гетерархии «чёрного интернационала».

Без ответа, однако, пока остаётся вопрос: какой слой, какую общественную группу представляли люди, инициировавшие проект Аньелли, и каковы были их конкретные социальные, в широком смысле этого слова, характеристики? Не требует особых доказательств суждение о том, что ядро этой группы составляли семьи, либо владевшие крупнейшими итальянскими предприятиями и компаниями, либо контролировавшие их. Для дополнительного подтверждения этого тезиса достаточно обратиться к перечню учредителей «Италконсалта» и «Новосидера», подробно разобранных в предыдущих частях работы. Там же детально анализировалась такая ключевая черта итальянского и — шире — центральноевропейского бизнеса как его родовой характер.

Касательно маркера «родовой» применительно к бизнесу нужно сделать оговорку. В современном русском языке прилагательное «родовой» чаще всего означает «семейный». Однако в Италии, на юге и в некоторых районах центра Германии, на юге Франции и на севере Балкан под семьёй понимают нечто иное, нежели в России. В этих регионах сохранилось исходное понимание семьи как рода, т.е. как нескольких связанных между собой крепкими узами семей. Иными словами, семейный бизнес в Италии — это бизнес, который принадлежит, управляется и контролируется членами одной или нескольких, связанных узами кровного род-

ства или насчитывающих десятилетия непрерывного, тесного, делового взаимодействия фамилий.

Что касается семьи, то наиболее ярко понимание семьи в южноевропейском смысле слова передано в романах Марио Пьюзо о мафии и Джан Батисто Амбруазино о каморре. Хотя материал в романах этих авторов имеет весьма экзотический характер и прямо связан с сицилийско-американским и неаполитано-германским преступным миром, понимание семьи, представленное книгами Пьюзо и Амбруазино, имеет универсальный для южной и частично центральной, приальпийской Европы характер. Под семьёй понимается достаточно замкнутая, хотя и потенциально открытая к приёму новых членов общность, внутри которой имеются устойчивые связи, члены которой обладают достаточно жёстко закреплёнными ролями и функциями, а отношения между ними регулируются неформальным институциональным кодексом поведения и взаимоотношений.

Некоторые исследователи полагают, что такого рода семейный характер является пережитком архаики. Они исходят из того, что корни мафии лежат в наиболее отсталой итальянской провинции Сицилии, а каморра базируется в наиболее бедных районах Неаполя, населённых выходцами из южной оконечности полуострова, где также преобладает отсталое аграрное население. Однако данная точка зрения представляется неверной, поскольку такие же семейные группы обнаруживаются на территории всей Италии, а также не только Южной, но и Северной Германии, Пруссии и Голландии. Вряд ли можно считать архаичными Милан, Геную, Турин, Венецию, Флоренцию, Кёльн, Берлин, Гамбург и т.п. Вероятно, данная характеристика семьи связана не с аграрной архаикой, а с некоей традицией, идущей ещё из раннего средневековья и обусловленной глубинными психоисторическими процессами.

Зафиксируем тот факт, что определяющей характеристикой крупного итальянского бизнеса был и остаётся его семейно-родовой характер. Чтобы разобраться в данной проблематике, необходимо оперировать историческими и статистическими данными, а не различного рода легендами о «чёрной венецианской аристократии», которая с лёгкой руки команды Л. Ларуша заполнила англо- и русскоязычную литературу. Между тем сегодня, когда открыто и оцифровано подавляющее большинство бизнес-архивов, начиная с XVIII, а в некоторых странах и с XVI в., становится возможным переход от описательной аналитики к истории как точной науке. Конечно, нельзя недооценивать и препятствий, стоящих на пути исторических расчётов. Например, при анализе европейского богатства вообще и итальянского в частности, ещё нередко оперируют данными журнала «Forbes» и подобными ему источниками. Между тем, исторический анализ, как точная наука, предполагает не только точность в расчётах, но и корректность в критериях и формулировках. При использовании данного критерия «Forbes» и другие источники, базирующиеся на публичных бесплатных данных о формально принадлежащей собственности, ни в коей мере не могут выступать как первичные источники для анализа богатства.

Такие данные можно найти в материалах Бюро Ван Дьюка и Дан Брандстрит. Не так давно вышла фундаментальная монография Лучано Скартини, посвящённая анализу семейно-родовых связей 100 богатейших семей Италии[232]. Согласно скрупулёзному

[232] Skartini L. Parentela e la ricchezza in Italia. Trieste: ABC, 2008.

исследованию автора, из 100 богатейших семей Италии 67 имеют аристократические корни или прямые семейные связи с владетельной аристократией. Данные расчёты сделаны применительно к списку 100 богатейших семей по критерию собственности на все виды активов, а также решающего контроля бизнеса, выражающегося через преобладание в советах директоров и участии в топ-менеджменте компаний.

Критерий «аристократические корни» определялся по наличию среди членов фамилий, т.е. прямых и близких (не менее второй степени родства) предков и родственников, принадлежащих к фамилиям, представленным в Готском альманахе и альманахе аристократических родов Италии не позднее, чем с начала XVIII в. Для определения наличия прямых семейных связей с владетельной аристократией использовался итальянский критерий семьи, где под семейными связями понимались не только кровно-родственные связи, а устойчивые, торговые, промышленные и особенно финансовые связи с продолжительностью не менее 25 лет до начала XX в. и не менее 10 лет — начиная с XX в.

Полученные данные были проверены автором текста с использованием сведений, содержащихся в платной версии Отчёта банка CreditSuisseо мировом богатстве[233]. Для выделения богатейших семей Италии были использованы те же критерии, что и в работе Л. Скартини. Учитывая трудоёмкость расчётов, была использована меньшая совокупность — 25 богатейших семей. Выделенная совокупность семей была проанализирована, исходя из данных наиболее достоверных европейских и итальянских генеалогических ресурсов с использованием наиболее продвинутых аналитических генеалогических веб-сервисов[234].

В результате анализа выяснилось, что 18 из 25 богатейших семей по состоянию на 2013 г. имеют аристократические родовые корни или семейные связи. К ним относятся семьи Рокко, Залески-Дорио, Драго, Моратти, Кальтаджироне, Гамбио, Аньелли, Буцци, Мараскотти, Перелли, Энцио, Пессино, Тройелли, Фацио, Натуцци-Спинола, Бартелли, Бенедетти, Коланнино. Любопытно, что для владетельных итальянских семей во второй половине XIX–XX вв. была характерна ситуация, когда преуспевающие предприниматели — выходцы из городских низов, а иногда даже крестьян, женились на девушках из аристократических родов. Однако, в отличие, например, от России конца XIX – начала XX в. и Великобритании второй половины XX в., где такого рода женитьба означала лишь приобретение титула, в Италии дела обстояли иначе. Если в России и Великобритании у старых родов не оставалось ничего, кроме убыточных поместий или замков, а также грамот об аристократическом происхождении и древности рода, то в Италии и в других приальпийских странах наиболее знатные аристократические семейства сохраняли значительные массивы земельной собственности, либо активно участвовали в банковском и финансовом капитале. Более того, в подавляющем большинстве случаев именно в Италии установление родственных связей закрепляло семейные — в итальянском понимании этого слова — отношения. Таким образом, среди богатейших семей доля семей, связанных со старой аристократией, в проведённых расчётах оказалась примерно такой же — 72%, как и полученной в исследовании Скартини — 67%.

[233] Credit Suisse Research Institute: Global Wealth Report. 2013. https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=BCDB1364-A105-0560-1332EC9100FF5C83

[234] http://www.italywgw.org/http://www.zillman.us/subject-tracers/genealogy-resources/